

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

Выпуск № 13, 2014 г.

УДК 800 : 37
ББК 81

ISSN 2305-5146

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Борисов Ю.М., д-р техн. наук, проф.

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. - канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. - д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо - д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Оглядыкова Л.Б. - д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета;

Белякова С.М. - д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;

Намакштанская И.Е. – канд. фил. наук, проф., зав. кафедрой прикладной лингвистики и этнологии ДонНАСА;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Сулемина О.В. – канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (отв. секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:

394006, г. Воронеж, ул.20-летия Октября,

д. 84, комн. 5203

тел: (473) 271-50-48

© Воронежский ГАСУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....</i>	4
--	---

Лингвистика

Любезнова Н.В. Мотивированность в динамической модели формации.....	6
Новикова О.Ю. Функции причастия с позиции современных синтаксических воззрений	11
Выходцева И.С. Функционирование слова «товариш» в советской словесной культуре.....	16
Веселкова Т.В. Исследование способов отображения однотипного содержания производных слов разных словообразовательных типов.....	22
Ольховская А.И. О некоторых неоднозначных проявлениях лексической многозначности.....	30
Суханова Т.В. Лексическая репрезентация образа женщины в произведениях Т. Толстой.....	41
Швецова В.М. Особенности когнитивной природы ассоциативных ресурсов единиц с продуктивной текстовой реализацией.....	45

Методика преподавания языков

Серебрянцева О.Г. Цели обучения психологов-бакалавров основам психолингвистики.....	54
Коврижкина Д.Г. Роль эмоций в обучении иностранных студентов устной речи.....	60

Аспекты изучения художественного текста

Жесткова Е.А. Религиозные мотивы в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон».....	64
Перцева Е.Н. Особенности характера русских жен и матерей в произведениях В.М. Шукшина.....	70
Новикова М.В. Воплощение небесных и земных образов в творчестве С.А. Есенина.....	75
Рыжков Л.А. Историческое развитие грани русской идеи в контексте поэтического творчества А.С. Хомякова.....	79
Перевалова С.Г. Человек и его пороки в баснях Лафонтена.....	85
Голованова Н.Ю. Тема социалистического строительства в повести А.П. Платонова «Котлован».....	94

Межкультурная коммуникация

Кочнева М.Г. Классификация и структурный состав машиностроительной лексики и ее перевод на русский язык (на материале английского языка).....	103
Водина Н.А., Нежина Л.А. Лексические трансформации при передаче каламбуров (французский язык).....	109
Кулешова А.В. Чужая речь в критической статье (на материале французской прессы).....	115
Панкратова Т.В., Шинкаренко Ю.В. Простое и сложносочиненное предложения с союзами «and», «but» в английском языке.....	120
Лоцманова Ю.А. Немецкие фольклорные имена собственные в поликодовых текстах.....	127
Беляева М.В. Актуализация временных отношений в синтаксисе устного дискурса (на материале немецкого языка).....	132
Волкова Е.А., Серикова К.В. Продуктивное конверсивное словообразование в современном разговорном английском языке.....	137

Концептология

Бугакова Н.Б. О специфике использования лексических средств для экспликации концепта «Рождество Христово» в романе И.С. Шмелева «Лето Господне».....	142
Правила оформления статей в Научном Вестнике.....	149

Вступительное слово главного редактора серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Предлагаем вниманию читателей очередной, тринадцатый, выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию коллективом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Данный выпуск содержит статьи, посвященные актуальным проблемам современных теоретических и практических лингвистических исследований.

Необходимо отметить, что авторами данного выпуска являются доктора, кандидаты наук российских и зарубежных вузов, а также молодые ученые (аспиранты, магистранты, студенты). Данный выпуск серии содержит 23 научные работы.

Выпуск состоит из пяти разделов: *I* – «Лингвистика», *II* – «Методика преподавания языков», *III* – «Аспекты изучения художественного текста» *IV* – «Межкультурная коммуникация», *V* – «Концептология».

В разделе «Лингвистика» представлены результаты исследований в области современного языкознания. В них обсуждаются актуальные проблемы словообразования (Любезнова Н.В.; Веселкова Т.В.) и синтаксиса (Новикова О.Ю.), исследуются особенности функционирования слова «товарищ» в советской словесной культуре (Выходцева И.С.), изучаются проявления лексической многозначности (Ольховская А.И.), особенности когнитивной природы ассоциативных языковых ресурсов (Швецова В.М.), лексическая репрезентация образа женщины в прозе Т. Толстой (Суханова Т.В.).

Во втором разделе – «Методика преподавания языков» – представлены работы, в которых выявляются и обосновываются цели обучения психологов-бакалавров основам психолингвистики (Серебрянцева О.Г.), а также исследуется роль эмоций в обучении иностранных студентов устной речи (Коврижкина Д.Г.).

Раздел «Аспекты изучения художественного текста» включает статьи, посвященные изучению специфики языка писателей. Это работы Жестковой Е.А., Перцевой Е.Н., Перваловой С.Г. и др.

Четвертый раздел – «Межкультурная коммуникация» – посвящен особенностям взаимодействия разных языков. Здесь рассматриваются машиностроительная лексика английского языка и особенности ее перевода (М.Г. Кочнева), вопросы английского синтаксиса (Панкратова Т.В., Шинкаренко Ю.В.) и словообразования (Волкова Е.А., Серикова К.В.). Помимо этого освещаются лексические трансформации при переводе каламбуров (Водина Н.А., Нежина Л.А.) и особенности функционирования чужой речи в критической статье (Кулешова А.В.) на материале французского языка. Уделяется внимание некоторым вопросам синтаксиса (Беляева М.В.) и ономастики (Лоцманова Ю.А.) немецкого языка.

Пятый раздел – «*Концептология*» – посвящен анализу различных видов концептов, их структуры, проблемам индивидуально-авторской картины мира писателей. Данный раздел представлен работой Бугаковой Н.Б.

Содержащиеся в тринадцатом выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр проблем современной лингвистики, методики, межкультурной коммуникации и изучения языка художественных текстов.

Считаем, что данная серия будет интересной и полезной для специалистов-филологов, преподавателей русского языка как иностранного, литературоведов, аспирантов.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского ГАСУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81.373.612

Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова

Канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и культуры речи

Любезнова Н.В.

Россия, г. Саратов, тел. +7(8452) 28-79-45;

e-mail: lubeznovanat@mail.ru

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov

PhD, associate Professor of the Department of Russian language and speech culture

Lyubeznova N.V.

Russia, Saratov, tel. +7(8452) 28-79-45;

e-mail: lubeznovanat@mail.ru

Н.В. Любезнова

МОТИВИРОВАННОСТЬ В ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФОРМАЦИИ

В статье рассматривается проблема мотивированности в динамической модели глагольной формации на примере глаголов с префиксом «про-», делается акцент на понятии «синхронное словообразование».

Ключевые слова: синхронное словообразование, словообразовательное значение, словообразовательная формация, словообразовательный тип.

N.V. Lyubeznova

MOTIVATION IN THE DYNAMIC MODEL OF FORMATION

The article is devoted to the problem of motivation in a dynamic model of the verbal formation on the example of verbs with the prefix «pro-», focuses on the concept of «synchronous derivation».

Keywords: synchronous derivation, word meaning, word formation, derivation type

Характерной чертой современной лингвистической науки является обостренный интерес к семантике единиц разных уровней - в ее неразрывной связи с формальной стороной этих единиц. «В настоящее время требуется определенное переосмысление накопленных в лингвистических исследованиях фактов, необходимы поиски новых подходов к проблеме значения в языке», – отмечает Т.В. Кузнецова, размышляя о связи между словообразовательной структурой производного слова и его лексическим значением.[2; с. 2] Внимание ученых обращено на изучение мотивационных связей в процессе деривации, на выявление признаков словообразовательного значения, роли деривационных средств в его формировании и специфики значения производных слов. «В словообразовательном "ведомстве" русистики сложилась сегодня несколько противоречивая ситуация. С одной стороны, серьезные успехи семантики в языкознании последних лет дали толчок формированию нового направления и в словообразовательной синхронии. Общая направленность поисков

образованию, и суть его в том, что интерес сосредоточен на сопоставлениях преимущественно содержательного, но не формального плана», – отмечает Л.П. Катлинская [1; с. 63]. Однако само понятие «динамический подход» остается не вполне ясным. Хотелось бы отметить, что динамический подход – это не семантический подход (как можно заключить из вышесказанного). Можно говорить о динамике содержательной стороны словообразования, а не ставить знак равенства между динамическим подходом к словообразованию и семантическими вопросами словообразования. Динамика всегда предполагает движение. Под динамическим аспектом подразумевается совокупность вопросов, связанных с выявлением причин и факторов эволюции языка.

В центре нашего исследования – синхронное словообразование, которое изучает живые связи слов, находящихся в отношениях словообразовательной мотивированности. Но следует отметить, что ни на одном уровне синхрония и диахрония, процессы и результаты не переплетаются так тесно, как на уровне словообразования. Поэтому ориентация исследователей языка на синхронию не должна исключать диахронию: диахрония присутствует в самой синхронии, хотя это присутствие не всегда ощутимо.

Ведь в сущности и синхрония ретроспективна, потому что современное состояние грамматических форм обусловлено их развитием в прошлом и непонятно иногда без исторического экскурса в это прошлое. Связывая синхронию и диахронию, мы пытаемся осмыслить язык в динамике.

Многие считают, что синхронное словообразование – это система словообразовательных типов, существующих в современном языке. Поскольку в современном языке имеются продуктивные и непродуктивные, активные и неактивные, регулярные и нерегулярные, развивающиеся и затухающие словообразовательные типы, то встает вопрос о границах системы синхронного словообразования – в нее входят все или только действующие словообразовательные типы? Сторонники статического понимания синхронии включают в нее только действующие словообразовательные типы и модели. Нам представляется неверным ограничение синхронного словообразования только продуктивными, действующими типами и моделями. Для словообразования как функционирующей системы значимы не только продуктивные типы, но и непродуктивные, угасающие, нерегулярные. В процессе коммуникации участвуют все образования: продуктивные, непродуктивные, регулярные, нерегулярные. В этом смысле все словообразовательные типы являются действующими.

При исследовании синхронной системы словообразования нужно уделять внимание прежде всего семантике, так как именно в семантике заключены истоки всех изменений, сдвигов и смещений, затрудняющих анализ современной системы словообразования. Только надежная семантическая база может обеспечить желаемые успехи в установлении взаимосвязи синхронии и диахронии. Именно через развитие семантики можно рассматривать мотивированность в динамической модели формации.

Рассматривая отдельно взятую формацию, мы пытаемся определить, каким образом мотивировано словообразовательное значение различных типов этой формации. Утверждая, что между словообразовательными типами существует мотивированность (то есть одно значение вытекает из другого), мы исходим из того, что перед нами микросистема одной из формаций внутриглагольного словообразования, а

в динамической системе все связано между собой, одна категория мотивирована другой категорией.

Рассмотрим динамическую модель формации «про-». Определение мотивированности в динамической модели формации предполагает ответ на вопрос: каким образом мотивированы словообразовательные значения формации. Всеми исследователями, которые описывали данную формацию, отмечается первичное словообразовательное значение - значение перемещения субъекта или объекта, затем происходят какие-то динамические мотивирующие процессы в формации, вовлекаются новые основы и появляются другие словообразовательные значения.

«Слова, содержащие префикс *про-*, если начинать с их наиболее общего значения, обозначают либо движение вперед вообще, либо движение вперед относительно какого-либо специального предмета» [3; с. 171]. А.Ф. Лосев устанавливает общее значение префикса, которое можно было бы рассматривать как модель для всех других более частных значений. Все слова с приставкой *про-*, по Лосеву, обозначают различное движение:

«движение вперед вообще»: *продвигаться, проносить, пропускать, проследовать, простираться, протягивать...*;

«движение и становление или в области природных явлений, или в явлениях человеческой жизни, или в том или другом месте»: *прогнать, пригонять, прогреть, прогудеть, продиктовать, пройти, прокладывать, пролегать, проливать, проплывать, проследить, прослушивать, просматривать, простаивать, протекать, прокатываться...*;

«слова, обозначающие движение и вместе с тем создающие тот или иной предмет в процессе самого этого движения»: *пробудить, протоптать, проторить, прошивать...*;

«слова, обозначающие движение во времени вообще»: *проезжать*; в настоящем: *прогуливаться, продолжать, проживать*; прошедшее как единый момент: *продекламировать, продержать, продефилировать, продешевить, продирижировать, продрезать, продремать, проездить, прождать, пропить, прозвать, прозимовать, проиграть...*; движение в будущем: *пробуждать, провозвестить, продвигать, продлить, прозревать, просиять, простонать...*;

«движение или действие относительно какого-нибудь цельного предмета»: *прогреметь, прогудеть, проделать, продергивать, проедать, промерять, прополаскивать, проработать, просватать...* и так далее [3; с. 171-172]. По Лосеву, даже такие производные слова, как продумать, промучить, прослезиться, прочувствовать, прозревать, проморгать, проанализировать и т.п., относятся к различным видам движения.

Конечно, такая точка зрения имеет право на существование, но мы, вслед за М.В. Черепановым [4; с. 302-305], рассматриваем данную формацию несколько по-иному. То, что А.Ф. Лосев называет «значением префикса», мы определяем не как приставочное значение, а как словообразовательное значение, которое возникает в результате соединения значения префикса и семантики мотивирующей основы.

Динамика формации предполагает деривационную историю, которая связана с развитием исходной семантики перемещения. На наш взгляд, не все глаголы с приставкой *про-* имеют значение движения. Это значение было первичным, затем возникли какие-то новые словообразовательные типы, семантика которых была мотивирована значением перемещения. Появление словообразовательных группировок с

новыми значениями говорит о непрекращающихся динамических сдвигах в пределах формации, обусловленных взаимодействием различных моделей и направлений мотивации.

Исходной словообразовательной семантикой перемещения в глаголах с префиксом *про-* является «перемещение субъекта или объекта в пространстве, однонаправленное преодоление какого-либо расстояния: *продвинуться вперед, продрейфовать к северо-востоку, проехать к городу, пройти по указанному направлению, провести ребенка по мосту, протянуть проволоку к столбу*. Более маркированной является семантика «перемещения субъекта или объекта сквозь что-либо, через что-либо»: *пробиться сквозь чащу леса, продаться сквозь кустарник, пролезть через колючую ограду, пролететь сквозь тучу (самолет), проскочить сквозь засаду, протиснуться через толпу людей*. Прямолинейное перемещение может быть не направленным на объект, а осуществляемым мимо объекта, отсюда сема «мимо, минуя объект»: *пробежать мимо знакомого, прогарцевать мимо трибуны, проехать мимо деревни, промаршировать мимо старшины, проплыть мимо пристани, прошмыгнуть мимо учителя, пробросить шайбу мимо ворот, пропустить встречного мимо себя*. В том случае, если перемещаемый предмет все же соприкасается с другим примером, но не находит выхода наружу, могут произойти деструктивные изменения в предмете, подвергающемся воздействию: *прогнуть, продавить, промять*.

Движение сквозь, через объект переосмысливается как внутренний охват объекта: *мороз пробрал основательно, проветрить зал, прогладить рукав, прокрасить полы, промесить тесто, пропарить капусту, простукать больного, просушить рыболовную сеть, протопить печь, проутюжить брюки, прочистить дымоход, прошиповать колбасу*. Дальнейшее развитие исходного значения внутреннего охвата объекта действием дает результат в виде словообразовательного значения «пропитать, насытить предмет чем-либо»: *провоцировать паркет, прокоптить рыбу, прокрахмалить белье, промаслить картон, проолифить доску, просмолить борта лодки, проспиртовать препарат*. Расширение круга производящих за счет именных основ порождает конфиксальные структуры типа *проредить, просветлить, прояснить*.

В сочетании с глаголами эволютивности и состояния префикс организует словообразовательный тип с семантикой распространения на весь объект процесса или состояния: *прогоркнуть, прогреться, прозябнуть, прокиснуть, промерзнуть, пропахнуть, просохнуть, прочувствовать*.

Регулярен и продуктивен словообразовательный тип с семантикой «осуществить деятельность или испытать состояние в течение какого-либо времени»: *пробалагурить весь вечер, пробастовать неделю, пробегать урок, пробедствовать зиму, протлеть три дня, провоевать полгода, прогостить несколько дней, продремать*.

С семой «мимо» связана семантика «потерять, утратить что-либо»: *проездить деньги, прожить накопления, проиграть сбережения, прокутить имение, пролепить уйму денег, промотать наследство, пропить совесть, просадить капитал, протранжирить зарплату*. Расширение производящей базы данного словообразовательного типа формирует типовое значение «упустить, пропустить, не заметить что-либо при осуществлении действия»: *проворонить, проглядеть; прозевать, прокарать, проморгать, прослушать*. Та же сема «мимо» проявляется в группе глаголов с общей семантикой «причинить себе ущерб совершением ошибочного, неудачного действия»: *проговориться, промахнуться, простроиться, просудиться*.

Сравнительно небольшую группу, но с четко выраженным словообразовательным значением «прийти в нормальное состояние в результате осуществления длительного действия» образуют глаголы *продышаться, прокашляться, проморгаться* и некоторые другие.

Модификационная семантика низкой интенсивности организует незначительную в количественном отношении, но семантически четко очерченную группу производных совершения неинтенсивного, для отдыха или удовольствия действия: *пробежаться, прогуляться, проехаться, пройтись, прошвырнуться*.

Наконец, модификационная семантика результативно-одноактного осуществления действия создает словообразовательный тип, находящийся на противоположном полюсе от глаголов с локальной семантикой; выполняемая префиксом функция в глаголах этого типа близка к грамматической (видообразующей); словообразовательный тип регулярен, продуктивен и лексически хорошо наполнен: *пробормотать, проговорить, прогреметь, прогудеть, прозвучать, прочитать, проголосовать, продемонстрировать, продублировать, проиллюстрировать, проконсультировать, прорекламирровать, прорепетировать, проштудировать, проэкзаменовать, профинансировать*.

Итак, мы сделали попытку рассмотреть динамическую модель формации *про-*. Мы видим, что динамика формации предполагает деривационную историю, которая связана с развитием исходного значения перемещения, то есть сначала были глаголы с семантикой движения, а затем в результате метафорического переосмысления действительности и вовлечения в круг производящих новых основ появляются другие словообразовательные значения.

Библиографический список

1. Катлинская Л.П. Место семантики в описании русского словообразования // Филологические науки. 1995. № 4. С. 63.
2. Кузнецова Т.В. Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур: На материале моделей семантико-словообразовательной категории «становление/приобретение признака»: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2004. С. 2.
3. Лосев А.Ф. Сигнификативный анализ префикса «про-» // Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983. С. 171-172.
4. Черепанов М.В. Очерк словообразовательной типологии русского глагола. – Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 302-305.

References

1. Katlinskaya L.P. The place of semantics in describing of Russian word formation // Philological Sciences. 1995. № 4. P. 63.
2. Kuznetsova T.V. Lexical-semantic potential of word-building structures: On a material of models of semantic formative category «formation / acquisition of feature». Synopsis of dissertation for the degree of candidate of Philology Sciences, 2004. p. 2.
3. Losev A.F. Significant analysis of prefix «pro-» // Losev A.F. Language structure. M., 1983. P. 171-172.
4. Cherepanov M.V. Essay of formative typology of Russian verb. - Saratov: Saratov University Publishing, 2004. P. 302-305.

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный универси-
тет
Аспирант кафедры русского языка
Новикова О.Ю.
Россия, г. Воронеж
lacosta25@rambler.ru
Тел.: 8-908-133-11-04*

*Voronezh State University
Post-graduate student of the Russian Lan-
guage Department
Novikova O.Y.
Russia, Voronezh
lacosta25@rambler.ru
Tel.: 8-908-133-11-04*

О.Ю. Новикова

ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЯ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

Статья посвящена изучению проблемы определения синтаксической функции причастия. В исследовании приводятся разные точки зрения на причастие как на предикативную единицу и утверждается необходимость рассмотрения причастия как второго либо второстепенного сказуемого.

Ключевые слова: причастие, причастный оборот, второе сказуемое, второстепенное сказуемое, пропозиция.

O.Y. Novikova

THE FUNCTION OF THE PARTICIPLE FROM THE PERSPECTIVE OF THE MODERN SYNTACTIC THEORIES

The paper studies the problem of determining the syntactic function of participle. The article provides different viewpoints on participle as predicate form and argues necessity for considering the participle as the second or secondary predicate.

Keywords: participle, participial phrase, the second predicate, the secondary predicate, proposition.

Вопрос об отнесенности причастия к той или иной части речи до сих пор можно считать открытым и актуальным, несмотря на неоднократно проявленный интерес к этой теме со стороны исследователей (А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Л.Л. Буланин, И.К. Сазонова). Главная проблема заключается даже не в том, что причастие сложно отнести к определенному классу слов, а в том, что не решен до конца вопрос о критерии, который должен быть положен в основу классификации частей речи как таковых. Проблема неоднозначности выделения частей речи наглядно показана, например, в статье В.М. Алпатова [2], в которой описываются основные подходы к классификации частей речи, выделяемые в лингвистической теории: семантический, морфологический, синтаксический подходы и подход, основанный на интуиции. В зависимости от того, какой подход будет взят на вооружение исследователем, и будет определен статус причастия и, как следствие, статус причастного оборота как конструкции в целом.

Неоднозначность сущности причастия повлекла за собой множество разнородных исследований, в которых причастие рассматривалось различно и, подчас, противоречиво. Однако во многом именно от верного определения частеречной принадлежности зависит адекватное понимание семантических, морфологических и синтаксических характеристик языковой единицы.

Если в качестве основы для классификации частей речи взять семантический подход, то причастие окажется максимально приближено к прилагательным. Однако семантический подход имеет слабые места, которые, при использовании исключительно этого подхода, делают его наименее подходящим. Так, неоднократной и обоснованной критике подвергалось отсутствие прямой корреляции между частями речи и семантическими классами лексики.

При морфологическом подходе части речи выделяются в зависимости от особенностей словоизменения и словообразования в широком смысле. Традиционная система частей речи по преимуществу морфологическая. Несомненным преимуществом морфологического подхода является его большая упорядоченность и систематизированность, по сравнению с семантическим подходом. Однако у этого подхода есть и слабые места. Наиболее очевидна недостаточность морфологических классификаций там, где речь идет о неизменяемых словах. В рамках морфологического подхода причастие приближено к глаголу в аспекте словообразования и к прилагательному – в аспекте словоизменения. Такая двойственность приводит к отнесению причастия к глаголу или прилагательному либо к выделению причастия в отдельную часть речи. Однако неизбежным становится вопрос об адекватном определении синтаксической функции одиночного причастия и причастного оборота в целом, потому что приходится делать выбор либо в пользу определения (ссылаясь на связь причастия с прилагательным), либо в пользу сказуемого (учитывая связь с глаголом). Так, в школьной практике, использующей морфологический подход, причастие не рассматривается как сказуемое, но только как определение, что вскрывает неполноту морфологического подхода – по крайней мере, по отношению к причастию.

Синтаксический подход снимает ряд противоречий предыдущих подходов и помогает наиболее адекватно оценить статус причастия. Преимуществом данного подхода является большая универсальность, по сравнению с морфологическим, потому что синтаксический подход приложим практически ко всем языкам. Кроме того, нельзя не отметить корреляцию синтаксических частей речи с семантикой слов, что позволяет выделять разные семантические структуры.

При синтаксическом подходе причастие объединяется с глаголом либо с прилагательным, но не выделяется в отдельную часть речи. Однако синтаксический подход наиболее верно и полно помогает рассмотреть причастие во всей его неоднозначности и сложности и позволяет использовать такое понятие, как синтаксема при анализе функционирования причастного оборота в предложении. Однако синтаксический подход не отрицает использование морфологического подхода. Для понимания природы причастия такое соединение подходов является наиболее подходящим для выявления всех особенностей причастия как части речи. В то же время подобная совокупность подходов составляет, по мнению В.М. Алпатова, теорию, основанную на интуиции и отражающую неоднородность и неполноту традиционных классификаций частей речи. Однако использовать интуитивный подход как единственный не представляется возможным ввиду неуниверсальности и отсутствия формализации. А потому необходимо применение иного подхода. Некоторые исследователи рассматривали классификацию частей речи как влияние психолингвистических механизмов (А.Е. Супрун, отчасти Л.В. Щерба), то есть носители языка воспринимают слова и подсознательно относят их к тем или иным словесным группам. Так, у Л.В. Щербы читаем: «Однако в вопросе о "частях речи" исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, по предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, – ибо дело вовсе не в "классификации", – под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае» [8].

Подобный неоднозначный подход к категориальной отнесенности причастия никак не отражается на выявлении морфологических свойств этой части речи. Признаки глагола и прилагательного могут варьироваться в зависимости от тех языковых условий, в которые поставлена конкретная причастная форма, что во многом и обуславливает невозможность выбора однозначного подхода к данной части речи. В зависимости от языковых (или речевых) условий у причастия могут доминировать глагольные при-

знаки либо признаки прилагательного (иногда практически при полном подавлении глагольного значения). Следует отметить, что при явном расхождении в вопросе частеречной отнесенности причастия исследователи, тем не менее, сходятся в вопросе выявления морфологических характеристик этой категории слов (А.Н. Тихонов, Н.Г. Блохина, А.А. Камынина и др.).

Вероятнее всего, наиболее адекватный подход к пониманию причастия может быть обеспечен путем соединения разных аспектов языка. Такой подход заявлен у А.П. Вьясовой: «Анализ научной литературы позволил прийти к выводу о том, что сущность причастия следует искать не в морфологии и не в синтаксисе обособленных оборотов, а в соединении синтаксиса предложения с синтаксисом текста, что требует другого определения причастий – не морфологическая форма глагола, а синтаксическая форма, или синтаксема, представляющая собой зависимый предикат» [3; с. 8].

Поиск предикативной функции у причастия не является атрибутом лишь последних лет. Об этом задумывался еще А.А. Шахматов, однако он пришел к выводу, что исторически причастие как часть речи расслоилось на две группы: «одни причастия перешли в чисто предикативные слова, другие стали настоящими атрибутами, то есть перешли в прилагательные. Под влиянием народной речи литературный язык в предикативной функции сохраняет только выделившиеся из причастий деепричастия» [7; с. 83]. Таким образом, Шахматов пришел к выводу об отсутствии предикативной функции у причастия и наличии лишь функции атрибутивной.

Однако подход, в рамках которого причастие рассматривается в качестве зависимого предиката, позволяет более адекватно оценить как морфологический, так и синтаксический статус причастия как части речи и как структурного ядра причастного оборота.

Вопрос о синтаксической функции причастия, входящего в состав обособленного или необособленного причастного оборота до сих пор остается открытым, а потому особенно важно найти наиболее верную точку зрения на сущность причастия как такового. Представляется, что рассмотрение причастия как зависимого предиката и сможет стать такой точкой отсчета.

Говоря о причастии как о синтаксеме, мы понимаем под этим термином минимальную синтактико-семантическую единицу языка, несущую свой обобщенный категориальный смысл в конструкциях разной степени сложности и характеризующуюся взаимодействием морфологических, семантических и функциональных признаков.

Данный подход к природе причастия указывает на необходимость рассмотрения еще одного важного вопроса: причастие в системе членов предложения.

Причастие в составе оборота может выполнять функция или главного члена предложения, или второстепенного. Выделение причастия как определения возможно в рамках логического подхода, который предполагает обозначение члена предложения в соответствии со смысловым вопросом [1; с. 53-60]. Так, для причастий, помимо грамматического вопроса *что делающий?*, характерен вопрос прилагательных *какой?* Однако такой подход практически полностью игнорирует ряд глагольных характеристик причастия: время, вид, залог, значение добавочного действия, пропозитивная функция. Категориальное глагольное значение, присущее причастию, делает его средством выражения пропозиции. Так, А.А. Камынина говорит о вторичной или свернутой пропозиции, которую и репрезентирует причастие [4; с. 144]. Таким образом, причастие не является определением (хотя атрибутивные отношения, безусловно, наблюдаются), а выполняет номинативную пропозитивную роль. Это означает, что причастие становится своего рода заместителем финитного глагола, в связи с чем для обозначения синтаксической функции причастия предлагался такой термин, как второстепенное сказуемое. Второстепенное, то есть не основное, что больше соответствует синтаксической роли причастия, так как отражает пропозитивную семантику.

Более адекватным представляется иной подход, предложенный в научных трудах А.М. Ломова, с позиции которого причастие в составе причастного оборота может выполнять две синтаксические функции: второго и второстепенного сказуемого. Прича-

стие, коррелирующее с подлежащим, является вторым сказуемым. Причастие, соотношенное с каким-нибудь второстепенным членом предложения, выполняет роль второстепенного сказуемого [5; с. 264]. Для сравнения укажем позицию О.Б. Сиротининой, которая наделяет причастие лишь функцией второстепенного сказуемого: «Второстепенное сказуемое может быть выражено и причастным оборотом. <...> Второстепенное сказуемое – член предложения, осложняющий предикативную основу предложения, поэтому оно всегда обособляется, отделяется от основной предикативной конструкции запятыми» [6; с. 103-104].

Ввиду неоднозначности следует подробнее остановиться на объяснении, почему именно роль сказуемого является более логичной для причастия в составе причастного оборота.

Как уже было отмечено, вовлеченность причастия в состав оборота играет важную роль. Если причастие занимает одиночную необособленную позицию при поясняемом слове, то синтаксическую функцию данного причастия вполне логично обозначать как определение. В данных случаях причастие выполняет в первую очередь атрибутивную функцию, подобно прилагательному: *Если подворачивался зазевавшийся прохожий, подхватывал и его* (А. Дорофеев); *Губа почти не болит, но из-за сломанного зуба свистеть как-то не так* (А. Геласимов).

В предложениях подобного рода причастие не вступает с подлежащим в двустороннюю, взаимообуславливающую связь и не акцентирует внимание на факте совершения действия субъектом.

Однако ситуация меняется, когда причастие начинает входить в состав причастного оборота. Обособленность конструкции (не в плане пунктуационных знаков, а в плане структуры предложения) диктует новые условия для реализации причастия. Причастная конструкция задает новую для предложения ситуацию и формирует новую пропозицию, что и позволяет говорить о причастии не как о второстепенном члене предложения, а как о трансформированном сказуемом. Полупредикативность причастия в составе оборота дает возможность говорить о пропозитивном осложнении того предмета, к которому данное причастие относится. В этом случае причастие становится аналогом сказуемого. Однако причастные обороты могут выступать в качестве аналога сказуемого двумя способами: коррелируя либо с подлежащим, либо с второстепенными членами предложения. При этом выстраиваются разные отношения: в первом случае причастие связано непосредственно с подлежащим, во втором случае – с его аналогом. Именно по этой причине представляется некорректным использование лишь какого-то одного термина (только второе или только второстепенное сказуемое) для характеристики совершенно разных языковых ситуаций. Приведем примеры использования причастия в качестве второго сказуемого: *Тогда с ними был дед Богатенок, знавший на болоте все летние и зимние стежки* (В. Быков); *Так туча, закрывавшая небо целый день, внезапно уходит и обнажает огромный кусок пронзительной синевы* (А. Геласимов); *Когда только начал Петр I строить Петербург, напугал солдат медведь, выскочивший из-за моих деревьев, и стали меня звать Мишкиным или Мишиным* (Л. Городнева). Причастие в качестве второстепенного сказуемого: *Но теперь библиотеки не стало, как не стало и самой школы, сгоревшей в первую военную осень* (В. Быков); *Он протянул мне через порог наволочку от подушки, раздувшуюся до невероятных размеров* (А. Геласимов); *Потом вышли на полевую дорожку, приведшую их в большой смешанный лес, из которого на рассвете выбрались на это холмистое поле* (В. Быков).

Таким образом, введение терминов «второе» и «второстепенное сказуемое», которые представлены в трудах А.М. Ломова, оправдано и обосновано. Эти термины позволяют более четко разграничить сферы функционирования причастия, поскольку при корреляции с подлежащим и корреляции с второстепенными членами в предложении выстраиваются разные взаимосвязи и отношения между структурными элементами.

Второе и второстепенное сказуемые – это разноранговые явления, которые различаются по ряду признаков:

1) Второе сказуемое находится в непосредственной связи с первым сказуемым, образуя с ним единый блок – двойное сказуемое (смотри определение). Второстепенное сказуемое такого блока не образует.

2) Второе сказуемое входит в состав базисной пропозиции, формируемой на основе первого сказуемого. Второстепенное сказуемое формирует свернутую (небазисную) пропозицию и лишь на этой основе включается в базисную.

3) Второе сказуемое вступает в двустороннюю координационную связь с подлежащим. Второстепенное сказуемое с подлежащим не коррелирует.

Итак, мы обнаруживаем в реальной речевой практике те языковые факты, которые позволяют выстроить иерархическую структуру разных типов сказуемых – без перекрещивания и совмещения признаков и характеристик.

Адекватная трактовка функций причастия обеспечит решение и других вопросов, связанных с функционированием причастия в языке. Остается ряд тем, требующих детального исследования. Одной из таких тем является рассмотрение причастия как предикативной единицы и предикативного центра причастного оборота. Далеко не все исследователи наделяют причастие предикативной функцией, что способствует разночтениям в классификации предложений, осложненных причастными оборотами. Так, подобные предложения, в зависимости от воззрений на причастие, рассматривают либо как полипропозитивные, но монопредикативные, либо как полипропозитивные и полипредикативные, либо как монопредикативные с явлениями полипредикации.

Таким образом, перспективы дальнейшего исследования функций причастия очевидны.

Библиографический список

1. Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. №4, 1936.
2. Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи // Вопросы языкознания: журнал. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1986. №4.
3. Вьяльсова А.П. Типы таксисных отношений в современном русском языке (на материале причастных конструкций). Автореф. дис. ...кандидата филол. наук. М., 2008.
4. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: Учеб. пособие. М., 1999.
5. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. Воронеж, 2004.
6. Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., 2006.
7. Шахматов А.А. Учение о частях речи. М.: КомКнига, 2006.
8. Щерба Л.В. О частях речи // Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

References

1. Avanesov R.I. Subordinate parts of the sentence as the grammatical categories // Russian language in school. №4, 1936.
2. Alpatov V.M. About different approaches to separation of the parts of speech // The questions of linguistics. M., 1986. №4.
3. Vyalsova A.P. Types of taxis relations in modern Russian language (in terms of participial constructions). Author's abstract. M., 2008.
4. Kamynina A.A. Modern Russian language. Morphology: textbook. M., 1999.
5. Lomov A.M. Russian syntax in alphabetical order: conceptual dictionary. Voronezh, 2004.
6. Sirotnina O.B. Lectures on Russian language syntax. M., 2006.
7. Shahmatov A.A. The theory of the parts of speech. M., KomKniga, 2006.
8. Scherba L.V. About parts of speech // Language system and speech activity. M., 1974.

УДК 811.161.1.374

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова»
Канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и культуры речи
Выходцева И.С.
Россия, г. Саратов, тел. 89878011573;
e-mail: amoskvin81@mail.ru

VPO «Saratov State Agrarian University. N.I. Vavilov»
PhD, associate professor of Russian language and culture of speech.
Vykhodtseva I.S.
Saratov, Russia, tel. 89878011573;
e-mail: amoskvin81@mail.ru

И.С. Выходцева

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА «ТОВАРИЩ» В СОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье анализируется функционирование слова «товарищ» от его появления в русском языке до становления и массового употребления в советское время.

Ключевые слова: словесная культура, ключевое слово.

I.S. Vykhodtseva

OPERATION OF THE WORD «COMRADE» IN THE SOVIET VERBAL CULTURE

The article examines the operation of the word «comrade» from his appearance in the Russian language to the formation and mass consumption in the Soviet era.

Keywords: verbal culture, keyword.

Слово «товарищ» появилось в русском языке в XIV веке. По своему происхождению оно являлось заимствованием сочетания *tavar is* из древних тюркских языков и означало «соучастник, компаньон в торговле» [13; с. 68], что и было первоначальным значением русского слова товарищ. Товарищ – тот, кто с тобой в одном «товаре», т.е. в торговой поездке, временный друг [7; с. 58]. Заимствование этого слова древнерусским языком свидетельствует о древних торговых связях Руси с тюркскими народами.

Словарь В.И. Даля отмечал следующие значения слова товарищ: «дружка, сверстник, ровня в чем-либо, однолеток, односум, помощник, сотрудник, соучастник в чем-либо» [6; с. 409]. Набор синонимов, из которых состоит словарная статья, показывает, что ведущей «идеей» данного слова остается значение близости людей по общему делу. Об этом свидетельствуют пословицы: *В дороге сын отцу товарищ; Умный товарищ – половина дороги; От товарища отстать без товарища стать; Бедный богатому не товарищ; Слуга барину не товарищ*» [6; с. 409].

Поэтому в XVII – XIX вв. слово использовалось в особой риторической (повышенной) функции, там, где речь шла о свободном объединении людей, основанном на равноправии: так Петр I называл своих сподвижников, так Пушкин обращался к друзьям (Товарищ, верь, взойдет она...), так начиналась песня «Варяг» (Наверх, вы, товарищи, все по местам...).

Это слово имело также значение «*помощник, заместитель*», это административный, судейский термин: «*воеводский товарищ*», «*товарищ министра*», потом «*товарищ прокурора*», так, например, читаем у Салтыкова–Щедрина ироническую характеристику этого значения: «*Бобырев стоит на службе в качестве товарища кого-то или чего-то*» («*Тени*») [2; с. 432].

После 1917 г. у этого слова появляется новое значение, которое пришло из социал-демократического, партийного лексикона в значении «*соратник по политической борьбе*». Интересно проследить рождение этого нового значения у аналогов в европейских языках: во французском в слове *camarade* новое значение «*член левых, крайне левых партий и синдикатов (профессиональных союзов)*» датируется 1869г., в немецком (впервые в работах социалиста Ф. Меринга в 1879г.) *Genoese* используется в новом значении «*член социал-демократической рабочей партии, с выражением общих убеждений в борьбе за осуществление целей социализма и коммунизма*»; в английском языке в слове *comrade* новое значение «*социалист и коммунист*» датируется 1884г [2; с. 546]. Таким образом, в русском языке данное значение у слова «товарищ» появилось позднее, чем у европейцев и это связано с поздним распространением партийных организаций в нашей стране.

После Октября в России данное слово приобретает коннотацию «*единомышленник в политической борьбе пролетариата за свержение эксплуататоров*», и его необычайная массовость использования привела к тому, что уже к середине 20-х годов это слово стало употребляться не только по отношению к соратникам по партии, но и ко всем советским людям. Развитие полисемии данного слова шло путем приобретения специфически «советских» новых значений. Чтобы проследить этот процесс, обратимся к толковым словарям XIX века (словарь В.И. Даля) и XX века под ред. Д.Н. Ушакова (1935-1940 гг.) и к первому изданию словаря С.И. Ожегова (1949 г).

Слово *товарищ* в словаре Даля имеет одно значение (см. начало статьи), в словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова – четыре. Так, в словаре Даля ведущей идеей является значение «*близость людей по общему делу*».

В словаре Ушакова следующие значения: «*1. Человек, действующий, работающий вместе с кем-н., помогающий ему, делающий с ним общее дело, связанный с ним общим занятием, общими условиями жизни, и потому близкий ему...// по чему. Человек, которого объединяет с кем-н. Общность чего-н. (занятий, деятельности, переживаний и т.п.)... Т. по классу... Т. по партии... 2. Член своей политической партии (в языке революционных партий, в особенности – коммунистов). Этот Т. – прекрасно образованный марксист...// Член советского общественного коллектива, человек, принадлежащий к советскому обществу, всякий, кто вместе с другими, участвует в общей советской работе (нов). Дело было поручено трем партийным и трем беспартийным товарищам. 3. То же - при фамилии или звании человека своей (партийной, советской) среды (на письме обычно обозначается сокращенно «тов.» или «т.»); нов). Вся страна праздновала шестидесятилетие товарища Сталина. // При фамилии или звании – обращение к человеку такой среды (нов.). Товарищи матери, берегите здоровье своих детей! \\ Без упоминания имени или звания – обращение к любому взрослому постороннему, незнакомому человеку в советской среде (за исключением случаев, когда известна или предполагается его принадлежность к чуждой социальной среде; нов. разг.). Т., со-*

блюдайте очередь. 4. кого. Помощник, заместитель. Т. председателя [12; с. 719-720]. В описании первого значения «новизна» проявляется в приведенных примерах. В описании второго и третьего значений новое все (помета «нов.»), причем «новизна» эта так значима, что в примерах из советской и партийной жизни не используется традиционное лексикографическое сокращение слова до начальной буквы. Об этом же свидетельствует исчерпывающая полнота примеров [10; с. 95]. Только последнее четвертое значение является в некотором роде «устаревшим». Словарь С.И. Ожегова дает такую же характеристику этих значений.

Следует отметить, что на протяжении всей советской эпохи слово *товарищ* сохраняло и свое прежнее, неполитическое значение, которое не утратило своих позиций и в современном русском языке. А. Вежбицкая разграничивает эти два значения: *товарищ₁* (неполитическое) и *товарищ₂* (политическое) Значение *товарищ₂* развилось из значения *товарищ₁* и имело толкование: «*обращение к гражданину, а также его упоминание, обязательное обращение или упоминание применительно к члену коммунистической или дружественной партии*» [3; с. 360].

Проследив историю слова *товарищ* от его появления в русском языке до становления и массового употребления в советское время, можно сделать предположение о том, что именно после 1917 года оно становится ключевым для словесности советской культуры. Чтобы показать это, опишем его по методике Т.В. Шмелевой (девять примет ключевых слов: частотность, текстовое пространство, грамматический потенциал, синтагматика, парадигматика, онимическое употребление, дефиниции, языковая рефлексия, языковая игра) [15; 1993].

1. Частотность. В советскую эпоху *товарищ* было одним из самых частотных слов в русском языке. В Частотном словаре русского языка это шестое по частоте существительное, непосредственно следующее за такими словами, как *год, дело, человек, жизнь и день*, и его частотность в корпусе из 1 миллиона словоупотреблений очень высока – 1162. [14]. В советской словесной культуре это тоже одно из самых частотных слов (количество употреблений – около 2000).

2. Текстовое пространство. Слово *товарищ* может выступать в названиях текстов. Например, в заголовках газеты «Правда»: «*К товарищам рабочим главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги*» [5; 1913 № 7], в названиях стихотворений: «*Всем товарищам Смирновым*» С. Смирнова, «*Товарищ Джурбай*» П. Васильева, «*Товарищу Нетте - пароходу и человеку*» В. Маяковского и др.

В текстовом пространстве слово *товарищ* тяготеет к определенному композиционному закреплению (хотя оно может встречаться в любых частях текста): часто встречается в начале и конце текста, т.к. служит в этих позициях ораторским обращением [10; с. 93]. Например: «*Товарищи рабочие! Каждый из нас знает, какое громадное воспитательное значение имеет рабочая пресса, в противовес буржуазно-продажной*» [5; 1913 № 52].

3. Грамматический потенциал слова. Этот признак для ключевых слов не очень существен, хотя можно показать реализацию словообразовательных возможностей у данного слова: *товарищество, товарищеский, товарищески, по-товарищески, сотоварищ, сотоварищество*. Например; «*Напечатанная в «Правде» «Страничка из дневника тов. Ленина» и главным образом то место, где тов. Лениным рекомендуется товарищеское общение города с деревней, встретила в Казани горячий отклик*» [5; 1923 №

21].

4. Синтагматика (сочетаемость) слова. Ключевые слова – слова с высокой сочетаемостью. Словарь сочетаемости, содержит статью о слове товарищ (около 94 сочетаний). Например: *опытный, новый, энергичный, деятельный, старший, младший, руководящий, уважаемый, дорогой... товарищ; Товарищ откуда: из райкома, министерства, из газеты, из области, из центра, из Москвы, с завода, со строительства, с периферии, с Урала...; Встретить, принять, пригласить, вызвать, выдвинуть, назначить, послать... товарища. Доверять, оказать доверие, поручить... товарищу* и т.д. [11; с. 592].

В нашем материале самая высокая сочетаемость слова «товарищ» с существительными (50%): *товарищ + И.О.Ф., товарищ Сталин, товарищ Ленин, товарищ рабочий, товарищ по партии, товарищ председателя* и др. Например: «**Товарищ** К. Николаева открыла митинг, после чего слово предоставлено было **т. Коллонтай**» [5; 1917 № 22].

Сочетаемость с прилагательными на втором месте (35 %): самое употребительное сочетание – *дорогой товарищ (48), уважаемый (14), верный (12), милый (8), молодой (6), остальные (4), партийный (4) и т.д.* Например: «*Да здравствует великий вождь народов, наш любимый, наш родной друг и учитель **дорогой товарищ Сталин***» [5; 1936 № 1].

Самая низкая сочетаемость слова «товарищ» с глаголами (15%): *говорил товарищ (12), указывает товарищ (10), благодарить товарищей (4), доверять товарищу (4)* и др. Например: «*Социалистическое соревнование, - **говорил товарищ Сталин**, - есть выражение деловой революционной самокритики масс*» [5; 1938 № 5].

В текстах можно найти примеры необычной для данного слова сочетаемости, что говорит о ее расширении. Например: «*...тресту удалось произвести за два месяца приращение капитала в одном миллионе рублей золотом по довоенной стоимости, - конечно, в товарах, оплодотворить которую должен грядущий жених – **товарищ урожай***» [5; 1922 № 148]. Или у В. Маяковского в «Левом марше»: «*Разворачивайтесь в марше! Словесной не место кляuze, тише, ораторы! Ваше слово, **товарищ маузер***».

5. Парадигматика ключевого слова. Антонимы к слову *товарищ* в Словаре антонимов М.Р. Львова не зафиксированы [8], так как статус этого ключевого слова не позволяет ему иметь антонимы [10; с. 94]. В текстах же, особенно поэтических, можно встретить следующие антонимические пары: «*Ленин*» и «*Смерть*» - слова - **враги**. «*Ленин*» и «*Жизнь*» - **товарищи**» в стихотворении В. Маяковского «Комсомольская». Или в стихотворении М. Голодного «У гроба Н. Островского» читаем: «*Вставай, мой **товарищ**, мой друг боевой, С **врагами** не кончен решительный бой*».

Синонимические связи слова *товарищ* гораздо шире. В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой оно входит в два синонимических ряда (т.к. слово многозначное), где доминантами являются слова *друг* и *сотоварищ*. *Друг – товарищ, приятель; дружок, друг-приятель, побратим (разг.); кореш (прост.) Сотоварищ / по учению, работе: товарищ / по работе: сослуживец, коллега, компаньон, партнер* [1; с.131]. Например: «*Для нас Роллан – **соратник** в борьбе, **друг, товарищ***» [5; 1936 №

28].

Более показательнее то, что слово *товарищ* многозначно и развивает полисемию за счет приобретения специфически «советских» значений. Подробнее см. выше.

6. Онимическое употребление. Ключевое слово *товарищ* в качестве онима выступало в первые годы советской власти (в названиях колхозов, заводов, фабрик, пароходов, улиц и т.д.). Например: «*Сталелитейный завод им. тов. Сталина*» и др. В «Толковом словаре языка Совдепии» Мокиенко В.М. и Никитиной Т.Г. зафиксировано у алтайцев мужское имя *Товарищ* [9; с.567], но оно не закрепилось в этом качестве в речевой практике.

7. Дефиниции. Этот признак существен для ключевого слова, так как оно может быть объектом определения: «*Товарищам, которых язык нередко заводит за пределы большевизма, сейчас пора сказать, что так долго продолжаться не может, и они нам не товарищи*» [5; 1923 № 7].

8. Языковая рефлексия. С. Волконский (эмигрант) в своей статье 1923 года «О русском языке» обвиняет русскую революцию в том, что она опозлила и испакостила слово *товарищ*: «Слово «*Товарищ!*» Какое прекрасное, священное слово! *Товарищ по школе, товарищ по полку, товарищ по несчастью...* Что же сделали из него? Незнакомый к незнакомому подходит: «*товарищ, позвольте закурить*». Чекист обыскивает вас: «*ну, товарищ, выворачивайте ваши карманы*». Оно превратилось в совершенно бессодержательное обращение – вылущенное, выпотрошенное слово. Достаточно, чтобы какое-нибудь слово было пущено революционным классом в широкий действенный оборот, и оно уже тем самым превращается в разрушительную силу для «родного языка» тех классов, которые отстраняются от господства и главенства. Все дело в том, что пролетариат, совершив переворот в производственных отношениях, стал главенствующим и руководящим классом в области идеологии» [4; с. 25].

М. Пришвин в «Кощеевой цепи» пишет: «Слово «*товарищ*» было для него как перебегающая искра мировой катастрофы». Безусловно, слово *товарищ* было символом советской эпохи.

9. Языковая игра. Эта форма речевой деятельности в советской официальной культуре была неуместна, поэтому могла функционировать только в качестве дозволенной цензурой шутки.

Например: «*Товарищ не понима-а-ает... Не понима-а-ает товарищ*» (из выступления Р. Карцева) – о непонятливом человеке.

«*Товарищи! Среди нас есть такие товарищи, которые нам вовсе не товарищи*» (из кинофильма «Карнавальная ночь») – о несогласных с мнением говорящего бюрократов.

Таким образом, безусловно, слово *товарищ* является ключевым словом советской культуры. А. Вежбицкая в своей работе «Семантические универсалии и описание языков» отмечает: «Если бы надо было назвать одно слово в качестве ключевого слова советского русского языка, то, вероятно, это было бы именно данное слово (*товарищ*)» [3; с.360-361].

Библиографический список

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Просвещение, 1986. 494 с.
2. Боровой Л. Путь слова. М.: Просвещение, 1960. 607 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Языки русской культуры, 1997. 416 с.
4. Волконский С. О русском языке // Современные записки, кн. XV. Париж, 1923. С. 23-45.
5. Газета «Правда» 1917-1940 гг.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. IV. 683 с.
7. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-е Ленинг. ун-та, 1986. 311 с.
8. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. 381 с.
9. Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: «Фолио-Пресс», 1998. 704 с.
10. Романенко А.П. Советская словесная культура: Образ ратора. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 212 с.
11. Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
12. Толковый словарь русского языка. М.: Вече, 1996. Т. I-IV.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1973.
14. Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 859 с.
15. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 52-69.

References

1. Alexandrova Z. Russian Thesaurus. M., Prosvechtchenie, 1986. 494 p.
2. Borovoy L. Way of the words. M., Prosvechtchenie, 1960. 607 p
3. Vejbizkaya A. Language. Culture. Cognition. M., Languages Russian culture, 1997. 416 p.
4. Volkonskiy S. About Russian language// Modern Notes, vol. 15. Paris, 1923. P. 23-45.
5. Newspaper «Pravda», 1917 – 1940.
6. Dal V. Explanatory Dictionary of Russian language. M., Gos. Izd-vo foreings and nationals dictionaries, 1955. Vol IV, 683 p.
7. Kolessov V. World of man in the word of ancient Russia. L., LGU, 1986. 311 p.
8. Lvov M. Antonyms Dictionary of Russian language. M., Russian language, 1984. 381 p.
9. Mokienko V. Explanatory Dictionary of Sovdepia. S-Pb., Folio-Press, 1998. 704 p.
10. Romanenko A. Soviet verbal culture: The image of the rhetorician. Sratov, SGU. 2000. 212 p.
11. Collocations Dictionary Russian language. M., Russian language, 1983. 816 p.
12. Dictionary of Russian. M: Vetche, 1996. Vol 1-IV.
13. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian language. M., Russian language, 1973
14. Frequency Dictionary of Russian language. M., Russian language, 1973. 859 p.

15. Shmeleva T. Keywords of the moment. // Collegiu. 1993. № 1. P. 52-69.

УДК 811.161.1'366

*Институт журналистики и филологии
Саратовского государственного универ-
ситета им. Н.Г. Чернышевского
Канд. филол. наук, доц. каф. русского язы-
ка и методики его преподавания
Веселкова Т.В.
Россия, г. Саратов, тел. 8(8452)22-85-58;
e-mail: kyznecova.08@mail.ru*

*Institute of Philology and Journalism of Sara-
tov State University
PhD, Associate Professor of the Department
of the Russian language and methods of its
teaching of the
Veselkova T.V.
Russia, Saratov, tel. 8(8452)22-85-58;
e-mail: kyznecova.08@mail.ru*

Т.В. Веселкова

ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБОВ ОТОБРАЖЕНИЯ ОДНОТИПНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ РАЗНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ

В статье предлагается анализ закономерностей становления и развития лексических значений производных слов, в основе которого находится исследование производных слов одной семантико-словообразовательной категории.

Ключевые слова: словообразовательный тип, лексическое значение, производное слово, словообразовательная мотивация, семантико-словообразовательная категория.

T.V. Veselkova

THE STUDY OF THE WAYS OF REFLECTION OF HOMOGENEOUS CONTENT OF DERIVED WORDS BELONGING TO DIFFERENT DERIVATION TYPES

The article offers the analysis of regularity of derived words lexical meanings formation and developing. The analysis is based on the study of derived words of one semantic-derivational category.

Keywords: derivation type, lexical meaning, derived word, derivational motivation, semantic-derivational category.

Ход науки в своем поступательном движении вперед основан на последовательном осуществлении все новых и новых разграничений, выявляемых в самом объекте исследования и фиксируемых в теоретических выкладках о нем. Всякого рода разграничения постоянно проводились – осознанно или интуитивно – и в науке о языке. То, что на одном этапе развития языкознания считалось единым понятием, на другом этапе оказывалось разложимым на два, три и более понятий. На каждом витке кривой познания в содержательной стороне языка открываются новые глубины. В современной лингвистике осознана потребность перехода от дериватологии описательной к дериватологии объяснительной. Появились новые наблюдения и новые вопросы, утвердилось признание наличия связи между словообразовательной структурой производного слова и его лексическим значением. Выявилась перспективность сопоставительного изучения близких и тождественных по семантике словообразовательных структур: «Семантико-словообразовательная категория, объединяющая в себе разные способы представления

одной мотивационной (словообразовательной) семантики, оказалась рентабельной базой изучения законов моделирования лексических значений производных слов на основе разноуровневого их сопоставления...» [3; с. 188].

Мы исходим из того, что содержание в языке представлено не иначе, как в тех или иных языковых формах, естественно, наблюдение и измерение его необходимо начинать именно с языковой формы: словообразовательная типология может «послужить надежной основой для создания лексико-семантической типологии производных слов» [1; с. 91]. В противном случае лексика языка представляется только как совокупность единиц, системных связей между которыми не существует. В подобной совокупности каждая единица может быть описана исключительно как величина самодовлеющая, безотносительно к другим однокорневым словам.

В связи с вышесказанным возникла необходимость специального исследования семантики производного слова. Она диктуется несколькими обстоятельствами. С одной стороны, в силу логики развития самой лингвистики на современном этапе на первый план выходят проблемы, связанные с содержательной стороной языковой системы, в том числе и такие, которые касаются содержательной стороны отдельных языковых единиц. С другой стороны, именно эти проблемы оставались вплоть до недавнего времени наименее изученными и в области словообразования, так что семантические особенности производных слов менее известны, чем их формальные характеристики. Несомненно и то, что в трактовке семантических признаков производных слов существуют значительные расхождения.

Проявление интереса к закономерностям формирования лексических значений производных слов в последние десятилетия является следствием отказа от перечня и описания автономных единиц, каждая из которых имеет собственный набор семантических, грамматических и сочетаемостных характеристик, но при этом не имеет связей и общих компонентов с другими лексемами. Новый подход к описанию лексических значений производных слов предполагает выявление общих закономерностей работы самого механизма их образования. И.С. Улуханов, например, предложил разграничить не идиоматичные и идиоматичные словообразовательные типы [7; с. 178]. Но эта задача и на сегодняшний день не решена, так как нет точного определения границ словообразовательных типов.

В современной теории словообразования выделяется когнитивное направление, которое дает возможность исследовать те явления, которые не поддаются описанию и объяснению прежними методами, указывает пути преодоления ранее не решенных проблем. Новое направление в теории словообразования позволяет переосмыслить и уточнить понятие словообразовательного типа, увидеть «перспективность перехода от классификации словообразовательных типов, базирующихся на частеречной принадлежности мотиваторов, к классификации, исходящей из понятийной (когнитивной) их отнесенности» [2; с. 30].

Для нас важно, что одна из существенных особенностей современного состояния словообразовательной науки заключается в переходе от накопления и описания фактов к анализу их соотношения и во все большем интересе к организации определенных подсистем в словообразовании и словообразовательной системы в целом. Категория как единица системы словообразования исследована совершенно недостаточно. Это прежде всего объясняется тем, что вплоть до последнего времени система в словообразовании понималась лишь как совокупность словообразовательных типов, что и отражено в лингвистической литературе и учебных пособиях. Семантико-словообразовательные категории остаются мало изученными в современной лингвистике. Словообразовательные категории русского глагола специальному анализу не подвергались, но перспективность таких исследований не вызывает сомнений.

В данном исследовании мы хотим проследить, насколько это возможно на настоящем этапе исследования, взаимосвязь лексико-семантических и словообразовательных структур, описать серию правил, относящихся к образованию лексических значений производных слов с предсказуемой семантикой и к уточнению способов описания и представления смысловых структур производных слов в лексикографических источниках.

Категория глаголов «становления / приобретения признака» состоит из большого количества словообразовательных структур, что определяет объективность межуровневого типологического анализа. Выбор для анализа именно этой группы глаголов обусловлен и тем, что глаголы названной категории могут быть отнесены к той части лексики, которая является более системной, то есть, допускает исчерпывающее разложение на элементарные семантические признаки. Глаголы названной категории являются «удобным» языковым материалом с очевидной словообразовательной и семантической структурой, с ясной системой семантических оппозиций.

Учитывая, что в лингвистике не выработан метаязык для описания словообразовательного и лексического значений, в данном исследовании мы используем метод компонентного (семного) анализа, поэтому выделяем тип со значением «становиться (стать) таким, как названо мотивирующим прилагательным», не включая в его состав семы «выделяться», «быть таким», «казаться таким», на том основании, что они отражают разные денотативные сферы, имеют разную категориально-лексическую семантику (глаголы проявления признака, глаголы бытия / существования). Ср.: «...два продуктивных типа глаголов, производимых от основы имени прилагательного:...2) на -еть со значением: «становиться, казаться, быть таким, какого обозначает производящее имя прилагательное», например: *хорошеть, темнеть, светлеть, прыщаветь, постылеть, богатеть, вдоветь, свирепеть* и т. д.» [5; с. 347].

Значения анализируемых производных слов складываются из нескольких частей – семантики мотивирующей части (значения мотивирующего слова), индивидуальных для данного слова компонентов и компонентов, повторяющихся в семантике других производных слов, ср. *черстветь* – «становиться / черствым» (вертикальной чертой разделены два компонента, входящие в состав значения этого слова). Компонент «становиться...», входящий в семантику отадъективных глаголов разных типов: *ржаветь, паршиветь, яснеть, слепнуть, мягчиться, хрометь* и др., образует словообразовательную семантику всех этих слов. Отсубстантивные анализируемые глаголы разных типов также объединяются идеей становления / приобретения признака. Можно выделить несколько типов производных:

- со значением «приобретение субъектом некоторых признаков кого-, чего-нибудь»: *ноздриться* – «становиться пористым», *остеклениться* – «стать неподвижным и гладким, как стекло», *озвериться* – «стать жестоким, злобным, уподобиться зверю» и др.;

- со значением «покрыться тем, что названо мотивирующим существительным»: *мрачиться* – «покрываться мраком; становиться темным», *грязниться* – «покрываться грязью, становиться грязным» и др.;

- со значением «лишиться того, кто, что названо мотивирующим существительным»: *обезлошадеть* – «лишиться лошади, лошадей, стать безлошадным», *обезземелеть* – «лишиться земли, стать безземельным» и др.

Каждое из указанных отношений часто осложняется дополнительными семантическими компонентами, имеющимися в словообразовательном значении мотивированных глаголов. Так глаголы, мотивированные прилагательными, могут иметь следующие дополнительные семантические компоненты:

- «интенсивность действия»: *брызгнуть* – «**болезненно** полнеть, опухать, оте-
кать», *измокать* – «становиться **совершенно** мокрым», *вмокать* – «становиться
мокрым, **сильно** потеть» и др.;

- «фаза действия»: *слепнуть* – «становиться слепым; **временно** терять зрение» и
др.

Глаголы, мотивированные существительными, могут иметь следующие дополни-
тельные семантические компоненты:

- «**превращаться** в кого-, что-нибудь»: *кумиться* – «становиться кумовьями»,

- «приобретение тех признаков, которые **характеризуют субъект действия в то
время или в том месте, которые названы мотивирующими словами**»: *вечереть* –
«... а потом и домишко исчез, и остались поля, холмистые, нежно-зеленые под вече-
реющим солнцем», *лесеть* – «нет, видно, не только поля лесеют, лесеет и человек...»;

- «**пропитываться** тем, что названо мотивирующим существительным»: *просо-
леть* – «пропитаться солью, стать соленым».

Таким образом, глаголы с указанным значением объединяются на основе общно-
сти мотивационных отношений, общности поля словообразовательной мотивированно-
сти. Под полем словообразовательной мотивированности нами понимается совокуп-
ность взаимосвязанных, разнообразных по языковому статусу (собственно словообра-
зовательных / мотивационно-словообразовательных, единственных / множественных,
непосредственных / опосредованных, прямых / переносных, метафорических / ассоциа-
тивных, осознаваемых / неосознаваемых в синхронной системе языка) мотиваций про-
изводных слов одной темы.

Понятийно-семантические и мотивационные характеристики производного слова,
рассмотренные в единстве, являются рентабельной базой для решения многих дискус-
сионных вопросов, в частности, для решения классификационных вопросов лексиче-
ского и словообразовательного уровня языка. Принадлежность производных слов од-
ной и той же структуры к понятийно-семантической группе, лексико-семантическому
полю и прочие семантические характеристики, с одной стороны, и фактор словообразо-
вательной мотивированности, с другой, находятся в отношениях тесного взаимодей-
ствия. Методика сопоставления лексико-семантической структуры (системы лексико-
семантических вариантов (далее ЛСВ)) производящего слова и семантической структу-
ры производного в рамках словообразовательного типа позволит исследовать специфи-
ку выражения словообразовательного значения, выявить особенности словообразова-
тельной мотивации, соотношения имплицитных и эксплицитных компонентов произ-
водящего и производного значений.

Лексико-семантический потенциал производного слова во многом определяется
тем, какую сферу внеязыковой реальности оно описывает. Например, отадъективные
глаголы со словообразовательным значением «становиться таким, как указано мотиви-
рующим прилагательным» независимо от модели отдают предпочтение тематике «фи-
зическое качество», вместе с тем каждая модель имеет еще некоторые предпочтитель-
ные темы: тематика «цветовой признак» избирается производными суффиксальными
глаголами на -е(ть), тематика «внутренние качества» избирается префиксально-
суффиксальными глаголами на -е(ть) с префиксом по- и префиксально-суффиксально-
постфиксальными производными глаголами, суффиксально-постфиксальные производ-
ные глаголы отдают предпочтение тематике «внешние признаки». Таким образом,
отадъективные глаголы разных моделей с указанным словообразовательным значени-
ем, как правило, избирательно характеризуют наблюдаемые физические ситуации с
множеством признаков или внутренние состояния человека. Очевидным представля-
ется явление дистрибуции: специализации формантов – их преимущественного закрепле-
ния за определенными тематическими группами.

Отсубстантивные суффиксальные глаголы в своем становлении и развитии в качестве лексем обнаруживают зависимость от тематики существительных, отдают предпочтение названиям лиц и веществ, при этом имеют «собственные» переносные значения, например: леденеть – *перен. Цепенеть, холодеть (от страха, ужаса)* (БАС); сиротеть – *перен. Становиться покинутым, опустевшим. Сиротевшие поля* (БАС).

Отадъективные словообразовательные модели имеют разные способности к формированию коннотативных различий, стилистических приращений. Производные глаголы с формантом -ну- и -а- содержат отрицательную субъективную оценку, которую, по-видимому, они наследуют от производящих прилагательных (мотивирующие глаголов на -нуть: дряхлый, слабый, волглый, мокрый, мягкий, сухой, дряблый, слепой, сиплый, брюзглый, блеклый, глухой, заскорузлый; мотивирующие глаголов на -ать: ветхий, худой (тонкий), худой (ветхий), дикий, тощий, мелкий, легкий, нищий, тонкий, дорогой).

Отадъективные глаголы, которые соотносятся со значением, обозначающим физическое качество предмета, отличаются денотативной определенностью, а их лексические значения (далее ЛЗ) в абсолютном большинстве случаев лишены эмоциональных, ассоциативных (метафорических) наслоений (*крепнуть, круглеть, теплеть, рыхлеть* и др.). ЛЗ глаголов, соотносимых со значениями, обозначающими внешние и внутренние качества человека, напротив, в большинстве своем включают эмоционально-оценочные семы (*грузнеть, дряхлеть, худеть, глупеть, жаднеть, наглеть* и др.). Приведенные факты раскрывают явление дистрибуции: специализации формантов – их преимущественного закрепления за определенными коннотативными группами.

Ядро производных отсубстантивных глаголов составляют те, которые соотносятся с существительными качественного значения, по ЛЗ близкими к качественным прилагательным (например: *сирота, зверь, хам*), семантика которых качественная или оценочная. ЛЗ в абсолютном большинстве случаев имеют предсказуемые эмоциональные, ассоциативные (метафорические) наслоения: производные суффиксальные отсубстантивные глаголы с формантом -е- (-е- может быть частью форманта), как правило, характеризуются отрицательной субъективной окраской (*советь, столбенеть, звереть, сатанеть, фанатеть, хаметь, сиротеть, костенеть, дуреть, леденеть, потеть, оболванеть, стекленеть, холодеть, обескроветь, ошизеть, очертенеть, очертеть, офонареть, остолбенеть* и др.).

Однозначные и многозначные отадъективные глаголы, образованные по модели «прилагательное + -е(ть)», как правило, мотивированы многозначными производящими прилагательными, реже производное слово может быть равно (78 из 194 примеров) или «объемней» (11 из 194 примеров) производящего по количеству совмещенных в нем ЛСВ. Производные глаголы выборочно наследуют переносные значения производящих прилагательных, в связи с этим редко (13 слов) имеют переносные значения, как правило, унаследованные от мотивирующих прилагательных.

Не все типы значений производящего прилагательного (независимо от тематики) в равной мере склонны «вливаться» в лексико-семантическую структуру производного глагола. В производном слове развитие получают только ЛЗ, раскрывающие качественный признак исходного прилагательного (например, *глупый – глупеть*). Не получают развития ЛЗ, утратившие сему качественности, специальные ЛЗ (например, *белый – «светлый» (белое вино)*, «контрреволюционный» (*поражение белых*), «со светлой кожей» (*белая раса*), *густой – «полнозвучный (о голосе)» (густой бас)*, *зеленый – «состоящий, сделанный из зелени» (зеленый корм)*). По-видимому, это объясняется тем, что в анализируемых производных глаголах выражается значение изменения, тогда как относительные прилагательные по природе своей статичны и ближе всего стоят к именам

существительным, которые способны выполнить их синтаксические функции. Относительные прилагательные обозначают признаки, устанавливаемые через отношения между предметами, семантика их, таким образом, непосредственно «соприкасается» со значением существительных. А номинативность, идентифицирующий характер значения существительного предопределяют своеобразие его «трансформации» в глагол, при котором существительное, как правило, не способно самостоятельно, лишь своим содержанием, «организовать» значение конкретного действия, вообще процессуального признака.

Как правило, однозначные производные глаголы мотивированы однозначными именами прилагательными, и только при этом условии ЛЗ производных глаголов могут быть определены правилом: «ЛЗ производных полностью соответствуют сумме значений мотивирующей основы (признак) и суффикса (его становление)» [6; с. 129], например: *шалеть* – «становиться шалым», *яловеть* – «становиться яловой», *ручнеть* – «становиться ручным», *хохлатеть* – «становиться хохлатым» и др. Таким образом выявляется высшая степень мотивированности, которую можно считать «эталоном» для выявления отклонения семантики производного от семантики типовой.

Приведенная формула не является абсолютной, так как ЛЗ однозначных глаголов могут отличаться наличием / отсутствием компонента «интенсивность признака»: *сильнеть* – «становиться сильным, **более сильным**», *белеть* – «становиться белым, **белее**», *прочнеть* – «становиться прочным, **прочнее**» и др. (всего 86).

Наличие у глаголов не одного ЛСВ может иметь разные причины.

Во-первых, как правило, причиной многозначности производного является многозначность исходного слова. Обычно одно отдельно взятое значение производного слова, как правило, соотнесено со всем содержанием значения производящего слова, например, *грубый* – *грубеть* в первых значениях.

Реже одно отдельно взятое значение производного слова может быть соотнесено и с какой-то частью значения производящего слова, например:

немой - перен. *Не обнаруживаемый, не высказываемый прямо, затаенный. Немой укор.* (БАС)

неметь - перен. *Терять чувствительность, цепенеть. Пальцы немеют от холода* (БАС)

пьяный – *Свойственный напившимся людям. Пьяный разговор.* (БАС)

пьянеть – *Приходить в возбужденное состояние от чего-либо. Пьянеть от радости.* (БАС)

Значения производящего и производных слов, которые непосредственно соотнесены друг с другом, могут быть далеки от взаимооднозначного соответствия: мотивированные значения могут быть сложнее (пьянеть) или проще (неметь) мотивирующих значений по количеству вычленяемых в них обязательных семантических компонентов.

Кроме производящей основы и форманта следует учитывать экстралингвистический и прагматический факторы, привносящие индивидуальное значение в семантику производной лексической единицы.

Во-вторых, причиной многозначности производного может стать появление в его словообразовательной семантике («становление / приобретение признака») дополнительной семы связи – «выявление признака». Эту сему иногда называют вторичным словообразовательным значением (далее СЗ) [5; с. 346]. Вторичное СЗ (или дополнительная сема связи) «выявление признака» появляется преимущественно в глаголах, мотивированных прилагательными со значением «цветового признака»: *белеть* – «выделяться своим белым цветом, виднеться (о чем-либо белом)» (*Белеет парус одинокий В тумане моря голубом. Лермонтов, Парус*), *алеть* – «выделяться своим алым цветом, виднеться (о чем-либо алом)» (*Как символ мира и свободы, Алеют флаги над Кремлем!*

Ошанин, Родина моя) и др.). Анализируемые производные являются частично идиоматичными, будучи построенными по регулярным словообразовательным моделям. Таким образом, чем выше продуктивность словообразовательного типа, тем более выражены, предсказуемы закономерности образования ЛЗ глаголов.

В научной литературе существуют различные классификации соотношения ЛЗ производного и производящего слова, но они не отображают все существенные взаимоотношения производного и производящего слов. В нашем исследовании применяется составленная ранее классификация: а) высшая степень мотивированности (количество и денотативная направленность ЛЗ производного совпадают с количеством и денотативной направленностью ЛЗ производящего); б) вторая степень мотивированности (разный объем ЛСВ при общей денотативной направленности соотносительных ЛЗ); в) третья степень мотивированности (совмещение признаков общей и разной денотативной направленности ЛЗ производного и производящего); г) четвертая степень мотивированности (только разная денотативная направленность ЛЗ производного и производящего слов) [4; с. 19].

Проведенное нами исследование позволило установить, что специфика словообразовательного процесса зависит от лексико-грамматических особенностей создаваемого слова, от соответствующих характеристик производящего слова, от наличия или отсутствия в его семантике таких компонентов, которые бы способствовали ее преобразованию в необходимое новое значение. Таким образом, выделяются два аспекта исследования: что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации и на что можно «распространить» знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическую орбиту. Реализацией лексико-семантического потенциала словообразовательной структуры является набор значений определенных типов у производных слов, которые в большинстве своем являются закономерным (и во многом предсказуемым) результатом применения основных стратегий словообразования к семантическому материалу исходного значения и связанной с ним ситуации.

Представленные в данной работе закономерности в основных своих чертах в сопоставлении с обнаруженным в других исследованиях названного направления раскрываются как своего рода инварианты словообразовательных тенденций и механизмов: развитие от единичного к регулярному и от дублетности к синонимике и семантическому размежеванию равнозначных образований; влияние внутрисистемных ассоциаций и культурно-этнических особенностей языкового сознания на формирование семантики и мотивационных отношений производных слов; неравноценность влияния разных мотивационных зависимостей производных слов (при их полимотивированности) на действующие законы словопроизводства и возможность разграничения на этой основе сильных и слабых мотиваций; приоритетность не формальных факторов дистрибуции формантов в границах одной словообразовательной категории; опознаваемость (по совокупности признаков) языковых словообразовательных стандартов и окказиональных моделей.

Исследование способов отображения однотипного содержания производных слов разных словообразовательных типов способствует дальнейшей разработке проблем семантического описания языка. Семантико-словообразовательная категория – относительно самостоятельная «подсистема» общей системы языка; цельное и последовательное (хотя и не исчерпывающее) изучение этой «подсистемы» может дополнительно осветить и систему в целом, помочь ее более полному пониманию. Как особая «подсистема», семантико-словообразовательная категория имеет свой особый, «замкнутый» комплекс связей и отношений (семантического и формального характера), установление и объяснение которого само по себе значимо. Уяснение связей и отношений внутри

«подсистемы» семантико-словообразовательной категории может помочь пониманию принципиальных отношений, основных линий взаимодействия между словообразованием и лексикой.

Библиографический список

1. Кадькалова Э.П. Лексические значения производных слов // Русский язык в школе. 1972. № 5. С. 87-95.
2. Кадькалова Э.П. К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. 216 с.
3. Кузнецова Т.В. Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур (на материале моделей семантико-словообразовательной категории «становление / приобретение признака»): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2004. 235 с.
4. Кузнецова Т.В. Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур (на материале моделей семантико-словообразовательной категории «становление / приобретение признака»): автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01. Саратов, 2004. 23 с.
5. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 743 с.
6. Улуханов И.С. Глаголы на -еть в современном русском языке (О продуктивности и регулярности словообразовательного типа) // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. 212 с.
7. Улуханов И.С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных моделей // Русский язык. Грамматические исследования. М.: Наука, 1967. 340 с.

References

1. Kadkalova E.P. Lexical meanings of derived words // The Russian language at school. 1972. № 5. P. 87-95.
2. Kadkalova E.P. The study of derivation laws: Agentive verbs in the Russian language. Saratov: Publishing centre «Nauka», 2007. 216 p.
3. Kuznetsova T.V. Lexico-semantic potential of derivation structures (the study of the patterns the semantic-derivational category «formation/ acquiring of the attribute»): candidate of philology dissertation: 10.02.01. Saratov, 2004. 235 p.
4. Kuznetsova T.V. Lexico-semantic potential of derivation structures (the study of the patterns the semantic-derivational category «formation/ acquiring of the attribute»): author's abstract of candidate of philology dissertation: 10.02.01. Saratov, 2004. 23 p.
5. Russian grammar: in 2 volumes. M.: Nauka, 1980. V. 1. 743 p.
6. Ulukhanov I.S. -еть verbs in the modern Russian language (about productivity and regularity of the derivation type) // The development of derivation of the modern Russian language. M.: Nauka, 1966. 212 p.
7. Ulukhanov I.S. About regularity of derivation patterns collocation // The Russian language. Grammatical studies. M.: Nauka, 1967. 340 p.

УДК 81'373.612

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина

Научный сотрудник отдела учебной лексикографии

Ольховская А.И.

Россия, г. Москва, тел. +7(495)-330-86-65;

e-mail: aleksandra_olhovskaya@mail.ru

Pushkin State Russian Language Institute

The research fellow of the Department of educational lexicography

Olkhovskaia A.I.

Russia, Moscow, tel. +7(495)-330-86-65;

e-mail: aleksandra_olhovskaya@mail.ru

А.И. Ольховская

О НЕКОТОРЫХ НЕОДНОЗНАЧНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению некоторых интересных с точки зрения словарной лексикологии типов лексической многозначности. К ним, в частности, относятся разновидности несобственной многозначности предикатной лексики, антропоморфные характеристики животных, временные реализации пространственных значений и информация о способности слова служить в речи обращением. В статье осуществляется оценка лексикологического статуса каждого из перечисленных явлений, а также предлагаются способы их лексикографического отражения.

Ключевые слова: лексическая многозначность, лексикография, метонимический сдвиг, антропоморфная метафора, обращение.

A.I. Olkhovskaia

ABOUT SOME AMBIGUOUS CASES OF THE LEXICAL POLYSEMY

The article considers types of lexical polysemy according to dictionary lexicology approach. There identified, in particular, versions of «not own» polysemy of predicate lexicon, anthropomorphic characteristics of animals, temporal implementations of spatial meanings, and ability of a word to function as an address. Each of the listed phenomena is given the lexicological status, as well as its lexicographic reflection is provided.

Keywords: lexical polysemy, lexicography, metonymical shift, anthropomorphic metaphor, address.

Как видно из названия данной статьи, речь в ней пойдет о таких разновидностях семантической деривации, которые, будучи отчетливо ощутимыми и время от времени фиксируемыми в словарных произведениях, вызывают некоторые сомнения по поводу их интерпретации и однозначной квалификации. Такие случаи семантической вариантности были обнаружены нами в ходе анализа материалов «Русского универсального словаря» (РУС) [4]; они исчисляются несколькими разновидностями, к которым относятся:

1) некоторые глагольные и адъективные метонимические сдвиги, которые можно свести к метонимическим сдвигам субстантивной природы (ср. *автор описывает деревню* – *повесть описывает деревню*: «автор → его произведение»; *дорогой товар* – *дорогой магазин*: «содержимое → содержащее» и проч.);

2) антропоморфные характеристики животных, метафорический и лексико-вариантный статусы которых в некоторой степени сомнительны по причине гипотетически слитного бытования в сознании понятий, описывающих одновременно человека и животное (ср. *добрый человек* – *добрая собака*, *ребенок играет* – *собака играет* и др.;

3) временные реализации локальных значений, которые уже обсуждались в лингвистической литературе, но которые, однако, так и не получили определенной интерпретации (ср. *школа № 15 – гулять после школы, красивая гостиница – плата за гостиницу*);

4) ЛСВ субстантивной и адъективной природы, мотивированные ЛСВ со значением характеристики лица и толкующиеся посредством модели «употр. в качестве обращения» (ср. *маленькая девочка – Девочка, как тебя зовут?, дорогой мне человек – Дорогой Коля!*).

Рассмотрение данных явлений релевантно в первую очередь в аспекте словарной лексикологии. Последняя представляет собой раздел теоретической лексикографии, назначение которого, по словам В.В. Морковкина, состоит в «таком теоретическом осмыслении лингвистических понятий и категорий, которое бы создавало оптимальные условия для практического лексикографирования языковых единиц» [3; с. 33]. Иными словами, перечисленные разновидности лексической многозначности интересны главным образом не сами по себе, а в отношении принципов их представления в словарных произведениях. Обратимся к последовательному рассмотрению обозначенных случаев.

1. Неглагольная метонимия глаголов и неадъективная метонимия прилагательных

Основное логико-смысловое различие между существительными, с одной стороны, и прилагательными и глаголами, с другой, обусловлено функцией, которую они выполняют в высказывании: для существительных (в прямом номинативном значении) характерна функция идентификации, для прилагательных и глаголов – функция предикации. Поскольку предикация априори несамостоятельна в смысле отнесенности к какому-либо субъекту или объекту, вполне закономерно, что предикатные слова заключают в своей семантике элементы, описывающие их актантные позиции. Это обстоятельство особенно интересно для понимания процессов складывания лексической многозначности и прежде всего многозначности метонимической.

Метонимию традиционно определяют как развитие вторичного значения на основании пространственной, временной, причинно-следственной и т.д. смежности. Это, разумеется, верно. Проблема в том, что в таких определениях обычно не указывается, какая именно смежность имеется в виду. В отношении существительных такое уточнение излишне – понятно, что речь идет о смежности предметов-денотатов. Но о смежности чего говорят в случае прилагательных и глаголов? О смежности признаков и действий? Или о смежности предметов, которые характеризуются с помощью определенных признаков и действий? По-видимому, возможны оба варианта. Так, например, существуют чисто предикативные метонимии, ср. ‘такой, как у мела, молока’ (*белый цвет*) → ‘цвета мела, молока’ (*белая краска*); ‘перемещаться с помощью средств передвижения (о движении в разных направлениях и в разное время)’ (*ездить на работу на машине*) → ‘уметь пользоваться каким-либо средством передвижением’ (*Лиза ездит на машине? – Да, уже научилась*). В то же время вполне реальны глагольные и адъективные метонимии, основанные на соположенности характеризующих ими предметов, ср. ‘такой, который имеет высокую цену’ (*дорогое платье*) → ‘такой, в котором вещи, продукты, услуги имеют высокую цену’ (*дорогой магазин*); ‘разрыхлять, разрывать’ (*копать землю*) → ‘разрыхляя, разрывая, создавать’ (*копать яму*).

По нашим наблюдениям, метонимия второго типа достаточно распространена в языке – обрабатывая массив РУС, мы обнаружили немалое количество её примеров. Среди них обращают на себя внимание такие, которые дублируют субстантивные сдвиги

ги, закрепленные в языке. В частности, нами были найдены следующие «семантические дублеты»:

а) ‘представить средствами языка’ (*автор описывает деревню*) → ‘содержать представленный средствами языка образ чего-либо’ (*повесть описывает деревню*), ‘письменно, в систематическом порядке изложить особенности, состав чего-либо в научном сочинении, официальном документе и т.п.’ (*автор описал какое-либо явление*) → ‘служить отражением какого-либо явления, адекватно передавать какое-либо явление’ (*концепция описывает какое-либо явление*), ‘передать средствами какого-либо искусства’ (*автор выражает в картине что-л.*) → ‘содержать определенную информацию, заложенную автором в произведении искусства’ (*картина выражает что-л.*), с одной стороны, и ‘автор’ (*талантливый писатель, ученый*) → ‘его произведение’ (*я не читал этого писателя, я не понимаю этого ученого*), с другой;

б) ‘передвигаться (о транспортных средствах)’ (*«Волга» объехала «Жигули», машина обошла мотоцикл*) → ‘передвигаться (о людях, которые находятся в транспортных средствах)’ (*мы объехали «Жигули», наш гонщик обошел англичанина на повороте*) и ‘транспортное средство’ (*большой автобус*) → ‘транспортное средство вместе с людьми, которые в нем находятся’ (*таможенники остановили автобус и предложили пассажирам выйти*);

в) ‘перемещаться с помощью средства передвижения (о людях)’ (*я доеду на такси до площади, мы въехали в лес, люди едут в город, я езжу на работу на автобусе*) → ‘перемещаться (о средстве передвижения)’ (*такси доедет до площади, машина въехала в лес, автобус едет по дороге, автобусы здесь не ездят*) и ‘транспортное средство’ (*автобус едет*) → ‘люди, которые находятся, едут в таком транспортном средстве’ (*весь автобус запел*);

г) ‘при нагревании достигнуть состояния кипения (о жидкости)’ (*вода кипит*) → ‘содержать в себе достигшую состояния кипения, начавшую бурлить, klokотать жидкость (о сосудах, каких-либо емкостях)’ (*чайник кипит*) и ‘жидкость’ (*есть борщ*) → ‘сосуд с этой жидкостью’ (*поставить борщ в холодильник*);

д) ‘воспроизводить для слушания (какое-либо музыкальное произведение)’ (*музыкант играет вальс*) → ‘звучать, воспроизводя какую-либо мелодию, какое-либо музыкальное произведение (о музыкальных инструментах)’ (*вдалеке играла скрипка*) и ‘музыкальный инструмент’ (*купить дорогую скрипку*) → ‘музыкант, играющий на этом музыкальном инструменте’ (*в оркестре две скрипки*);

е) ‘будучи зажжённым, включенным, давать свет (об осветительных приборах, приспособлениях)’ (*лампа горит*) → ‘излучаться электрическим осветительным прибором, иметь место (об электрическом свете)’ (*свет горит*) и ‘излучение, воспринимаемое глазом и делающее видимым окружающий мир’ (*мягкий свет*) → ‘осветительный прибор, порождающий такое излучение’ (*включить свет, свет не работает*);

ж) ‘такой, основным содержанием которого является описание процесса раскрытия запутанного преступления’ (*детективный роман*) → ‘такой, который относится к литературе, описывающей этот процесс’ (*детективный жанр*) и ‘литературное произведение’ (*интересный роман*) → ‘жанр такого произведения’ (*история рыцарского романа*).

Наиболее актуальным, как кажется, является вопрос о лексикографической интерпретации таких семантических аналогий. Если мы имеем дело с носителями языка, то дублирование семантической информации в словаре является, очевидно, излишним; в этом случае вполне достаточно представить семантическую модель в одной из словарных статей. Но в какой словарной статье разумнее отразить сдвиг – существительного или предиката? Представляется, что логичнее сделать это в словарной статье су-

ществительного, в сфере которого – предположительно – реализация этой модели происходит первоначально.

Если же словарь ориентирован на иностранца, изучающего русский язык, важным становится контрастивное сопоставление описываемого языка с родным языком адресата: в случае наличия в родном языке подобного семантического явления, следует представить его точно так же, как и в словаре для носителей языка. Если в родном языке пользователя такое явление отсутствует или присутствует, но в несколько ином виде, разумным было бы дублирование данной информации. Точно так же можно, вероятно, рассуждать в отношении словарей для иностранцев неопределенной языковой принадлежности – коль скоро мы не в силах установить, имеется ли у пользователя языковая пресуппозиция о воплощении какой-либо семантической модели в разных частях речи, логично было бы представить определенный сдвиг во всех возможных реализациях.

2. По образу и подобию: антропоморфные характеристики животных

При рассмотрении словарных статей РУС нами был замечен интересный факт, касающийся семантики единиц, способных характеризовать людей и животных одновременно; к таким единицам относятся, например, слова *добрый*, *миролюбивый*, *агрессивный*, *умный*, *злой* и т.д. Дело в том, что в их семантической структуре, как правило, отмечается два ЛСВ: один – характеризующий человека, другой – раскрывающий качества животного. Разумеется, если рассуждать логически, то данные единицы следует квалифицировать как метафорически связанные ЛСВ. Так, *играть* по отношению к ребенку означает ‘делать что-либо ради развлечения, забавы’, а по отношению к животному ‘делать что-либо *как бы* ради развлечения; делать то, что *напоминает* деятельность человека ради развлечения’. Точно так же *умный человек* – ‘человек, отличающийся высокими интеллектуальными способностями’, а *умное животное* – ‘животное, которое *как бы* (с нашей точки зрения) отличается высокими интеллектуальными способностями’ и проч. Однако мыслятся ли антропоморфные значения как метафорические переносы в действительности?

Возьмем, например, слово *дождь* – любой носитель языка осознает разность значений ‘атмосферные осадки в виде капель воды’ и ‘длинные нити цветного металла для украшения елки’, несмотря на отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски переносного значения. Но можем ли мы утверждать, что носитель языка ощутит разность между указанными значениями слов *умный*, *играть* и др.? Как кажется, не всегда. По крайней мере, можно предположить, что данные смыслы способны бытовать слитно в качестве характеристики, используемой и по отношению к человеку, и по отношению к животному.

Для того чтобы избавить наше исследование от голословных высказываний, мы провели пилотный эксперимент, задачей которого стало выяснение отношения носителей языка к значениям, образованным от характеристик человека и называющих качества животных. Респондентам в количестве 30 человек были предложены пары соотносимых контекстов, в которых фигурируют 8 слов в двух интересующих нас значениях, с заданием оценить соотношение данных значений. В том случае, если значения в разных контекстах с точки зрения опрашиваемого являются одинаковыми, ему предлагалось поставить цифру 0, если же они отчетливо различны – цифру 1. Чтобы несколько отвлечь внимание респондентов от центральной для данного эксперимента категории в исходный список нами были введены слова с локальным значением, способные упо-

требляться для обозначения отрезка времени, проведенного субъектом в пространстве. В целях экономии пространства приведем здесь лишь полученные результаты

Таблица 1

Результаты опроса на предмет оценки антропоморфных характеристик животных

Слово	Оцениваемые контексты	0 (одно значение)	1 (разные значения)
армия	1. В СССР была боеспособная армия . 2. После армии он поступил в университет.	5	25
мальчик	1. У Марины двое детей – мальчик и девочка. 2. - Говорят, ты завел собаку? - Да, мальчика , Рексом назвал.	17	13
умный	1. Миша рос умным ребенком: рано начал говорить, быстро научился читать и писать. 2. У него очень умная кошка: все понимает, кажется, вот-вот и заговорит.	24	6
гостиница	1. В Турции мы остановились в шикарной гостинице . 2. Сначала я заплачу за гостиницу , потом поеду в музей.	19	11
отец	1. Мой отец всю жизнь работал хирургом. 2. Кто отец этого очаровательного щенка?	19	11
школа	1. Я учился в школе № 14. 2. Перед школой я гуляю с собакой.	4	26
злой	1. Я очень любил Олесю, хотя и понимал, что она злой человек. 2. Не подходи близко к клетке, этот тигр очень злой .	18	12
играть	1. Ваш сын очень активный, он играет с утра до вечера. 2. Я с интересом наблюдал, как кошка играет с кисточкой от скатерти.	17	13
ванна	1. В этой квартире была очень вместительная ванна . 2. После ванны бабушка почувствовала себя намного лучше.	1	29
агрессивный	1. Этот мужчина чрезвычайно агрессивный , недавно он обругал соседку только за то, что она не поздоровалась с ним. 2. В это время года акулы очень агрессивны , поэтому появляться на	20	10

	море опасно.		
глупый	1. Мне кажется, что твоя подруга не-образованная и глупая девушка. 2. Этот медведь очень глупый , даже не пытайся дрессировать его.	24	6
загс	1. Они зарегистрировали новорожденного в загсе . 2. Нам нужно ехать на вокзал сразу после загса .	11	19
добрый	1. Николай Борисович очень добрый человек! 2. Я еще никогда в жизни не видела такого доброго пса.	24	6

Как видно из приведенной таблицы, антропоморфные характеристики животных (в предложенных контекстах), скорее, не расцениваются пользователями языка как автономные семантические сущности, в то время как временные словоупотребления ЛСВ со значением места чаще осознаются в качестве самостоятельных смыслов. Иными словами, мальчик-ребенок и мальчик-собака понятней и, соответственно, языково более спаяны, чем школа-место и школа-время. Разумеется, есть и свои исключения – так, респонденты не уловили разницы между локальным и временным значениями слова *гостиница*, но на фоне общей тенденции это явление выглядит, скорее, как исключение.

Важным выводом из результатов данного эксперимента является то, что единицы, называющие качества человека и животного, неоднородны и могут быть подвергнуты дифференциации. В частности, выделяется группа слов, значения которых практически единодушно признаны респондентами нерасчлененными (*умный, агрессивный, глупый и добрый*), и группа слов, значения которых оценены как одинаковые лишь по преимуществу (*мальчик, отец, злой, играть*). Такое положение дел наводит на мысль о том, что антропо- и зоосмыслы в различных словах могут иметь разную степень слитности, и единицы, описывающие такой сложный объект, как внутренняя сфера живого существа, нуждаются в «штучном» анализе. Например, употребление слов *мальчик* и *девочка* по отношению к животному существенно отличается от такового по отношению к человеку: собака-мальчик остается мальчиком на протяжении всей жизни (мы никогда не скажем о животном: *мальчик повзрослел*), соответственно, сема 'возраст' для этого значения является релевантной лишь в том смысле, что свидетельствует об отношении человека к животному как к ребенку, о котором нужно заботиться. Слова *умный, добрый, злой, глупый* используются чаще касательно домашних «очеловеченных» животных, в то время как прилагательное *агрессивный* может характеризовать любое животное, но в первую очередь дикое.

Если обращаться к конструированию лексикографических решений относительно этого разряда единиц, то следует учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, нельзя исключать, что расчлененное лексикографическое представление некоторых из таких единиц будет производить на носителей языка впечатление искусственности и неправдоподобности, противоречить их восприятию жизни, в которой животные, как и люди, способны радоваться и огорчаться, быть мальчиками или девочками, иметь или не иметь ум. Следует понимать, что очеловечивание животных часто осуществляется абсолютно естественно, серьезно и без каких-либо условных допущений. Причин этому можно найти множество: мифологичность сознания, синтезированное восприятие действительности, антропоцентричность мышления и мн. др. Разумеется, такого рода экс-

траполяция является принадлежностью наивной, а не научной, картины мира, но ведь толковый словарь в отличие от энциклопедического призван транслировать в первую очередь наивное, обыденное представление о мире и языке.

Во-вторых (и в то же время), не стоит забывать о том, что словарь не назначен отражать единицы так, как они бытуют в сознании носителей, хотя бы потому, что никому в точности неизвестно, в том числе и самим носителям, как именно они там бытуют. Основной характеристикой словаря была и остается дидактическая направленность, а это значит, что его задачей является выведение в светлую зону сознания той информации, которая по каким-то причинам затемнена. С точки зрения научной картины мира, разница между смыслами 'такой, поступки которого определяются стремлением делать добро, для которого характерно хорошее отношение к людям, сочувствие к ним, готовность помочь' (*добрый человек*) и 'такой, который отличается спокойным, общительным характером, лишенный агрессивности и злобы' (*добрая овчарка*) слишком осязаема, и недифференцированное представление этих значений является не чем иным как упущением.

И, наконец, в-третьих, есть все основания предполагать, что смысловое расстояние между характеристикой человека и соответствующей ей характеристикой животного индивидуально в каждом конкретном случае. Так, по-видимому, расстояние между смыслами 'женщина по отношению к своим детям' (*у девочки нет матери*) и 'самка животного по отношению к своим детенышам' (*отнять телят от матери*) больше, чем расстояние между двумя вариантами слова *добродушный* (*парень – сенбернар*).

В свете этого актуальным для лексикографического отражения таких содержательных отдельностей становится использование различных режимов предъявления многозначности: б'ольшая спаянность разных смыслов склоняет к использованию совмещенного (склеивание двух значений в рамках одного толкования) или обобщенного режимов (выведение инвариантного толкования), меньшая – раздельного режима (с графическим обозначением самостоятельности значений), ср. совмещенный режим: **ЗЛОЙ**. Такой, поступки которого определяются недоброжелательством, злобой, злостью, враждебностью по отношению к окружающим, а также (о животных) агрессивно враждебный. *Иван Петрович всегда был злым человеком: никому не помогал, грубил собеседникам. Домой к ним заходить опасно, у них очень злая собака*; обобщенный режим: **МИРНЫЙ**. Такой, который любит мир, согласие, не склонный к вражде, конфликтам, ссорам. *Ваня рос мирным мальчиком. Этот тигр мирный, дрессировщики быстро находят с ним общий язык*; раздельный режим: **ДЕВОЧКА. 1.0**. Ребенок или подросток женского пола. *Ко мне подошла заплаканная маленькая девочка и спросила, не знаю ли я, где ее мама. 2.0*. Животное (обычно домашнее) женского пола. *У тебя есть собака? – Да, девочка, Мальтой зовут.*

3. Место ↔ время. Временн'ые реализации пространственных значений

Широко известным фактом является способность пространственных значений развивать временные, ср. *отдыхать в деревне – после деревни я поехал на море, работать на заводе – перед заводом я гуляю с собакой, ехать по дороге – отдохнуть после дороги* и т.п. По существу, в разговорной речи такого рода значения по аналогии могут развивать и простые предметные имена и даже имена собственные – подобные примеры, в частности, приводит Д.Н. Шмелев в [5], например, *после погон его как подменили* (после получения погон), *после Ивана она расслабилась* (после ухода Ивана), однако пространственные имена имеют б'ольшую генетическую предрасположенность к таким

семантическим сдвигам, ибо пространство и время являются категориями тесно связанными и пересекающимися в сознании.

Следует заметить, что речь здесь идет не обо всех пространственных именах, а в первую очередь об именах, называющих пространства, в которых субъект занят какой-либо актуальной для него деятельностью. К ним, прежде всего, относятся населенные пункты (*город, деревня, село, поселок*), места постоянного и временного жительства (*дом, гостиница, общежитие, интернат, дом отдыха, лагерь*), различные образовательные учреждения (*школа, гимназия, лицей, институт, университет, академия*), учреждения, обслуживающие нужды населения (*поликлиника, больница, магазин, банк, парикмахерская, библиотека, театр, музей, загс*), различные места работы (*завод, офис, бюро*, а также обобщенное слово *работа: идти на работу – отдыхать после работы*) и др. В том случае, если деятельность, осуществленная в пространстве, мало характеризуется самим пространством, как правило, нет причин именовать это время с помощью имени пространства.

Впервые вопрос о статусе интересующих нас содержательных отдельностей, насколько нам известно, был поднят Д.Н. Шмелевым [5; с. 151–152]. Исследователь заметил, что такие метонимические сдвиги отличаются от других простотой, употребительностью, «разговорностью» и потому нуждаются в особой лексикографической интерпретации. Согласно концепции Ю.Д. Апресяна, временные модификации пространственных значений следует считать употреблениями, а не отдельными значениями, ср. в связи с этим определение употребления: «Отдельным употреблением 2 лексемы L я буду называть такое ее употребление 1, при котором она отличается от прототипического значения L по крайней мере двумя коррелирующими друг с другом собственными свойствами и которое может быть получено из прототипического значения с помощью продуктивного правила» [1; с. 5]. В отношении интересующих нас единиц необходимая корреляция налицо: сочетание с временными предлогами (*до, после, за, в*) – семантический прирост ‘время, проведенное в L’. Однако такие единицы, как кажется, правильнее рассматривать не как употребления (т.е. нечто, недотягивающее до ЛСВ), а как самостоятельные ЛСВ, которые на фоне производящих выступают как менее активные, актуальные и употребительные, то есть обладающие меньшей системной и коммуникативной ценностями.

Результаты эксперимента, приведенные в предыдущем разделе, свидетельствуют о том, что носители языка чувствительны к такого рода сдвигам, однако значит ли это, что они должны непременно отражаться в словарях? Думается, что такой вывод вовсе необязателен. Отражение подобных, тривиальных в семантическом отношении, сдвигов в словарях для носителей языка представляется излишним, поскольку последние, обладая лежащими в основе порождения этих сдвигов когнитивными механизмами, способны самостоятельно понимать и образовывать их в речи. Разумеется, такие значения могут быть без проблем поняты и иностранцами. Но без специального исследования нельзя однозначно утверждать, что к такой трансформации способен носитель любого иностранного языка (носители английского, немецкого, французского, итальянского, испанского языков, в отношении которых ситуация более или менее ясна, представляют собой малую часть). В связи с этим следует признать, что в словарях для неопределенной языковой аудитории такие сдвиги должны отражаться.

Как кажется, такие тривиально-речевые метонимические сдвиги в объяснительном словаре для иностранцев разумнее всего представлять, используя т.н. присловарную семантизацию, которая состоит в вынесении информации о значении слова из словарной статьи в присловарную область.

В соответствии с принципами присловарной семантизации интересующий нас метонимический сдвиг следует представлять с помощью модели «пространственный объ-

ект → время, проведенное в этом объекте». Следует заметить, что данная модель характеризует произошедший сдвиг достаточно обще, посредством абстрактного понятия «время», которое на деле имеет более конкретные очертания. Так, когда мы говорим *после школы*, мы имеем в виду не просто время, проведенное в школе, а занятия в школе; когда мы говорим *после завода*, мы имеем в виду работу на заводе; когда мы говорим *после бани*, мы имеем в виду мытье в бане; когда мы говорим *вынести вопрос на бюро*, мы имеем в виду заседание бюро; когда мы говорим *заплатить за общежитие*, мы имеем в виду проживание в общежитии и проч. и проч. Однако ввиду разговорности и смысловой элементарности таких трансформаций их конкретными характеристиками при лексикографировании можно пренебречь.

4. Лексикологический статус обращений

Во время изучения корпуса РУС в глаза бросилось еще одно любопытное обстоятельство – слова, используемые в функции обращения, снабжены в нем отдельными ЛСВ, толкование которых имеет вид «употр. в качестве обращения», «обращение к», «какое-либо (почтительное, фамильярное) обращение к». Дабы дать читателю представление о том, как это выглядит в указанном словаре, приведем здесь фрагменты словарных статей нескольких таких слов.

Таблица 2

Содержательные отдельности-обращения

молодой человек	1.0. Мужчина юного, молодого возраста (от отрочества до зрелых лет). 1.1. <i>обычно в речи старших по возрасту</i> . Употребляется в качестве обращения к юноше, молодому мужчине.	<i>высокий молодой человек – Молодой человек, вы не можете мне донести сумку?</i>
девушка	1.0. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке; юное лицо, существо женского пола, вышедшее из детского возраста. 1.1. Употр. в качестве обращения к юному лицу женского пола, к молодой женщине.	<i>красивая девушка – Девушка, как пройти к метро?</i>
милый	2.1. Такой, который вызывает чувство глубокой приязни и занимает в сердце большое место. 2.2. Употр. в дружеском и фамильярном обращении как выражение приязни.	<i>милая дочь, милый сердцу край – Милая Аня, получил твое письмо.</i>
дорогой	4.0. Такой, который вызывает чувство глубокой симпатии, расположения, любви. 4.2. Употр. в обращении как эпитет, выражающий нежные, дружеские и т.п. чувства, доброе отношение к кому-либо.	<i>Он дорогой для меня человек – Дорогой отец, твое письмо мы получили.</i>

Первый вопрос, который вызывает такой принцип представления способности слова быть обращением, имеет следующий вид – верно ли расценивать функцию слова, которую традиционно принято относить к сфере грамматики, как семантическую отдельность, то есть ЛСВ? В пользу грамматической природы таких единиц свидетельствуют, казалось бы, следующие факты: 1) обращение является синтаксическим элементом, осложняющим структуру высказывания, синтаксической функцией единицы;

2) в функции обращения может употребляться какое угодно слово, обозначающее как живое существо (*мама, кошка, сестра, учитель*), так и неживые предметы (*береза, небо, солнце*); 3) в конструкциях с обращением у слов остается то же самое лексическое значение, например, ‘Мальчик, как тебя зовут?’ = ‘Ребенок или подросток мужского пола, как тебя зовут?’

В настоящий момент ясно, что грамматическая интерпретация способности слова частотно выступать в качестве обращения свидетельствует о неполном понимании существа дела. Обращение является, прежде всего, коммуникативной единицей (как и личные местоимения, междометные конструкции, различные этикетные формулы и др.) и с языковой точки зрения не содержит в себе ничего, кроме сообщения о контакте. Обращение – это в первую очередь форма адресации, привлечения внимания, включения контакта, маркер начала дискурса, и в куда меньшей степени односоставное предложение, существительное, словосочетание и т.п.

Известно, что обращение в чрезвычайной степени национально специфичная категория: в каждом языке существуют особые формы обращения к знакомым и незнакомым, к членам семьи и рабочего коллектива. Поскольку обращение несет в себе информацию об отношениях между коммуникантами, об их социальных и психологических ролях, оно может быть почтительным и нейтральным, уважительным и фамильярным, формальным и неформальным, может быть личностным и социально-статусным, основываться на профессиональном, возрастном, половом признаке и проч. и проч. Разумеется, весь спектр обращений должен быть представлен в лексикографическом продукте, причем такая информация будет полезна не только для иностранца, знакомящегося с правилами речевого поведения в другой стране, но и для носителя языка, который часто оказывается безграмотным в плане культуры общения.

Однако, несмотря на важность данной функции слова, вряд ли ее следует расценивать как ЛСВ, скорее, она является коммуникативной и прагматической характеристикой слова. Представление способности слова быть формой обращения в качестве отдельного члена его семантической структуры наряду с полноценными значениями является не чем иным как сведением воедино сущностно различных единиц. Языковой и коммуникативный аспект рассмотрения слова – две различные (хотя и взаимосвязанные) сферы лексикографического описания, которые должны быть представлены различным образом. Прав, как кажется, в этом отношении Ю.Д. Апресян, считающий, что «в тех случаях, когда коммуникативные функции слова лексикализованы (т.е. когда слово имеет постоянный коммуникативный статус) и при этом не выводятся из каких-либо других описываемых в словаре свойств, они, конечно, подлежат лексикографической фиксации» [2; с. 10] и что такая лексикографическая фиксация должна производиться в специальной коммуникативной зоне словарной статьи.

Следует, однако, отметить, что, помимо сугубо функциональных обращений, которые не содержат в себе смыслового прироста (*Мальчик, сколько тебе лет?*), существуют такие обращения, которые имеют существенный смысловой, коннотативный прирост и / или фатико-социальную обусловленность (*Как дела, орлы?; Командир (шеф), до вокзала довезешь?*). Второй тип обращений в настоящий момент правильнее, вероятно, подавать в качестве отдельных значений многозначного слова до тех пор, пока не появятся более соответствующие лингвистической сущности таких явлений решения.

Таким образом, в отношении рассмотренной разновидности единиц можно сделать следующие выводы: 1) информация о том, что слово устойчиво выполняет в речи функцию обращения, как кажется, не является значением слова (его ЛСВ), такая информация есть его коммуникативная и прагматическая характеристика; 2) поскольку формы обращения являются национально специфичными и представляют собой важный компонент коммуникативной компетенции личности, они обязательно должны быть представлены в словарных трудах для любого адресата; 3) коль скоро сведения о выполнении словом функции обращения не являются ЛСВ, их следует представлять не в качестве компонента семантической структуры слова, а в качестве компонента особой коммуникативной зоны словарной статьи.; 4) в том случае, если обращение характеризуется особым семантико-коммуникативным приростом, следует представлять их на правах ЛСВ.

Очерченные здесь разновидности лексической многозначности нуждаются в дальнейшем изучении на основании тщательного анализа языкового материала, который позволит взглянуть на них более дифференцированно и выяснить принципы их предъявления в словарях конкретной адресатно-целевой направленности.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–22.
2. Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 10–22.
3. Морковкин В.В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 32–38.
4. Русский универсальный словарь / Авт. Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая, В.В. Морковкин; Под ред. В.В. Морковкина (в печати).
5. Шмелев Д.Н. Введение к книге «Способы номинации в современном русском языке» // Избранные труды по русскому языку / Вст. ст. Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 132–178.

References

1. Apresyan Y.D. The meaning and the use of word // The questions of the linguistics. 2001. № 4. P. 3–22.
2. Apresyan Y.D. The types of the communicative information for the dictionary // The language: system and function. M., 1988. P. 10–22.
3. Morkovkin V.V. About the dictionary lexicology // Russian abroad. 2001. № 2. P. 32–38.
4. Russian universal dictionary / Authors: G.F. Bogacheva, N.M. Lutsкая, V.V. Morkovkin; Ed. red. V.V. Morkovkin (in print).
5. Shmelev D.N. The introduction to the book «The ways of nomination in the modern Russian» // The selected works in Russian / Ent. art. L.P. Krisin. M.: The languages of the Slavonic culture, 2002. P. 132–178.

УДК 801/3=82(045/046):22

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Суханова Т.В.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
senior lecturer Suhanova T.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Т.В. Суханова

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ТОЛСТОЙ

В статье рассматриваются некоторые характеристики лексической репрезентации образа женщины в рассказах Т. Толстой. Выявлены и описаны номинативные единицы, вербализующие образ женщины, рассмотрены различные характеристики женщины, отраженные в произведениях.

Ключевые слова: образ, женщина, номинации, лексема.

T.V. Suhanova

LEXICAL REPRESENTATION WOMEN'S IMAGE IN T. TOLSTAYA'S WORKS

This article discusses some characteristics of the lexical representation of the image of women in T. Tolstaya stories. It identifies and describes nominative units verbalizing image of a woman, considers various characteristics of women reflected in the works.

Keywords: image, woman, category, lexeme.

Образ женщины занимает важное место в творчестве большинства русских писателей, не является исключением в этом плане и творчество Татьяны Толстой, в произведениях которой это один из главных образов. В своих рассказах Толстая рассматривает женщину, ее жизнь, ее социальные роли, стереотипы, связанные с женщиной, с различных позиций и точек зрения.

В нашей работе мы попытались определить некоторые тенденции, характеризующие репрезентацию образа женщины в творчестве Т. Толстой. Для анализа нами было выбрано 4 рассказа, главными героинями которых являются женщины, – «Милая Шура», «На золотом крыльце сидели...», «Соня» и «Поэт и Муза».

В рассказе «Милая Шура» главная героиня номинируется следующим образом: лексемы *тетя*, *бабуля* – относятся к постаревшей героине, и характеризуют ее с точки зрения посторонних, незнакомых людей; *жена* – номинация героини в молодости, одна из женских социальных ролей; *красавица*, *выдумщица* – так отзывается о героине – «рассказчица», представляющая авторское «я» в тексте, эти номинации также отражают отношение самой героини к себе. Данные лексемы выступают в сочетании со следующими эпитетами: *размякшая*, *умиляющаяся*, *которые подчеркивают незащищенность*, *слабость героини*; *дрожущая*, *перепуганная*, *выпученная* – характеристики героини в старости, ее реакция на негативные воздействия внешнего мира; *упоительная*, *капризная* – героиня в молодые годы; *милая* – характеристика, данная поклонником и принятая рассказчиком как постоянный эпитет. Как видим, автор тепло и чутко, лири-

чески относится к своей героине [2; с. 26]. Милая Шура не возвышенный идеал, характерный для классической литературы, и не вызывает восхищения автора, но она «нравится», вероятно, как воплощение женственности, которая представляется редкостью в современном ей обществе. Заметим, что в рассказе встречаются номинации, также выражающие образ «женщины», с негативной оценкой: *красивые мордатые девушки в брюках* – сочетание нейтрального и сниженного эпитетов указывает на противоестественность, пошлость такой красоты. *Девушки в брюках* становятся больше похожи на представителей противоположного пола. Мы наблюдаем вытеснение женственности. *Бабки в платочках с ведрами слив* – в противоположность характеристике героини как *бабули*. Номинация «бабки» выражает пренебрежительное, негативное отношение автора. «Бабки» лишены женственности, как и «девушки в брюках». *Бабуля* – существо женственное и эфемерное, неразлучное с соломенной шляпкой. *Бабки с ведрами* – сильные и напористые, выражающие скорее маскулинное начало.

Необходимо заметить, что здесь наблюдается разделение персонажей рассказа на «своего» («своих») – главного героя, и «других» – всех остальных героев повествования. При анализе произведений мы отметили, что чаще всего «свой» оценивается нейтрально или положительно, в то время как «другие» характеризуются нейтрально либо отрицательно. Таким образом, номинации и эпитеты, представляющие образ женщины различаются не только с точки зрения преобладания фемининного/ маскулинного начала, но и отношением к категории «своего» или «другого».

В рассказе «На золотом крыльце сидели...» образ женщины репрезентируется следующим образом. Для описания главной героини – Вероники Викентьевны – Толстая использует следующие номинации: «белая огромная красавица», «прекрасная купчиха в ягодной крови», «страшная женщина», «необъятная золотоволосая Царица», «белая и тяжелая», «самая жадная женщина на свете» [2; с. 239]. Заметим, что здесь лексемы «купчиха» и «царица» используются не в прямом значении и характеризуют не социальное положение, а внешние характеристики и особенности характера и поведения [3; с. 584]. В данных примерах красота (одна из традиционных характеристик женщины) вследствие своей чрезмерности соединяется со страхом, тяжестью, жадностью, жестокостью. Женское начало нивелируется, уступая место чему-то природно-маскулинному. В этой связи приведем высказывание, отражающее данный когнитивный слой: «Наливают ей заморские вина, Заедает она пряником печатным, Вкруг ее стоит грозная стража... Однажды с такими вот красными руками она вышла из темного сарая, улыбаясь: "Теленочка зарезала..." На плечах топорики держит...» [2; с. 240].

Здесь проявляется интертекстуальность рассказа Толстой, содержащего цитату из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке», посвященную грозной царице. Можно сделать вывод, что грозная красота перестает относиться к «женским» чертам и становится скорее характеристикой маскулинной. Упомянув *топорики на плечах*, автор уподобляет Царицу палачу-мужчине, поскольку оружие и убийство традиционно выражают мужские ассоциации.

«Соня»: «Жил человек - и нет его. Только имя осталось – Соня» – так начинается повествование и так мы знакомимся с главной героиней – Соней. В данном высказывании автор делает акцент на общечеловеческую, а не гендерную характеристику героини. Далее представлены следующие номинации: *дура*, *романтическое существо*. Сочетание подобных характеристик показывает, что номинация «дура» в данном случае не является негативной, скорее, она соотносена с народной традицией, где дурак всегда ближе к истине, чем обычный, «умный» человек. Также в данном рассказе встречаются многочисленные характеристики героини с точки зрения ее внешности: *лошадиные*

черты, ледяная верхняя губа, лицо как у лошади Пржевальского, грудь впалая, ноги толстые, ступни косолапые, одевается безобразно, - такой видят Соню другие героини рассказа [2; с. 335]. Но, наряду с этими негативными характеристиками внешнего облика, Толстая делает акцент на одной детали – *эмалевом голубке: Брошка у нее была – эмалевый голубок. Носила его на лацкане жакета, не расставалась. И когда переодевалась – тоже обязательно прицепляла этого голубка* [2; с. 336]. «Эмалевый голубок», который всегда носит Соня, Т. Толстая не просто вводит в описание внешности героини, известно, что голубь – это образ, также пришедший в христианство из Ветхого Завета. В книге Бытия рассказывается, как голубь принес Ною зеленую ветвь и этим оповестил его об окончании Всемирного потопа и о том, что Божий гнев сменился на милость. С тех пор голубь с оливковой ветвью в клюве стал символом мира. В катакомбах нередко встречается изображение голубя с ветвью — это символ новой жизни, души, познавшей Христа. В Священном Писании неоднократно упоминается голубь как символ кротости, чистоты, доверия. Иисус Христос заповедовал своим ученикам: «...будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10.16) [1; с.11]. Кроме того, в Евангелии голубь символизирует Святого Духа: во время крещения в Иордане на Иисуса Христа сошёл Дух Божий в виде голубя. Поэтому в некоторых изображениях голубь олицетворяет собой Божие присутствие и Божие благословение. Не случайно именно эмалевого голубка, как самую большую ценность, Соня дарит любимому человеку, тому, которого она никогда не видела, знала только по переписке, но которого любила всей душой: *на один из Николаевых дней рождения послала ему свое единственное украшение: белого эмалевого голубка. В письме, приложенном к голубку, Соня клялась отдать за Николая жизнь или пойти за ним на край света*. И Соня не обманула, она действительно исполнила свое обещание и спасла жизнь любимого, пожертвовав своей. Здесь опять же голубок используется Толстой для раскрытия внутреннего мира героини, раскрываются такие ее качества, как жертвенность, умение любить, чистота, бесхитрость. Таким образом, символический эмалевый голубок на груди – своеобразный «мостик» между внешностью и внутренним миром, такими несоответствующими, между характеристикой героини другими персонажами и авторской точкой зрения. Голубок – это метонимическое выражение богатого внутреннего мира Сони и ее душевной красоты. Положительные характеристики героини представлены так же через ее действия: она *шла, хорошо готовила, любила детей, помогала*. Несмотря на внешнюю непривлекательность, которой, кстати, наделены многие носительницы настоящего, традиционного, женского начала, в творчестве Толстой, Соня – воплощение истинной женственности. Это находит отражение в следующих номинациях: *незаменимость на кухне, швейные достоинства, хранитель, сентиментальность, счастье, любящее сердце, спасение, испепелить себя и других*.

В этом рассказе ярко проявляется противопоставление категорий «своего» и «других», о котором мы упоминали выше. Противопоставление возникает даже в именах героинь: Соня – София, мудрость; Ада – вызывает негативные, демонические ассоциации. Данные ассоциации развиваются при употреблении следующих эпитетов: *Ада – женщина острая, худая, по-змеиному элегантная*. Возникает образ *женщины-змеи*, демонической искусительницы, которая позволяет себе пользоваться чужой добротой и шутить над беззащитной Соней. Однако выясняется, что эмалевый голубок почему-то вызвал *содрогание* в душе Ады, побудившее ее писать дальше. Одухотворенность и наивность, даже юродивость Сони дарят счастье ей самой и спасают жизнь Ады.

Рассказ «Поэт и Муза». В культурной традиции муза – выражение высшей, одухотворенной женской ипостаси, которая дарует поэту вдохновение и возвышает его самого своим влиянием, но в данном рассказе образ женщины противоположен данным

представлениям. Главная героиня – Нина – *прекрасная, обычная женщина*, уточнение – номинация *врач*, которая вне контекста может относиться и к мужчине, и к женщине. Читатель получает намек на некоторую андрогинность героини. Далее эта андрогинность подтверждается: женская суть музыки, жаждущей любви, заменяется у героини активными и напористыми действиями, направленными на «овладение» возлюбленным, это находит отражение в следующих номинациях: *прибила гвоздями сердце, положить Гришуню в сундук, пересыпать нафталином, захлопнуть крышку, усесться сверху, вырвать Гришуню из тлетворной среды, вытащить из бурного моря, просмолить, пороконопатить, водрузить на подпорки* [2; с. 155]. В следующем контексте Т. Толстая отсылает нас к русским народным сказкам и представлению о классическом женском подвиге: *Семь пар железных сапог истоптала Нина по паспортным столам и отделениям милиции, семь железных посохов изломала о Лизаветину спину, семь кило железных пряников изгрызла в ненавистной дворницкой – надо было играть свадьбу* [2; с. 157]. Но в данном случае прослеживается явная ирония в отношении подобного «подвига», действия героини негативно оцениваются автором. Происходит подмена ролей – женщина добивается, ухаживает, устраивает, сражается, то есть действует активно, в то время как мягкий и возвышенный мужчина становится объектом ее деятельности. Это приводит к тому, что в качестве музыки поэт Гришуня в результате выбирает «*унылую тлю*», «*человеческий остров*» – Лизавету, в которой сохранилось исконно женское качество – поклонение мужчине без попыток воздействия на него. Негативное отношение автора к андрогинности Нины не высказывается прямо, но выражается в неприкрытой авторской иронии и в разрушительности действий главной героини.

Итак, можно сделать вывод, что в проанализированных рассказах Т. Толстой образ женщины представлен объемно, отражены как внешние, так и внутренние характеристики женщины, ее социальные роли и семейное положение. Образ женщины у Толстой противоречив, с одной стороны, представлены исконно женские качества, такие как жертвенность, романтичность, привлекательность, женственность, мягкость и другие, с другой стороны, им противопоставляются мужские качества в женщине – напористость, активность, подражание мужчине во внешнем облике и прочие, которые оцениваются негативно, что выражается в иронии, использовании сниженной лексики, негативно-оценочных эпитетов.

Библиографический список

1. Новый Завет // Евангелие от Матфея. М., 1991. 292 с.
2. Толстая Т. Река Оккервиль . М., 2005. 464 с.
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М., 2011. 960 с.

References

1. The New Testament // Matthew. M., 1991. 292 p.
2. Tolstaya T. Okkervil River. M., 2005. 464 p.
3. Ushakov D.N. Great Dictionary of the Russian language. M., 2011. 960 p.

УДК 81'37+811.161.1'37

Мичуринский государственный аграрный университет Michurinsk State Agrarian University

Канд. филол. наук, доц. кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания в начальной школе

Швецова В.М.

Россия, г. Мичуринск, Тамбовская область, тел. . 8 (47545) 5-33-34; 5-26-45; e-mail: vmsh72@bk.ru

PhD, Associate professor of the philological disciplines and methods teaching in elementary school

Shvetsova V.M.

Russia, Michurinsk, Tambov region, ph. 8 (47545) 5-33-34; 5-26-45 e-mail: vmsh72@bk.ru

В.М. Швецова

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ ПРИРОДЫ АССОЦИАТИВНЫХ РЕСУРСОВ ЕДИНИЦ С ПРОДУКТИВНОЙ ТЕКСТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИЕЙ

В статье рассматриваются особенности содержательно-смыслового потенциала единиц текста; определяется его значение в процессе развития языка и текста.

Ключевые слова: ассоциативные связи, языковая единица с продуктивной текстовой реализацией, стимулятор, понятийный участок.

V.M. Shvetsova

FEATURES OF THE COGNITIVE NATURE OF ASSOCIATIVE RESOURCES OF UNITS FROM PRODUCTIVE TEXT REALIZATION

In article features of substantial and semantic potential of text units are considered; its value in language and text development is defined.

Keywords: associative communications, language unit with productive text realization, a stimulator, a conceptual site.

Ассоциативные структуры представляют собой одну из форм отражения взаимосвязей объектов реальности. Поскольку ассоциирование носит произвольный характер, оно способно не только отражать реально существующие, но и устанавливать новые, значимые для индивида связи объектов, являющиеся результатом осознания и познания объекта.

В когнитивной лингвистике «ассоциативный фактор» изучается с точки зрения познавательных процессов человека, моделирующих его картину мира, которая реализуется в языковом отношении благодаря речевой деятельности индивида. Создание Русского ассоциативного (1994-1998 гг.) словаря, по мнению Ю.Н. Караулова, позволило изменить представление об ассоциации. Ассоциативный тезаурус рассматривается как «субстрат языковой способности носителя языка» [5; с. 46].

В русле когнитивной лингвистики учеными выделяются следующие типы вербализованных ассоциаций: когнитивные (отражающие знания о мире): культурологические (реминисценции и интертекстуальные включения) и связанные с национальной спецификой картины мира (паремии, идиомы) ассоциации; референтные (отражающие

знания о ситуации): тематические и ситуационные ассоциации; собственно языковые: формальные (фонетические, словообразовательные, грамматические) и семантические) [1; 7].

Когнитивные ассоциации представляют собой ассоциации, передающие общепринятую или контекстуально обусловленную закреплённость стимулов в сознании коммуникантов за определёнными фрагментами знаний. Они могут быть выражены рядом слов, соотносимых с противоположными, хотя и сопоставимыми понятиями (доброта - злость) или вызваны сопряжённостью лексических единиц на основе смежности соответствующих понятий («Как листопад – предвестник снегопада» И. Лиснянская) [1; с. 28].

По мнению Н.С. Болотновой, когнитивные ассоциации устанавливаются на логической основе в рамках «гипо-гиперонимических парадигм, соотносительных парадигм, члены которых связаны ассоциативно-логически по какому-либо признаку» [1; с. 28-29]. В сознании человека они не провоцируют развитие конкретного наглядно-чувственного образа. Данные ассоциации имеют интеллектуальный характер.

Многие ученые выделяют тезаурусные ассоциации культурологического характера в качестве разновидности когнитивных ассоциаций [3; 11]. Они определяют образное, символическое и эмоциональное содержание. Чаще всего это ассоциации с именами авторов или с названиями их произведений и пр., а также ассоциации, вызванные употреблением известных цитат, поговорок и т.д.

В когнитивной науке под референтными ассоциациями «понимают ассоциации, отражающие узуально закреплённую в языковом сознании коммуникантов и актуализированную в тексте способность слов соотноситься с определёнными реалиями художественного мира» [1; с. 25]. Их экстралингвистическая направленность определяется лингвистическими средствами. Референтные ассоциации характеризуют предметную сторону слов, определяющих какое-либо понятие.

Языковые ассоциации представляют собой узуально зафиксированную в сознании носителя языка и контекстуально обусловленную связь «между эксплицированным в тексте словом-стимулом и системой других эксплицированных в тексте слов, соотносительных с ними как на основе многочисленных интегральных и дифференциальных признаков, так и на основе совместной встречаемости в потоке речи в качестве возможных контекстуальных партнеров» [1; с. 32].

Н.С. Болотнова предлагает выделять в структуре языковых текстовые ассоциации. Теоретическую базу данной концепции составляет положение о признании доминантной роли слов, в которых отражается смысловое пространство текста. При этом отмечается уникальность функции ассоциативных связей языковой единицы в процессе текстообразования. В рамках данной теории учеными дифференцируются и подвергаются детальному анализу различные типы текстовых ассоциаций.

В ряде работ Н.С. Болотновой, посвященных исследованию особенностей смысловой трансформации текста на базе лексического уровня его формирования, поднимается проблема участия ассоциативного фактора в качестве источника развития данного процесса [4]. По мнению ученого, ассоциация представляет собой «актуализируемую в сознании читателя связь между элементами лексической структуры текста и соотносенными с ними явлениям и действительности или сознания, а также миром других слов» [2; с. 54]. В ходе своих рассуждений Н.С. Болотнова приходит к выводу о том, что именно ассоциативный потенциал слова является основным источником смыслового развертывания текста.

Детально охарактеризовав факторы и условия трансформации текста, ученый проводит анализ ассоциативных связей его единиц. Н.С. Болотнова предлагает выде-

лечь следующие типы текстовых языковых ассоциаций. Стандартные (типовые) ассоциации выступают в качестве первичных. Они характеризуются частотностью и регулярностью. По мнению ученого, стандартные ассоциации фиксируются в языковом словаре и языковом сознании коммуникантов. Кроме того они отличаются «определенной степенью вероятности их совместной встречаемости в тексте» [1; с. 32], которая может проявляться в виде непосредственного контакта между словами, может охватывать грамматически связанные слова, а также случаи реализации слов в одном и том же предложении или тексте, ограниченном по тематике.

По мнению Н.С. Болотновой, нестандартные (уникальные) текстовые ассоциации передают оригинальность индивидуально-авторского миропонимания читателя. Они не характеризуются закрепленностью в языковом словаре носителя языка и не отличаются регулярностью собственного возникновения. При этом «совместная встречаемость их маркеров в тексте маловероятна» [1; с. 32].

Ученый анализирует условия актуализации данных видов ассоциаций в художественном тексте. Наибольшей продуктивностью отличаются уникальные ассоциации. Это, по мнению Н.С. Болотновой, определяется, во-первых, природой художественного текста, во-вторых, образностью, которая выступает в качестве показателя индивидуальной особенности писателя.

Поддерживая концепцию ученого, считаем, что именно на базе уникальных ассоциаций, устанавливающихся между языковыми единицами с продуктивной текстовой реализацией, осуществляется процесс семантического расширения языка.

Языковые единицы с продуктивной реализацией, представляя собой такой компонент системы (слово, словосочетание, часть фразы и пр.), который либо участвует в моделировании значения конкретной единицы, либо получает собственное развитие за счет других [13; с. 123]. К ним относятся два вида единиц, выполняющих различные функции в процессе развития слова в тексте, языковая единица с актуализируемым значением (голограмма), содержание которой моделируется, и стимулятор, который способствует данной трансформации на основе собственных лексико-ассоциативных связей.

Возможность реализации ассоциативного ресурса единиц текста определяется природой их пространства. В частности, внутренняя организация голограммы представляет собой поле с четко выраженными ядерной и периферийной зонами.

В пространстве ядра реализуются лексико-семантические ресурсы голограммы и стимуляторов. В периферии развивается их ассоциативный потенциал в виде системы вербализованных текстовых ассоциаций, которые следует рассматривать не как пассивное отражение текстового содержания в сознании человека, а как факт непосредственной реализации его индивидуального опыта и знаний. На данной основе в дальнейшем развивается ассоциативное значение голограммы.

В периферийной части информационного поля голограммы могут возникать определяемые нами внутрисловные и межсловные ассоциативные связи.

Внутрисловные ассоциации возникают в структуре самой голограммы. Такие реакции могут затрагивать фонетическую природу данной единицы и проявляться через сходство звукобуквенного комплекса. Идентификация и дальнейшее развитие значения голограммы в этом случае связаны со следующими условиями: аналогии возникают между голограммой и близким по фонетическому составу словом языка, характеризующимся высокой степенью понимания, и выражаются в пересечении начальных, средних или конечных их элементов, а также в произвольном пересечении звуков (букв). При этом один из указанных участников процесса (как правило, голограмма) имеет в своем составе «неожиданный» звуковой компонент, с учетом которого либо расширяется исходное значение, либо формируется новое.

Установленные нами внутрисловные реакции, реализующиеся в ассоциативном поле голограммы, могут возникнуть также в опоре на морфемные компоненты слов через опознание словообразовательной модели или мотивирующей основы, формирующих текстовую единицу с актуализируемым значением.

В первом случае ассоциативная связь устанавливается между определенным общеизвестным словом и голограммой, повторяющей его словообразовательную модель. Если в качестве текстовой единицы с актуализируемым значением представлена индивидуально-авторская конструкция или неологизм, то формирование полноценно развернутого содержания будет затруднено, а направление их семантического развития будет носить условный характер. Однако благодаря тому факту, что в результате ассоциативной реакции установлен конкретный словообразовательный тип, можно точно определить общий вид словообразовательного значения, который станет источником моделирования значения голограммы.

Во втором случае внутрисловные ассоциации устанавливаются при опознании мотивирующей основы (или слова), определяющей структуру текстовой единицы с актуализированным значением. Данный процесс, продуктивность которого определяется особенностями самой производящей основы (или слова), представляется нам наиболее актуальным при формировании или трансформации содержания.

Внутрисловные ассоциации могут возникать на основе развития лексико-семантических ресурсов текстовой единицы через прямую дефиницию ее содержания. Первоначально осуществляется процесс «расшифровки» или своеобразного информационного развертывания значения.

Межсловные ассоциативные связи, возникающие на основе противоположных представлений (о предмете, признаке, действии и пр.), репрезентируемых в условиях текста значениями, в полной мере способны отразить результаты содержательного развития организованных многокомпонентных информационных цепочек: *стимулятор 1 – голограмма – значение 1; стимулятор 2 – голограмма – значение 2* и т.д. Следует отметить, процесс моделирования ассоциативного значения текстовой единицы с актуализируемым значением, реализованный при участии таких ресурсов, имеет линейный характер. Следовательно, его информационное развитие осуществляется в горизонтальной плоскости.

В условиях текста межсловные ассоциативные связи возникают в результате взаимодействия известных значений на основе оппозиционных отношений, семантически определяющих связь между вещами, признаками и пр.

На базе лексических и ассоциативных значений, сформировавшихся в ядре и периферии поля, развивается текстовая семантика голограммы. В том случае, когда ассоциативный ресурс обладает большей продуктивностью, которая выражается в поликомпонентности состава стимуляторов, реализуются условия его повторного развития. Именно на этой базе заканчивается моделирование семантики голограммы. Следует отметить, что ассоциативный потенциал голограммы и стимуляторов становится непосредственным источником, на базе которого осуществляется расширение семантики слова в тексте.

При повторном взаимодействии в периферии поля вербализованные текстовые ассоциации формируют имплицитную промежуточную зону. Его можно определить как особым образом структурированный текст. Он организуется следующим образом. В результате повторного развития вербализованных ассоциаций формируются ключевые понятия, определяющие смысловой каркас поля голограммы. На его базе определяется область развития текстовой семантики данной единицы.

Выделяемый нами вид имплицитной промежуточной зоны носит условно-потенциальный характер. Продуктивность его развития определяется индивидуальными особенностями сознания носителя языка (читателя). Значит, имплицитная зона не обладает свойством универсальности. В ней в предельно сжатой форме отражается значительный, концентрированный по своему объему, ассоциативный потенциал текстовых единиц, требующий своего дальнейшего развития в пределах поля голограммы. Это особый вид ассоциативного текста в тексте. В качестве ее единиц выступают вербализованные в сознании человека ассоциации, сформировавшиеся на основе имеющегося у него опыта и знания. Рассмотрим особенности развития ассоциативных связей в процессе развития текстовой семантики слова в тексте на следующем примере: *Весь мир загажен, задушен досмотром, дозором, надзором; весь мир – цензура, весь мир – тюрьма, и не риторическая «тюрьма народов», а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека* [12; с. 330-331].

При организации семантики голограммы *мир* особую значимость приобретает ассоциативный ресурс языковых единиц с продуктивной текстовой организацией. Особой нагрузкой наделяются ассоциативные связи, устанавливающиеся между стимуляторами. При их непосредственном участии организуется имплицитная зона поля голограммы *мир*.

По данным толковых словарей слово *мир* имеет следующее значение: «совокупность, система всех форм материи; вселенная» [8; с. 312]. В тексте семантика данной единицы расширяется определенным образом. Она уточняется, выявляются аспекты, ее формирующие.

В структуре смыслового поля данного текста нами выделяются следующие каркасные элементы: мир – внешняя сторона (*Весь мир загажен, задушен досмотром, дозором, надзором*); мир – внутренняя сущность (*Мир – цензура, весь мир – тюрьма, и не риторическая «тюрьма народов», а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека*). Именно в этом информационном направлении будет развиваться не только семантический, но и ассоциативный потенциал исследуемой голограммы.

Стимуляторы актуализируют следующую семантику единицы *мир*: *загажен* (см. *загадить*) «перен. «осквернять, опошлять» [6; с. 316]; «запачкать, загрязнить» [9; с. 164]; т.е. «морально осквернен, загрязнен»; *задушен* – (ср. *задушить* - «подавить, уничтожить, не дать развиваться в полной мере чему-либо» [6; с. 320]); т.е. «подавлен чем-либо»; *досмотр* - «результат такого действия (по гл. досматривать); таможенная проверка, контрольный осмотр личных вещей, товаров и т.п.» [6; с. 400]; «проверочный, контрольный осмотр» [6; с. 278]; *дозор* - «наблюдение с целью охраны, разведки» [6; с. 268]; *надзор* – «наблюдение, присмотр за кем-либо или за чем-либо с целью контроля, охраны и т.п.» [8; с. 333].

Кроме того, в тексте автор использует прием градации: стимуляторы *досмотр* – *дозор* – *надзор* выстраиваются по принципу усиления действия. Очевидно, что увеличивается степень его активности по отношению к кому-то или чему-то (в тексте – к человеку вообще). Ср.: простое обследование (стимулятор *досмотр*) – частое наблюдение с целью сбережения или охраны (стимулятор *дозор*) – постоянный контроль, осуществляемый кем-либо (стимулятор *надзор*). Изменяется и эмоционально-нравственный аспект семантики. Если в первом случае человек, как правило, не подвергается какому-либо нравственному страданию (то есть досматривают не тайно, а с разрешения или веденя человека), то в последнем – унижается его достоинство, попираются права на свободу и неприкосновенность личной жизни (надзирают без уведомления).

Кроме того, различаются цели, на которые направлены данные действия. Ср.: проверить (стимулятор *досмотр*) – наблюдение в целях осуществления охранных ме-

роприятий или получения какой-либо информации (стимулятор *дозор*) – контролировать (стимулятор *надзор*).

Следовательно, *задушен досмотром, дозором, надзором* – «подавлен, угнетен контролирующими действиями и ограничениями со стороны других лиц».

Стимулятор *цензура* репрезентирует следующее значение: «учреждения, ведающие таким надзором (в области печати, СМИ, иногда даже корреспонденции)» [8; с. 821]. То есть при его участии подтверждается семантика «ограничения и контроля», сформировавшаяся в результате взаимодействия единиц *загажен; задушен досмотром, дозором, надзором*.

Стимулятор *тюрьма* развивает значение: «здание для содержания лиц, лишенных свободы» [8; с. 764]; «место заключения, здание, где содержатся лица, приговоренные судом к лишению свободы; лица, находящиеся под следствием» [6; с. 1357].

Очевидно, что текстовые единицы *цензура* и *тюрьма* в лексико-семантическом поле голограммы определяют в большей степени не внешнюю сторону мира, а его внутреннюю сущность. Мир схож с таким учреждениями по выдвигаемым ими задачам и выполняемым функциям в несвободном обществе: контролировать все, что дает человеку духовную пищу для размышления, его интеллектуального развития, и направлять этот потенциал в нужное кому-то русло, а также ограничивать свободу неблагонадежных людей, мыслящих по-иному, вразрез общей доктрине. Следовательно, в этой реальности каждый находится под всеобъемлющим контролем. Это не только духовная, но и физическая несвобода.

Стоит отметить, что стимуляторы *и не риторическая «тюрьма народов»* и *а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека* представляют особый интерес. При их взаимодействии не возникает оппозиционных отношений (несмотря на наличие отрицания с частицей НЕ, а также противительного союза). По нашему мнению, семантика стимулятора *и не риторическая «тюрьма народов»* информационно уточняет семантику другого – *а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека*.

Стимулятор *и не риторическая «тюрьма народов»* развивая свое значение в ядерной части поля голограммы *мир*, актуализирует ее семантику в следующем направлении: «пустое, абстрактно-обобщенное понятие; лишенный социальной или политической значимости штамп о гипотетически существующих угнетенных и несвободных народах».

На основании вышесказанного можно сделать следующий вывод. В процессе взаимодействия системы названных стимуляторов в ядерной зоне ГР-типа информационного поля голограммы *мир* формируется значение: «реальность, угнетающая личность».

В периферийной зоне поля голограммы *мир* организуется ее ассоциативное значение, в основе которого лежат следующие понятийные участки: *мир материальный* (как место физического существования тела) – *мир духовный* (как отдельная область жизни; в данном случае это интеллектуальная составляющая). Они возникают в результате установления межсловных ассоциативных связей (вид связи пересечение) между следующими стимуляторами: *загажен; задушен досмотром, до-*

зором, надзором; тюрьма; и не риторическая «тюрьма народов», а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя; беспомощный человек (первых участок); цензура; задушен досмотром, дозором, надзором (второй участок).

В первом понятийном участке ассоциативное значение голограммы *мир* развивается в следующих направлениях: данная система всех форм материи не предназначена для гармоничного существования человека. Во-первых, она представляет собой мусорную свалку (данная ассоциация [1] возникает через стимулятор *загажен*). Во-вторых, здесь личность подвергается угнетению со стороны людей, наделенных властью или представляющих какую-либо власть; в отношении личности возможно применение крайних форм и средств подавления демократических прав и свобод (ассоциация [2] устанавливается через стимулятор *задушен досмотром, дозором, надзором*). В-третьих, физически ограничивается свобода людей (ассоциация [3] провоцируется стимуляторами *тюрьма; и не риторическая «тюрьма народов»; а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя*). В-четвертых, незащищенность личности перед чем-либо (данная ассоциация [4] возникает через стимулятор *беспомощный человек*). В таких условиях любому человеку существовать и развиваться невыносимо трудно.

Таким образом, ассоциативное значение (1) голограммы *мир*, сформировавшееся в первом понятийном участке периферийной части ее информационного поля, имеет следующий вид: «место, не пригодное для гармоничной жизни человека».

Во втором понятийном участке развитие ассоциативного значения (2) единицы *мир* связано с возникновением ассоциативных связей между стимуляторами *цензура; задушен досмотром, дозором, надзором*. Цензура в сознании является атрибутом политической благонадежности выходящей в свет печатной продукцией (ср.: ассоциация: *цензура – печать – средства массовой информации*). Она связана с ограничением либо недопущением распространения идей и сведений, признаваемых властью вредными или нежелательными. Следствием деятельности цензуры является контроль в виде различного рода мероприятий, столь унижительных для свободной личности. Она перерождается, утрачивает свои ценности, опустошается нравственно (данная ассоциация [5] устанавливается через стимулятор *задушен досмотром, дозором, надзором*). Человек, не способный мыслить самостоятельно и адекватно оценивать реальность, деградирует. Таким образом, ассоциативное значение (2) расширяет текстовую семантику голограммы *мир* в следующем направлении: «блокада интеллектуальных возможностей человека, приводящая само общество к регрессу и, в конечном счете, к физической смерти».

Становится очевидным, что ассоциативный потенциал единиц текста обладает большей степенью продуктивности. Выражаемое содержание представляет собой многоуровневую структуру, в которой реализуются разносторонние по своему характеру знания человека. Появляется возможность повторного взаимодействия ассоциативных ресурсов голограммы и стимуляторов. На этой основе формируется следующий смысловой каркас имплицитной зоны поля:

МИР – это ГРЯЗЬ (через ассоциативное значение (1) «место, не пригодное для гармоничной жизни человека» и ассоциацию [1] первого понятийного участка свалка [10; с. 751]) ; это ТОТАЛИТАРНОСТЬ (через ассоциативное значение (1) и ассоциацию [2] первого понятийного участка подавление демократических прав и свобод [10; с. 881]); это ФИЗИЧЕСКОЕ И, КАК СЛЕДСТВИЕ ЭТОГО, ДУХОВНОЕ РАБСТВО КОНКРЕТНОГО ЧЕЛОВЕКА (через ассоциативное значение (1) и ассоциацию [3] первого понятийного участка физическое ограничение свободы [10, с. 489]); это ПРАВСТВЕННАЯ УБОГОСТЬ (через ассоциативное значение (1) и ассоциацию [4] первого понятийного участка незащищенность личности перед чем-либо), КОТОРЫЕ ВЕДУЩИЕ К ДЕГРАДАЦИИ ОБЩЕСТВА (через ассоциативное значение (2) «блокада интеллектуальных возможностей человека, приводящая само общество к регрессу и, в конечном счете, к физической смерти» и ассоциацию [5] утрачивает свои ценности, *опустошается нравственно*).

На основе данного смыслового каркаса имплицитной зоны моделируется следующая семантика голограммы *мир*: «совокупность, система всех форм материи, представляющая реальную угрозу для жизни или для любой формы существования человека».

Проанализировав современные подходы в изучении ассоциативного ресурса единиц текста, можно установить следующее. Данное понятие подвергается многоаспектному анализу. С одной стороны, ассоциативный потенциал слов определяет индивидуальные особенности языка и формирует идиостиль мастеров художественного слова. С другой стороны, он становится источником интерпретационной оценки текста, а также источником семантической трансформации его единиц. Ученые, исследующие проблему вербализованных текстовых ассоциаций, единодушно приходят к выводу о том, что лексическое ассоциирование коррелируется с процессом порождения текста и предопределяет его лексическую структуру.

Ассоциативный потенциал языковой единицы с продуктивной текстовой реализации определяется коммуникативным и когнитивным опытом носителей языка. Именно на этой основе развиваются содержательно-смысловые возможности голограммы и стимулятора.

Библиографический список

1. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте Томск: Том. гос. пед. ин-т, 1994. 212с.
2. Болотнова Н.С. Основные понятия и категории коммуникативной стилистики текста // Речевое общение: Специализированный вестник. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2002. Вып. 4(12). С. 49 - 59.
3. Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. Вып. 3-4. С. 198-207.
4. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Том. гос. ун-т, 1992. 312с.
5. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180с.

6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. М.: Норит, 2000. 1536 с.
7. Куликова И.С. Словесные эстетические парадигмы в художественном тексте // Семантические и эстетические трансформации слова в тексте. Л., 1988. С.74-86.
8. Лопатин В.В. Русский толковый словарь. М.: Рус.яз., 2001. 877с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус.яз., 1988. 750с.
10. Русский ассоциативный словарь. В 2т. Т. II. От реакции к стимулу. Под ред. Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.Ф. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова. М.: Астрель, АС Т, 2002. 992с.
11. Становкин П. Заглавия-интертексты в сборниках О.Э. Мандельштама «Камень», «Tristia», «Стихи 1921–1920-х годов», «Новые стихи» (1930–1937) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2010. № 6. С. 73–77.
12. Толстая Т. День: Личное. М.: Подкова, 2002. 416с.
13. Швецова, В.М. Принципы семантического развития голографических единиц в смысловом пространстве художественного текста // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: ПГЛУ. 2010. № 6. С. 123- 126.

References

1. Bolotnova N. S. The lexical a structure of the art text in associative aspect Tomsk: Volume. the state. ped. in-t, 1994. 212 p.
2. Bolotnova N. S. Basic concepts and categories of communicative stylistics of the text//Speech communication: Specialized messenger. Krasnoyarsk: Krasnoyar. the state. un-t, 2002. Vyp. 4(12). P. 49-59.
- 3 . Bolotnova N. S. Poetic picture of the world and its studying in communicative stylistics of the text//the Siberian philological magazine. 2003 . Vyp. 3-4. P. 198-207.
- 4 . Bolotnova N. S. The art text in communicative aspect and the complex analysis of units of lexical level. Tomsk: Volume. the state. un-t, 1992. 312p.
5. Karaulov Y.N. Active grammar and associative and verbal network. M.: Russian Academy of Sciences, 1999. 180 p.
6. Kuznetsov S. A. The big sensible dictionary of Russian. M.: Norit, 2000. 1536 p.
7. Kulikova I.S. Verbal esthetic paradigms in the art text//Semantic and esthetic transformations of the word in the text. L. 1988. P. 74-86.
8. Lopatin V. V. Russky explanatory dictionary. M.: Russian language, 2001. 877p.
9. Ojegov S. I. Russian dictionary. M.: Russian language, 1988. 750p.
10. Russian associative dictionary. In 2т. Т. II. From reaction to incentive. Under the editorship of Yu.N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. F. Ufimtseva, E.F. Tarasov. M.: Astrel, AST, 2002. 992p.
11. Stanovkin P. Titles-interteksty in O. E. Mandelstam's collections «Stone», «Tristia», «Verses of the 1921-1920th years», «New verses» (1930–1937)//the Messenger of Tomsk state pedagogical university. Tomsk, 2010. N. 6. Pa/ 73-77.
12. Tolstaya T. Day: Personal. M.: Horseshoe, 2002. 416p.
13. Shvetsova, V. M. the principles of semantic development of holographic units in semantic space of the art text//the Messenger of Pyatigorsk state linguistic university. Pyatigorsk: PGLU. 2010 . N. 6. Page 123 - 126.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 802.0
УДК 81-243

ГОУ ВПО Московский городской педагогический университет

Канд. филол. наук, доц. кафедры фонетики английского языка и деловой коммуникации

Серебрянцева О.Г.

Россия, г. Москва, тел. +7(903) 504-71-12;

e-mail: yaserebr@yandex.ru

Moscow City Teachers Training University

The chair English Phonetics and Business Communication,

PhD, Associate Professor

Serebryantseva O.G.

Russia, Moscow, tel. +7(903) 504-71-12;

e-mail: yaserebr@yandex.ru

О.Г. Серебрянцева

ЦЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ-БАКАЛАВРОВ ОСНОВАМ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

В статье приводятся аргументы в пользу освоения курса «Основы психолингвистики» психологами-бакалаврами. Актуальность преподавания данного курса все больше становится очевидной. Его изучение способствует лучшему пониманию студентами своих профессиональных задач и компетенций. В данном курсе особое внимание уделяется аспектам профессионального общения, невербальным аспектам коммуникации, психолингвистической компетенции психологов, аспектам межкультурного общения, нейролингвистическому программированию.

Ключевые слова: психолингвистика, знак, символ, проблемно-проектный подход, навыки психолингвистического анализа, практические навыки, психолингвистическая компетенция, межкультурное общение, нейролингвистическое программирование.

O.G. Serebryantseva

TEACHING BACHELORS OF PSYCHOLOGY FUNDAMENTALS OF PSYCHOLINGUISTICS

This article shows the advantages of studying the fundamentals of psycholinguistics by Bachelors of Psychology. The urgency of the course is becoming more and more evident. Its learning contributes to a better understanding of professional tasks and competencies by students. Particular attention is given to the aspects of professional communication, cross-cultural communication, nonverbal communication, psycholinguistic competencies, neurolinguistic programming.

Keywords: psycholinguistics, sign, symbol, problem-oriented and project approach, psycholinguistic analysis skills, practical habits, psycholinguistic competence, cross-cultural communication, neurolinguistic programming.

Среди психологов, философов, лингвистов, культурологов заметен интерес к междисциплинарным областям знаний, освещающим проблемы общих для них культурологических проблем.

турных феноменов знака, значения, символа, смысла, слова, текста, интерпретации, понимания, то есть психолингвистическим явлениям. Поскольку знаки, символы и их системы являются материальными носителями способов жизнедеятельности человека и передачи их из поколения в поколение, изучение психолингвистики становится актуальной задачей современных гуманитарных наук. Понятие знака при изучении психического и личностного развития человека является таким же фундаментальным, как и понятие гена в организме. На данном этапе развития для российской и зарубежной психолингвистики наиболее актуальными являются проблемы межкультурного общения, соотношения феноменов «язык - человек - общество», проблема феномена языковой личности; образа (картины) мира; этнокультурной специфики коммуникации.

В настоящее время межкультурное общение стало объектом исследования не только лингвистики, социолингвистики, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, но и психолингвистики. Так как в настоящее время происходит создание многокультурного общества, предполагающего диалог культур, то в практической деятельности психолог может столкнуться с представителями не только своей, но и чужой культуры и поэтому будет вынужден искать и применять оптимальные формы межкультурного общения. Следовательно, для достижения взаимопонимания психолог должен обладать общностью навыков речевого общения, а также общностью знаний о мире в форме образов сознаний. Несовпадение этих образов будет служить причиной непонимания при межкультурном общении. «Межкультурное общение является не только средством создания общего европейского сознания, но и как средство сохранения и поддержания собственной культуры: оригинальность собственной культуры осознается только в межкультурном общении на рубеже культур, точнее – на границе двух сознаний» [7; с. 63-72].

Актуальность преподавания основ психолингвистики студентам-бакалаврам психологического факультета вуза рассматривается нами с точки зрения необходимости введения данного предмета в программу обучения психолога-бакалавра. Психолингвистика существует и развивается в тесной связи с психологией. При этом психология, кроме других проблем, занимается межличностным общением, одним из основных средств которого является язык. Современный психолог должен не только владеть психологическими знаниями, но и знать, как они связаны с языковым сознанием, языковой картиной мира, речевой деятельностью и поведением, понимать языковую систему и правила построения речи, то есть владеть основами психолингвистики.

Ведение психологической консультации, понимание, интерпретация высказываний, действий, поведения человека, обратившегося за психологической консультацией являются важными моментами консультативной работы психолога. Обучение психолингвистике наряду с психологией помогает психологу-практику вести беседу, находить аргументированные объяснения, доказательства, более точно выражать мысли в словах. Не имея навыка в понимании смыслов, выраженных в словах, в графических образах, в моторных актах, в оформлении внешнего облика и поведения и т.д., психолог фактически теряет возможность учитывать и использовать информацию о клиенте, теряет дополнительную возможность найти средства разрешения возникшей проблемы.

Психолингвистика близка по предмету исследования к лингвистике, а по методам к психологии. Она находится в тесном контакте с нейролингвистикой, когнитивной психологией, информатикой, теорией и практикой искусственного интеллекта, социальной психологией, социолингвистикой, анализом дискурса.

Как отдельная самостоятельная наука психолингвистика оформилась в 1950гг. в результате работы междууниверситетского семинара, организованного Комитетом по лингвистике и психологии Исследовательского совета по социальным наукам при Университете штата Индиана (США, г. Блумингтон). Организаторами этого семинара были

два известных американских психолога – Чарльз Осгуд и Джон Кэрролл и лингвист, этнограф и литературовед Томас Сибек. Психолингвистика в американской традиции сосредоточена на попытках проверить, в какой мере психологические гипотезы, основанные на идеях Хомского, соответствуют наблюдаемому речевому поведению. С этих позиций рассматривается речь ребенка, роль языка в социальных взаимодействиях, взаимосвязь языка и познавательных процессов.

Французские психолингвисты, как правило, являются последователями швейцарского психолога Жана Пиаже (1896–1980). Поэтому преимущественной областью их интересов является процесс формирования речи у ребенка и роль языка в развитии интеллекта и познавательных процессов.

Отечественная психолингвистика (первоначально теория речевой деятельности) ориентируется на психологические и неврологические теории Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, на лингвистические идеи Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, М.М. Бахтина (В.Н. Волошинова), С.Д. Кацнельсона, Л.Р. Зиндера. Представителями Московской психолингвистической школы являются А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина-Рябова, И.А. Зимняя, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович, Е.Ф. Тарасов, Т.М. Дридзе, А.И. Новиков, Петербург представляют Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич, Л.В. Сахарный, Т.И. Зубкова, А.С. Штерн, в Перми – Л.Н. Мурзин и его ученики, в Саратове – это И.Н. Горелов, в Твери – А.А. Залевская и её ученики.

Психолингвистическими проблемами активно занимаются ученые в Германии, Франции, Польше, США и многих других странах.

Важным фактором представляется возникновение на стыке нейролингвистики, психолингвистики, прагматики, когнитивной науки и психоанализа теории и технологии нейролингвистического программирования. Его целью является применение способов оптимизации через направленное речевое воздействие на функционирование коры головного мозга, отвечающей за сознание и подсознание. Применяется эта технология в целях мобилизации глубинных резервов мозга, необходимых при психотерапевтическом лечении психических расстройств. Она используется, когда нужно изменить в свою сторону поведение человека, когда ведутся ответственные переговоры, где целью является незаметное привлечение оппонента на свою сторону (дипломатия, бизнес, политическая дискуссия), а также во время публичных выступлений, тестирования способностей человека и т. п. Смежной этой дисциплине является психолингвистическая суггестология (И.Ю. Черемисина, А.А. Романов).

Согласно А.А. Леонтьеву, целью психолингвистики «является ... рассмотрение особенностей работы ... механизмов порождения и восприятия речи в связи с функциями речевой деятельности в обществе и с развитием личности»; «объектом психолингвистики, как бы его ни понимать, всегда является совокупность речевых событий или речевых ситуаций»; «предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой [5].

Цели курса «Основы психолингвистики» можно определить как знакомство с историей возникновения психолингвистики, основными существующими направлениями, а также методами психолингвистического анализа, выработку сформированности у студентов понятийно-терминологического аппарата психолингвистики и теоретических представлений об основных направлениях и содержании современной психолингвистики, на их основе овладение навыками психолингвистического порождения и восприятия речи (текста); обучение интерпретации текстов; выработку сформированности у студентов практических навыков применения психолингвистических знаний в разных видах деятельности психолога.

Предмет психолингвистики очень широк, в центре его внимания сегодня находятся следующие основные направления: механизмы понимания, запоминания и продуцирования речи; процессы порождения и понимания речи; функционирование языка при порождении и восприятии речи; механизмы пользования языком; ментальный словарь; овладение языком (родным, иностранным); онтогенез детской речи, врожденные языковые механизмы, языковое окружение ребенка; феномен билингвизма; речевой механизм человека и особенности его становления и функционирования; языковые (речевые) нарушения; интеллектуальные процессы при коммуникации, то есть изучение речевой деятельности с точки зрения собственно психолингвистики, психологии, филологии, лингвистики и других смежных наук.

В задачи курса входят следующие: дать студентам представление о наиболее значимых и интересных направлениях, школах, теориях, работах психолингвистов прошлого и настоящего, оказавших наибольшее влияние на становление психолингвистики; познакомить студентов с актуальными проблемами современной психолингвистики и показать некоторые возможные пути их осмысления и решения; помочь студентам приобрести и закрепить навыки самостоятельной научно-исследовательской работы, применяя проблемно-проектный подход и одновременно обучая студентов стратегиям учения.

Следует заметить, что в программу предмета «Основы психолингвистики» включаются разделы, представляющие интерес для психологов: история возникновения психолингвистики, языковое сознание, знаковые системы, освоение знаковых средств, речь и мышление, язык человека и животных, психолингвистические аспекты грамматики, категории значения и смысла, внутренняя речь, проблемы речевого воздействия, нейролингвистическое программирование, возрастная психолингвистика, модели восприятия речи, модели порождения речи, процесс социализации, феномен языковой личности, межкультурная коммуникация, патопсихолингвистика, языки, явления культуры, обычаи и обряды, практический психолог как психолингвист, прикладные аспекты психолингвистики и другие. Некоторые темы можно считать периферийными и изучать их как темы для самостоятельной работы.

В результате освоения дисциплины бакалавры как минимум на удовлетворительном уровне должны знать и использовать полученные знания в профессиональной деятельности; знать этапы развития психолингвистики и её связи с другими лингвистическими дисциплинами; ориентироваться в современных психолингвистических теориях; знать терминологию психолингвистики; владеть основными методами речевого воздействия и основными методиками проведения психолингвистических исследований; уметь разрабатывать и проводить эксперименты с использованием психолингвистических методов; анализировать экспериментальный материал и обрабатывать результаты; уметь применять психолингвистические знания в проблемных областях современной коммуникации.

В развитии вышеупомянутых умений и навыков помогает, по нашему мнению, универсальный, проблемно-проектный подход, в основе которого лежит личностно-деятельностная концепция. Многие методисты (И.А.Зимняя, Е.С.Полат, В.В.Сафонова и др.) указывали на проблемную природу проектного подхода, поскольку процесс обучения, использующий проектный подход, всегда является процессом разрешения самостоятельно или с помощью преподавателя-фасилитатора личностных проблем.

И.А.Зимняя рассматривает проблемную учебную задачу как информацию о чем-либо не полностью известном. Проектно-проблемный подход рассматривается также в контексте личностно-деятельностного подхода, так как личность фор-

мируется в деятельности и общении. Главной же целью этого подхода является развитие самостоятельного мышления при овладении новыми знаниями, умениями и навыками в процессе решения учебных проблемных заданий.

Таким образом, необходимым условием развития основных компетенций психолога-бакалавра в процессе освоения основ психолингвистики является выполнение проблемно-проектных заданий. Такие задания создают необходимые условия для формирования вышеупомянутых умений и навыков, позволяют студенту научиться выражать свои мысли, позволяют понять, как образы сознания фиксируются с помощью языковых знаков.

Надо сказать, что результаты проблемно-проектного подхода обычно появляются к концу изучаемого курса, когда студенты, проработавшие над проектом весь семестр, показывают их в виде презентаций. В процессе предъявления результатов деятельности становится видна способность студентов выбрать и определить необходимость исследуемого ими психолингвистического явления или проблемы; способность определить оптимальную методику экспериментального исследования проблемы; провести психолингвистический эксперимент для достижения исследовательской цели, обработать результаты и сделать выводы. Проекты, которые выполняют студенты, позволяют наглядно показать степень владения навыками проведения психолингвистических экспериментов, навыками обработки результатов психолингвистических экспериментов, навыками обобщения полученных экспериментальных результатов.

Большую роль в обучении студентов-бакалавров играет учебник. Учебник должен быть основой в процессе обучения и помочь современному преподавателю реализовать цель обучения. В учебнике должны содержаться основные темы дисциплины, список основной и дополнительной литературы, практические задания, вопросы к семинарам и экзаменам. В данном случае замечательными представителями учебной литературы могут стать учебники В.П. Беянина «Психолингвистика», А.А. Залевской «Введение в психолингвистику», Р.М. Фрумкиной «Психолингвистика», И.Н. Горелова, К.Ф. Седова «Основы психолингвистики».

В качестве дополнительной литературы можно рекомендовать следующую: Баранов А.Н. «Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие»; Брунер Дж. «Психология познания»; Выготский Л.С. «Мышление и речь»; Гальперин И.Р. «Текст как объект лингвистического исследования» и др.

Текущая аттестация студентов осуществляется на семинарских занятиях, в нее также входит выполнение контрольных работ, решение задач. Итоговая аттестация в семестре проводится в форме зачета.

В связи с вышеизложенным можно сказать, что психолог-бакалавр достигнет более высокой компетентности, если:

1) в программу обучения будет включен предмет «Основы психолингвистики»;

2) организация и методика обучения будут построены на принципах системности; профессионально-практической направленности процесса овладения психолингвистической компетенцией; готовности студентов к изучению психолингвистики; сочетания обучения и самообучения; преемственности в обучении.

Таким образом, формируемые курсом «Основы психолингвистики» компетенции необходимы для успешной адаптации психолога-бакалавра на современном рынке труда, поэтому данный курс относится к специальным профессиональным дисциплинам и является важной составляющей в теоретической и практической подготовке по подготовке психологов-бакалавров.

Библиографический список

1. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М., 1991.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: ИТДГК «ГНОзис», 2001.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., Смысл, 1999. 287 с.
6. Полат, Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2. С. 3-10; № 3 С. 3-9.
7. Сапогова Е.Е. Психолингвистика для психологов: в поисках дидактической парадигмы. Известия ТулГУ. Серия «Проблемы языкознания». Выпуск 2. Тула: ТулГУ, 1999. С. 63-72.
8. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С.7-22.
9. Уфимцева Н.В. Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С.59-79.
10. Хуторской А.В. Общепредметное содержание образовательных стандартов. Проект «Стандарт общего образования». М., 2002.
11. Ялалов Ф.Г. Деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию // Интернет-журнал «Эйдос». 2007. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/2007/0115-2.htm> (2.06.2009).

References

1. Karaulov Y.N. The Russian Language and Linguistic Personality. M., 1987
2. Krasnykh V.V. The Basis of Psycholinguistics and Theory of Communication. M.: ITDK «GNOzis», 2001.
3. Khutorskoy A.V. General subject contents of educational standards. Project «General educational standards» M., 2002.
4. Leontiev A.A. Basic Psycholinguistics. M., Smysl, 1999. 287 p.
5. Polat, E.S. Project method in the Foreign language lessons // Foreign languages at school. 2000. № 2. P. 3-10; № 3 P. 3-9.
6. Sapogova E.E. Psycholinguistics for psychologists: in search of didactic paradigm. Izvestia TulGU. Series «Linguistic aspects». Issue 2. Tula: TulGU, 1999. Pp. 63-72.
7. Tarasov E.F. Cross-cultural Communication – New Ontology of Linguistic Mind Analysis.// Ethno-cultural specifics of Linguistic Mind. M., 1996. Pp.7-22.
8. Ufimtseva N.V. Man and his mind: problems of formation.//Language and Mind: paradoxical rationality. M., 1993. Pp.59-79.
9. Yalaov F.G. Activities-competence approach to practical education // Internet-journal «Eidos», 2007. <http://www.eidos.ru/2007/0115-2.htm> (2.06.2009)
10. Zimniaya I.A. Psychology of Foreign Language Teaching at School. M., 1991.
11. Zolotova G.A. Communicative aspects of Russian Syntax. M.: Nauka, 1982.

УДК 802.0

Санкт-Петербургский медицинский университет имени И. П. Павлова
Ст. преп. кафедры русского языка № 2
Коврижкина Д. Г.
Россия, г. Санкт-Петербург, г. Петродворец,
тел. 89516649184;
e-mail: dasha2509@inbox.ru

I. P. Pavlov Saint-Petersburg medical University
The chair of the Russian language № 2,
Senior teacher
Kovrizhkina D. G.
Russia, Saint-Petersburg, Petrodvorets,
tel. 89516649184;
e-mail: dasha2509@inbox.ru

Д.Г. Коврижкина

РОЛЬ ЭМОЦИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ УСТНОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается проблема обучения иностранных студентов способам выражения эмоций, их роль в обучении говорению, виды упражнений, обучающих выражению эмоций.

Ключевые слова: эмоция, устная речь, диалогическое единство, репликовые, ситуативные упражнения.

D.G. Kovrizhkina

ROLE OF EMOTIONS IN TEACHING FOREIGN STUDENTS ORAL SPEECH

The article considers the problem of training of foreign students to the ways of expressing emotions, their role in the teaching of speaking, exercises, training expression of emotions.

Keywords: emotion, speaking, dialogical unity, replica, situational exercises.

В настоящее время наблюдается расширение контактов России: экономических, политических, научных. В связи с этим изучение русского языка приобретает все большую популярность. Полноценное владение русским языком невозможно без выражения эмоций. Чтобы убедить партнера в своей точке зрения, речь говорящего должна быть эмоционально окрашенной. Собеседники быстрее поймут друг друга, если будут выражать эмоции, так как именно эмоциональная речь воздействует на слушающего. Выражая эмоции, говорящий точнее сможет передать свои мысли, следовательно, общение будет более плодотворным.

Неслучайно лингвисты обращаются к проблеме отражения «эмоционального» в языке [4, 6, 7, 9]. Мы будем обучать способам выражения эмоций иностранных студентов Второго уровня. В Государственном стандарте указывается, что достигнув Второго сертификационного уровня, студенты смогут «выражать и выяснять эмоциональную оценку: удивление, восхищение, раздражение, радость, печаль, страх и т.д.» [1; с. 9]. Однако эти требования не получают должной интерпретации в методических пособиях и не находят системной реализации в учебниках русского языка как иностранного.

Обучение иностранных студентов способам выражения эмоций позволит им увидеть всю красоту русского языка, познакомиться с его богатством и многообразием. Добавление в ход урока упражнений, направленных на развитие речевых способностей выражения эмоций, оживит учебный процесс, активизирует внимание студентов, будет способствовать мотивации дальнейшего изучения русского языка в целом.

Изучив психологическую литературу по эмоциям, мы пришли к выводу, что эмоция – это реакция человека на волнующую его ситуацию, произошедшую в данный момент, вспоминаемое или предстоящее событие, позволяющая ему осуществить лич-

ностное самовыражение. Выражение эмоций наиболее часто осуществляется в устной речи.

Разговорный стиль речи – это устная разновидность литературного языка, используемая для непринужденного общения – обмена мыслями, чувствами, впечатлениями, иногда просто для поддержания контакта между людьми [3; с. 177]. К основным свойствам разговорной речи можно отнести спонтанность, непринужденность общения, ситуативность, экспрессивность, а также активное использование мимики и жестов.

Говорение представляет собой продуктивный вид речевой деятельности, с помощью которого осуществляется устная форма общения, направленная на установление контакта и взаимопонимания с другими людьми, воздействие на их знания и умения, на выполнение функций доказательства, убеждения, на выражение эмоционального отношения к передаваемому сообщению [5; с. 62].

Цель обучения говорению – овладение учащимися умением выражать мысли в устной форме. Эта цель заключается в достижении следующих умений:

- выступать с подготовленным/неподготовленным сообщением;
- адекватно реагировать на реплики собеседника;
- инициировать общение и принимать в нем участие [8; с. 395].

Таким образом, чтобы установить контакт со слушателем, речь говорящего должна быть яркой, передающей его взгляд на ситуацию, отражающей его отношение к какому-то событию, для этого он должен уметь выражать эмоции. Выражение эмоций происходит в диалоге.

Диалогическое единство является речевым образцом и рассматривается нами в качестве основной единицы обучения способам выражения эмоций. С методической точки зрения важно как научить студентов выражать эмоции, так и реагировать на эмоции говорящего, то есть вести диалог:

1. Выражение эмоции. Если студент успешно сдал экзамен и хочет поделиться своими эмоциями, он может выразить радость следующим образом:

- Сергей, можешь поздравить меня, я сдал последний экзамен на «отлично»!
- О-о-о! Молодец! Поздравляю!

2. Реагирование на выражение эмоции собеседником. Если друг сообщает, что расстался с любимой девушкой, иностранный студент может отреагировать так:

- Эх! Мне так плохо и грустно. Я расстался с Наташей.
- Не грусти. Все наладится. Вы обязательно помиритесь.

Диалог создается не одним человеком, а двумя людьми, поэтому его нельзя полностью запрограммировать [2; с. 184]. Таким образом, студенты должны не только запомнить способы выражения эмоций, в представленных на занятии ситуациях, но и использовать данные способы в собственной разговорной речи, в новых для них ситуациях общения.

А. Н. Шукин подчеркивает, что экспрессивность речи проявляется в использовании разговорных формул, клише, невербальных средств [8; с. 397]. Для языкового выражения эмоций также характерно использование устойчивых разговорных формул: Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами! Я чувствую себя на седьмом небе от счастья! Я не нахожу себе места! Я не верю своим глазам! Вербальное выражение эмоций происходит одновременно с невербальным (мимика, жесты, пантомимика).

С помощью эмоций говорящий выражает свои мысли и чувства в инициативной и реактивной формах общения. Целью обучения выражению эмоций является динамическая, спонтанная речь, позволяющая выразить свои переживания, отношение к происходящему вокруг.

Для обучения выражению эмоций мы используем речевые упражнения. Созданная нами система упражнений направлена на формирование диалогической речи. Составленные нами упражнения носят игровой характер и имеют двойную цель:

1) обучающую (цель, которую ставит перед собой преподаватель – обучить студентов способам выражения эмоций);

2) познавательную (коммуникативную, игровую и т.д.) – цель, которую преподаватель выдвигает перед учащимися – научиться реагировать на события, ситуации, явления, которые нас радуют, восхищают, удивляют, расстраивают, пугают, злят).

В качестве одного из средств обучения выражению эмоций мы предлагаем репликовые упражнения. Задание. Отреагируйте на реплику:

1. Выразите радость:

- Андрей, преподаватель сказал мне, что тебе не нужно сдавать зачет, потому что ты ходил на все занятия.

- ...

2. Выразите восхищение:

- Лена, ты была вчера в театре? Как тебе спектакль?

- ...

3. Выразите возмущение:

- Катя, я не могу вернуть тебе фотоаппарат. Я потерял его.

- ...

4. Выразите страх:

- Оля, я хочу прыгнуть с парашютом! Хочешь со мной?

- ...

Также при обучении иностранных студентов выражению эмоций мы будем использовать ситуативные упражнения. Задание. Что вы скажете в следующих ситуациях:

1. Выразите радость: Вы узнали, что поступили в университет. Что вы скажете другу?

2. Выразите удивление: Ваша подруга два раза была в Париже, но не поднималась на Эйфелеву башню.

3. Выразите возмущение: Вы стоите в банке в очереди уже 30 минут, чтобы получить деньги, опаздываете на работу. Подходит мужчина и встает без очереди впереди вас.

4. Выразите восхищение: Вы находитесь с преподавателем на экскурсии в Петергофе. Гуляете по красивому парку, светит солнце, вокруг вас красивые фонтаны, цветы.

Благодаря специально подобранным ситуациям, установкам студенты научатся выражать эмоции в устной речи. Использование на занятиях по русскому языку как иностранному упражнений, направленных на развитие речевых умений выражать эмоции, создает в аудитории атмосферу свободного общения, в то же время преподаватель специально задает определенные речевые модели, которые участники используют в ходе урока.

Эмоции очень важны в нашей жизни. Если человек не умеет выражать свои эмоции, то другому будет трудно понять, почему он испытывает грусть или страх, гнев или радость, что у него на душе. Если человек не реагирует на выражение эмоций другим, то может показаться бесчувственным, равнодушным собеседником. Полноценное межличностное общение, коммуникативный успех невозможны без выражения эмоций.

Умение выражать эмоции откроет иностранным студентам уникальность и неповторимость русского языка, а в итоге, расширит их лексическую базу и повысит уровень языковой подготовки. Научившись реагировать на эмоции собеседника, иностранный студент сможет вести полноценную беседу.

Библиографический список

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Иванова Т. А. и др. М. - СПб: «Златоуст», 1999. 40 с.

2. Капитонова Т. И., Московкин Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб.: Златоуст, 2006. 272 с.

3. Культура русской речи: учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. /М. Б. Будильцева, Н. С. Новикова, И. А. Пугачев. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 232 с.
4. Латыпов Р. А. Об актуальном для методики обучения эмотивным высказываниям определении понятия «эмоция» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (10). Ч. 1. С. 83 - 85.
5. Методика обучения русскому языку как иностранному: Курс лекций. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. 219 с.
6. Подлесова О. А. Специфика эмоций как вида когнитивных состояний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1). Ч. 1. С.139 - 141.
7. Ромашина О. Ю. Эмоциональная коннотация как особый вид деятельности языкового сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (17). Ч. 1. С. 145 -150.
8. Щукин А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: Учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного М.: Русский язык. Курсы, 2012. 784 с.
9. Яблокова Т. Н. Эмоциональные высказывания в диалогической и монологической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С.191 - 196.

References

1. State educational standard of Russian as a foreign language. The second level. The General knowledge / Ivanova T.A. and others. M.-SPb.: «Zlatoust», 1999. 40 p.
2. Kapitonova T.I., Moskovkin L. C. Methods of teaching Russian as a foreign language at the stage of pre-University preparation. SPb.: Chrysostom, 2006. 272 p.
3. The culture of Russian speech: teaching aid for students of Russian as a foreign language. /M.B. Badaliceva, N.S. Novikov, I.A. Pugachev. M: the Russian language. Courses, 2010. 232 p.
4. Latypov R.A. About relevant to the methods of teaching emotive statements of the definition of «emotion» // Philological studies. Questions of theory and practice. Tambov: Diplomas, 2011. № 3 (10). PM 1. P. 83-85.
5. Methods of teaching Russian as a foreign language: a Course of lectures. SPb.: Publishing house of RGPU named after. A.I. Herzen, 2000. 219 p.
6. Podlesova O.A. Specifics of emotions as a form of cognitive States // Philological studies. Questions of theory and practice. Tambov: Diplomas, 2008. № 1 (1). PM 1. P. 141.
7. Romashina O.Y. Emotional connotation as a special type of activity language consciousness // Philological studies. Questions of theory and practice. Tambov: Diplomas, 2013. № 6 (17). PM 1. P. 145-150.
8. Shchukin A.N. Teaching speech communication in Russian as a foreign language: Educational-methodical manual for teachers of Russian as a foreign language. M: Russian language. Courses, 2012. 784 p.
9. Yablokova T.N. Emotional statements in Dialogic and monologic // Philological studies. Questions of theory and practice. Tambov: Diplomas, 2011. № 2 (9). P. 196.
12. Naumenko I.V. Situation-orienting as one of the main principles of teaching speaking in a foreign language // Siberian trade and economic journal. 2008. Number 7. Pp. 105-108.
13. Novikova O.V. The system of exercises to train speaking. // Scientific Bulletin GASU Voronezh. Series linguistics and intercultural communication. 2012. Number 8. Pp. 26-30.
14. Tomilova V.M. The strategy of educational activities at training by a foreign language. // Philology. Theory and practice. 2011. Number 2. Pp. 166-169.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 82-1

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Канд. филол. наук, доц. кафедры методики дошкольного и начального образования

Жесткова Е.А.

Россия, г. Арзамас, тел. 89307087177;

e-mail: ezhestkova@mail.ru

N.Novgorod State University

PhD, Associate Professor of preschool and primary education

Zhestkova E.A.

Russia, Arzamas, tel. 89307087177;

e-mail: ezhestkova@mail.ru

Е.А. Жесткова

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»

В статье рассмотрены религиозные мотивы в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон». Мотивы поданы в русле биполярных концептов (Тело и Душа, Вера и Неверие, Жизнь и Смерть), которые наиболее существенно отражают необычность и противоречивость отношения Поэта к религии.

Ключевые слова: художественный мир, душа, внутренняя борьба.

Е.А. Zhestkova

RELIGIOUS MOTIFS IN LERMONTOV'S POEM «THE DAEMON»

The article describes the religious motives of Lermontov's poem «The Daemon». Served motifs in line with bipolar concepts (Body and Soul, belief and unbelief, Life and Death), which essentially reflect the most unusual and contradictory relationship to religion Poet.

Keywords: the art world, the soul, the inner struggle.

Художественный мир М.Ю. Лермонтова соотнесен с мотивом вечной неудовлетворенности и подкреплен «роковым» образом Демона, ассоциирующимся не со злым духом, а с «печалью». Образ «печального Демона» ближе понятию человеческой души, которая тщетно ищет покоя, примирения с самим собой и с миром. Поэтому, когда Лермонтов называет своего героя «духом изгнания», мы не должны подразумевать под этим персонажем библейской легенды, близкого сатане или дьяволу.

Неудовлетворенность окружающей жизнью, которая объясняется исторически атмосферой последекабристской России, спадом активности в настроениях общества, а субъективно – желанием найти ответы на поставленные временем и жизнью вопросы на основе идеалистического сознания, и наполняет героя чувством грусти. Он не понят людьми, потому-то и одинок. А земля, действительно, грешная, так как люди «погрязли» во лжи, зле, насилии, стали забывать о своем предназначении в этом мире – творить Добро. Бесы – падшие ангелы, следовательно – не изначально злые и не от века

обреченные греху существа. Природа демонов – искаженная природа ангелов, а «генетическая» память не умирает.

Демоны отпали небесного царствия своею волею. Свободной волей наделено всякое сотворенное существо. Признавать себя и мир, видеть мир иначе, чем другие и, соответственно, быть чем-то иным, чем другие, – неотъемлемое право и коренное свойство всех, живущих в «подлунном» мире. Но если индивидуальное начало («самость») возводится в абсолют, если наша воля и частная точка зрения воспринимается как единственный способ видения мира, то свобода воли обращается в своеволие, отвергающее весь мир (волю Божию о мире) и тем самым отторгающее себя от мира (Анненков Ю.).

И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы! [5; с.294]

Свободная воля Люцифера и последовавших ему ангелов отделила их от остального творения. И точно так же только их собственная воля и желание могут стать основанием для возвращения «в прежнюю славу». В Царствие Божие не влекут насильно: каждый волен спастись или коснеть («затвердевать») в грехе. Вот Демон видит Тамару:

Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук -
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!... [5; с.296]

«Пустыня души» как нельзя лучше иллюстрирует одно из положений святоотеческой мысли: «Зло есть недостаток (отсутствие) Добра». Лермонтов настойчиво подчеркивает уже разобранную нами идею: не Бог отвергает человека, но человек отвергает себя от Бога («вновь постигнул он святыню»). Далее «мечты» – образ, отчетливо выражающий душевное расположение Демона в отношении к прежней небесной родине: воспоминания, грезы, иными словами – смутные образы и иллюзорные желания без реальной воли к осуществлению.

Герой романтической поэмы, как правило, самодостаточен, и автор служит анонимным передатчиком его мыслей и чувств там, где герой не мог бы сказать о себе сам (ср.: здесь «пустыня души», «мечты»). Однако заметно, что в критических для эволюции образа и сюжета точках Лермонтов лично вторгается в текст, используя свободно-косвенный дискурс: высказывание одновременно отражает и чувства героя и мысли автора. «То был ли признак возрожденья?» – звучит как вопрос, в равной мере принадлежащий и герою (в интуитивной форме), и автору. Демон – фигура не скованного плотью и рамками земной жизни духа, «которая позволяет отобразить конфликты бессмертной души человеческой – конфликты, «очищенные от шелухи повседневного, наносного, случайного».

На беззаботную семью

Как гром слетела Божья кара! [5; с.299]

«Беззаботная семья» – это и ощущение покоя самой семьей и скрытое авторское порицание бездумной самоуспокоенности. Соответственно, «Божья кара» – это и авторская мысль о законном наказании беззаботности, и ощущение героями «неразумности», «несправедливости» неожиданного удара.

Не Демон послужил отправной точкой душевного мятежа и неустроенности Тамары. Ведь при первой встрече «Он слов коварных искушенья // Найти в уме своем не мог». В тот момент Тамара свободна от страстей, но это бесстрашие детское, от неведения мира. Мир полон тревог, и первый же отголосок мирских волнений (гибель жениха) окажется для нее непосильной ношей. Буря проходит не извне, а рождается внутри.

Уход Тамары в монастырь оказывается не сознательным выбором мира Христова, а бегством отчаяния. И новые искушения (теперь уже лицом к лицу с Демоном) встречают новую неготовность:

Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчей,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билось как прежде.

Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Манил и звал он... но – куда? [5; с.306]

И только падение (доверие злу) и последовавшее раскаяние (прозрение себя, своего места в происшедшем) становится итогом внутренней борьбы Тамары:

Дни испытания прошли,
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои... [5; с.322]

Демон – обобщенная «символическая ипостась» противостояния (противо- и сопоставления) человека и Провидения; Тамара – живая иллюстрация вселенского, общечеловеческого конфликта на «конкретном материале». Но, более того, сплетение двух судеб столь разного масштаба обнаруживает еще одну зависимость. Все мы связаны не только тем, что каждый своей жизнью пытается развязать один и тот же узел духовно-нравственных вопросов, но и тем, что, предлагая свое решение, мы тем самым обуславливаем выбор жизненных путей для окружающих нас. Но если душевное смятение все более ощущается Тамарой как «злая отравка» и она ищет спасения в монастырских стенах (хотя и там не утверждаясь в собственном выборе до момента последнего испытания и самой смерти), то Демон медлит и медлит в иных сомнениях:

... Была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокий. [5; с.322]

Умысел жесток не для него. Равнодушная бесконечность индивидуального бессмертия – его обычный удел. Едва ли он понимает всю жестокость подобного «царско-

го» жребия для Тамары (в этом смысле он, действительно, не искушает ее сознательно, ибо не сознает свое равнодушие как зло или грех):

В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя. [5; с.316]

Демона страшит цена бесплодной вечности. Так или иначе, привычка ко греху и желание освободиться от греховного плена могут осуществляться бесконечно долго. Но выбор должен быть сделан. «Кто не со мною, тот против меня; и кто не собирает со мною, тот расточает» (Лк. II: 23). И в этой внутренней борьбе Демона протянута рука помощи, дан импульс выйти из мерного круга равнодушия и наслаждения собственной тоской и отверженностью.

И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел... [5; с. 308]

И выбор, быть может, неожиданный для самого закосневшего в равнодушии сердца, сделан. Первый шаг раскаяния совершен:

И чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится... [5; с. 309]

Чудо преображения всегда дар. Дар нужно уметь принять. И, кажется, вековое томление духа подспудно готовило Демона к приятию этого дара:

И входит он, любить готовый,
С душой открытой для добра.
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора. [5; с.309]

Демон мыслит себя иным, желает, жаждет иного бытия (вспомним «пустыню души»). Но между желанием и деянием может быть пропасть тех самых «благих намерений», коими вымощена дорога в ад. Ибо открытость изменению еще не равна исполненности [1]. «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя и не находя говорит: «возвращусь в дом кой, откуда вышел». «И приходя, находит его выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собой семь других духов, злейших себе, и войдя, живут там. И бывает для человека того последнее хуже первого» (Лк. II: 24-26).

Дабы испытать волю Демона к преображению, ангел является ему не только в песне, но лицом к лицу. Там, в песне, были все слова приветия, здесь же - слова укора. «Пей поругание как воду живую», - говорит нравственная мысль христианства.

И это испытание совести обнаруживает истину:
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,

Спознались с гордою душой,
То было злое предвещанье!

«Злое» – шаткое, опасное – сочетание самолюбия и неизвестности грядущих перемен – не преодолевается смиренным признанием собственного бессилия, а обновляет «старинной ненависти яд»:

«Она моя!»

На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою:

Здесь больше нет твоей святыни... [5; с.309]

И – ужасающая правда – в этой точке формально он прав! Не только Демон отталкивает руку ангела, но и Тамара («Святым захочет ли молиться - // А сердце молится ему»). И ангел уходит. Ибо он призван охранять и спасать нуждающихся в его защите и ограждении.

Гордость, себялюбие превозмогают ростки возможной истинной любви, где нет места самолюбованию или желанию присвоить себе другого. Гордость и тщеславие уничтожают возможность неложно раскрыть себя, запирают личность в рамки узкого «я», отрезанного от всех и вся. Вся напыщенная страстями клятва Демона оказалась не что иное, как вызов Богу, продолжение с ним явной и скрытой вражды. Многое дано Сатане, власть его бесконечна, но не беспредельна, нельзя его вылечить красотой и любовью, нельзя разжалобить жалостью. Герой немного просчитался: он был в силе только обольстить, овладеть душой и переделать ее на свой лад не смог.

Можем ли мы назвать после таких рассуждений Лермонтова человеком, отдавшимся на растерзание злым демонам и отвернувшимся от Бога? Поэту приходилось преодолевать «человека внешнего» в себе, вырываться из плена земных, тварных стихий, имевших над его натурой огромную власть. К тайнам надмирного бытия, к абсолютной истине и гармонии его влек «верующий разум», религиозная интуиция, чей зов рано услышал Лермонтов. Еще в 1830 году, отвечая на упреки Н.Ф.Ивановой по поводу его тогдашних мечтаний, он писал:

Я верую твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился.

Человек может сначала познать себя, только потом правосудие Божие. Самопознание раскрывало «человека внутреннего», просветляло взор. Теперь в эти мгновения, превыше всего ценимые Лермонтовым, освобожденным от чувственных томлений, мятежных желаний, от шума и диссонансов внешней жизни, «человек внутренний» обретает покой и способность к высшим созерцаниям:

Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле
И в небесах я вижу Бога...
(«Когда волнуется желтеющая нива...»)

Ему становится доступна и близка святыня, на которой надолго задерживается его задумчивый взгляд:

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.
(«Ветка Палестины»)

Библиографический список

1. Горланов Г.Е. Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания. М.: Издательство Московского государственного областного университета, 2009. 376 с.
2. Жесткова Е.А. Н.М. Карамзин и А.К. Толстой. К вопросу о художественном осмыслении исторической эпохи Иоанна Грозного // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2013. № 4. С.51-54.
3. Жесткова Е.А. Мир детства в творческом сознании и художественной практике В.И. Даля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №4. С.70-74.
4. Жесткова Е.А. Эпоха Иоанна Грозного в изображении Н.М. Карамзина и А.К. Толстого // Мир науки, культуры, образования. 2011. №6 [31]. С.290-292.
5. Лермонтов М.Ю. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1987.
6. Щеблыкин И.П. Эстетико-философский смысл творческого феномена М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский выпуск №7: материалы международной научной конференции «Изучение творчества М.Ю. Лермонтова на современном этапе». Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2004. С.4-13.

References

1. Gorlanov G.E. Lermontov creativity in the context of Russian spiritual awareness. Moscow: Publishing House of Moscow State Regional University, 2009. 376 p.
2. Zhestkova E.A. N.M. Karamzin and A.K. Tolstoy. On the artistic interpretation historical epoch of Ivan the Terrible // Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Arts. Philology. 2013. № 4. P.51-54.
3. Zhestkova E.A. World of childhood in the creative minds and artistic practice Dahl // Philology. Theory and practice. Tambov: Diploma. 2014. № 4. P. 70-74.
4. Zhestkova E.A. Era of Ivan the Terrible in the image Karamzin and A.K.Tolstoy // The world of science, culture and education. 2011. № 6 [31]. P. 290-292.
5. Lermontov M. Selected Writings. M.: Fiction, 1987.
6. Shcheblykin I.P. Aesthetic and philosophical sense of creative phenomenon Lermontov // Lermontovsky issue number 7: Proceedings of the International Scientific Conference «Exploring creativity M. Lermontov at the present stage». Penza: PGPU them. V.G. Belinsky, 2004. P. 4-13.

УДК 808.2:82-3 Шу

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет*

*Асс. кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации*

Перцева Е.Н.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;

e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering*

*The chair of Russian language and cross-
cultural communication, assistant*

Pertseva E.N.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;

e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Е.Н. Перцева

ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА РУССКИХ ЖЕН И МАТЕРЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М. ШУКШИНА

В статье рассматриваются способы репрезентации характеров русских женщин прозе В.М. Шукшина, выделяются черты, присущие русским женам и матерям. Проводится анализ языковых средств, посредством которых репрезентируются данные черты.

Ключевые слова: национальный характер, образ матери, образ жены, женский русский национальный характер.

E.N. Pertseva

SPECIFIC FEATURES OF RUSSIAN WIVES' AND MOTHERS' CHARACTERS IN V.M. SHUKSHIN'S WORKS

This article discusses ways of representing characters of Russian women in the V.M. Shukshin's prose, distinguishes traits of Russian wives and mothers. It analyses the linguistic means by which data are represented features.

Keywords: national character of the mother, the image of wife, a female Russian national character.

Раскрытие сущности национального характера очень важно для понимания нации как уникального исторического субъекта. Существуют различные подходы к выявлению особенностей национального характера: этнографический подход, психологический, историко-культурный. Нельзя не выделить еще один – подход к национальному характеру как к художественной категории. Очевидно, что отражение характера нации в литературе имеет свою специфику. Национальный характер не тождествен индивидуальному, поэтому не может быть представлен одним конкретным образом, можно говорить только о совокупности черт, встречающихся у разных героев произведений.

Русский национальный характер в произведениях литературы раскрывается многомерно: он включает в себя, во-первых, реальную национально-историческую специфику внутреннего мира героя, во-вторых, национальные особенности художественного мышления самого писателя, его творческую индивидуальность. Изображение русского национального характера в художественном тексте, представляющее собой синтез субъективного и объективного, не претендует на историческую достоверность, однако

помогает создать определенное мнение об этом феномене.

Цель нашей работы – проследить, каким образом особенности русского женского национального характера показаны в одном из источников знаний об этносе – литературе, а конкретно в произведениях В.М. Шукшина, как одного из ярчайших писателей – знатоков русской души.

В творчестве В.М. Шукшина, в его личности, биографии самобытно выразились характер народа, духовное состояние. Социально-философская зоркость писателя позволила ему увидеть и запечатлеть в своих произведениях неповторимый характер русского человека.

Именно поэтому обращение к его творчеству с целью выявления черт характера, присущих русским женщинам является целесообразным.

Для исследования нами выбран именно женский русский национальный характер, так как женщина играет особую роль в русской культуре, в русском самосознании.

И. А. Ильин пишет: «Русская женщина по-особому женственная... Она излучает из себя внутреннюю гармонию, в которой в женской форме находят свое выражение и вечно-женственное, и вечно-мужественное, достигая в ней желанного равновесия... Русский национальный характер сам по себе имеет женственную доминанту» [2; с. 492]. Диалектика мужского–женского многое выстраивает в русской жизни: «Русская душа пронизана и оплодотворена лучом вечно-женственного, но везде, во всех сферах жизни ищет она норму вечно-мужественного... Вечно-женственное ей дано, а вечно-мужественное – задано» [2; с. 493].

Главным для русских людей является понятие женщины - матери, Богородицы. В Богородице на Руси издревле почиталось именно ее материнское начало. Русь именуется матушкой, родина – матерью.

Рассмотрим, каким образом материнские черты русского национального характера репрезентируются в творчестве В. М. Шукшина.

В рассказе «Материнское сердце» посредством выражений матери *«батюшки – святы», «ангел ты мой господний», «ангелы вы мои, люди добрые», «Господи, помоги, батюшка», «спаси тебя, Христос», «возьми, да в уме помолись», « свечечку Николе – угоднику поставлю, попрошу тоже его», «Господи, да она пешком пойдет в эти краевые организации»* репрезентируется такая черта характера, как религиозность, обращение к высшим, божественным силам в самый сложный момент жизни.

Вера в добро как важная черта русского национального характера актуализируется с помощью лексемы *«вера»*, а также с помощью лексических повторов: *«она вызволит сына, она верила в это, верила», «ничего, добрые люди помогут, она верила, помогут», «и та неистребимая вера, что добрые люди помогут ей, вела ее и вела».*

Такая особенность характера как глубокая понятливость, возможно даже на интуитивном уровне, воплощается с помощью глагола *«поняла»*: *«поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну», «поняла, что и этот невзлюбил ее сына».*

Жалостливость матери презентуется с помощью лексемы *«жалко»*, а также с помощью лексических повторов: *«жалко сына Витьку, ох жалко», «когда они хворают, дети, тоже очень их жалко, но тут какая – то особая жалость – когда вот так, тут – просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят».*

Главное качество характера матери – сердечная мудрость, интуитивное постижение ситуации, угрожающей ее ребенку. Это качество подчеркивается с помощью прилагательного «мудрое»: *«материнское сердце – оно мудрое»*.

Материнская боль за своих детей, страдание воплощаются с помощью существительного «слезы», глагола «плакать». Мать не показывает своих страданий, глубокую боль, находящуюся в сердце, это качество презентуется с помощью наречия «молча»: *«она молча плакала, вытирала слезы концом платка» «на ходу, скоро, вытирая слезы концом платка», «не останавливалась, чтобы наплакаться вволю»*.

В рассказе «На кладбище» также видим воплощение материнского страдания по умершему сыну с помощью указанных выше лексем: *«она молча поплакала, молча же вытерла концом платка слезы, вздохнула», «она опять поплакала, опять вытерла слезы и вздохнула», «женщина плачет», «да так горько плачет», « плачет какая – то женщина на кладбище», «то опять примется плакать», «об вас, говорит, плачу, об молодом поколении», «плачу об вашей непутовой жизни»*. Данное произведение представляет собой рассказ в рассказе, в котором мать на кладбище у могилы сына повествует случайному прохожему о Богородице, страдающей, проливающей слезы за всех людей. Таким образом, подобная композиция позволяет актуализировать в образе матери богородичные черты.

Религиозность как важная черта женского русского характера также выражена посредством следующих выражений: *«божья мать», «образ божьей матери», «Господи, господи»*.

В рассказе «Ванька Тепляшин» беззащитность, уязвимость матери вербализуется с помощью лексем: *«взмолилась», «жалкий голос», «заученно - жалкий», «привычно - жалкий», «униженно просит»*. Обида за сына, сострадание к своему ребенку также выражается с помощью лексем «плакать», «слезы»: *«сидит и плачет», «вытирала полушалком слезы», «не плачь»*. Мать так любит своего ребенка, что становится уязвимой, готова пойти на любые унижения ради него.

Необходимо отметить, что ни в одном из проанализированных рассказов матери не называется по имени, то есть можно говорить о том, что в произведениях Шукшина мать предстает в своем главном изначальном высоком предназначении, образ матери осмысливается как обобщенный.

На основании сказанного выше, можно сделать выводы, что материнский характер в произведениях В.М. Шукшина включает следующие черты: религиозность, вера в добро, жалостливость, сердечная мудрость, уязвимость, молчаливое тихое страдание за своего ребенка.

Однако роль русской женщины не ограничивается материнством. Очень важно для русской женщины реализоваться в качестве жены, хранительницы очага. В произведениях В. М. Шукшина широко представлены образы жен. Можно отметить, что, если образы матерей у Шукшина идеализированы, возвышенны, характеризуются языковыми средствами, имеющими положительную семантику, то образы жен имеют как положительные, так и отрицательные черты. Можно выделить две группы образов – «добрые» и «злые» жены.

Еще в древнерусской литературе имеется значительный корпус учительных сочинений (слов, бесед, поучений, притч, афористических изречений) о «добрых» и «злых женах».

«Злая жена» – кара Господня мужу (и всякому, соединившему с нею свою судьбу). «Добрая жена» – устроительница дома, она награда и спасение мужу. С ее образом связаны мотивы возрождения и воскресения.

Рассмотрим, какие характерные особенности присущи «добрым» и «злым» женам в произведениях В. М. Шукшина.

В повести «Печки – лавочки» репрезентируются такие черты доброй жены, как: беспокойство за своих близких *«Как праздник подходит, так у меня душа загодя болит»*, *«Мама, ребяташек-то, это – смотри тут за ими... А то у меня душа болит»*, *«Как же не беспокоиться, не чужой. Сердце – то болит»*. Беспокойство за мужа и детей настолько сильное, что вызывает душевную, сердечную боль, вербализуется с помощью лексемы «болит».

Необходимо отметить такую черту характера, как религиозность, которая выражается посредством обращения к высшим, божественным силам: *«Господи, господи, только и сказала Нюра»*.

«Добрую» жену отличает скромность. Эта черта актуализируется с помощью лексем *робость, нерешительность, покраснела, боязливая, испугалась*: *«Она прямо преобразилась вся. И куда девалась ее деревенская робость, нерешительность!»*, *«Нюра покраснела под взглядами мужчин»*, *«Жена у меня боязливая»*, *«Да что вы, - испугалась Нюра»*.

Покладистость, миролюбивость «доброй» жены репрезентируется наречиями *мирно, тихонько, тихо, терпеливо*: *«...Нюра осталась стоять в очереди – терпеливо, с пониманием, что надо стоять, долго надо стоять»*, *«Ложись – ка спать, - мирно сказала Нюра»*, *«Что же, правда, что ли, там такая жизнь? – спросила Нюра тихо»*, *«Загороди меня, - тихонько попросила Нюра»*.

Но в ее характере есть и сила, мощь. Эти характеристики актуализируются с помощью лексемы «мощная»: *«Нюра подошла, выдернула мощной рукой его из-за стола....»*.

Не склонность жены к конфликтам подчеркивается с помощью двойного отрицания и просторечного диалектного глагола «базланить» – кричать, шумно и громко, распорядиться, орать: *«Не она у меня не базланит. Это не то, что некоторые»*.

«Добрая» жена веселая, смешливая. Эти черты репрезентируются с помощью лексем *«смеяться»*, *«смешливая»*, *«смех»*. *«Нюра засмеялась. Она была очень смешливая женщина. И смеялась она как – то очень доверчиво и мило – хотелось ее смешить»*, *«засмеялась милым своим смехом»*, *«А Нюра смеется, дурочка...»*.

Таким образом, доброй жене присущи такие черты как беспокойство за близких, скромность, покладистость, веселый нрав.

Одна из черт «злых» жен – жадность. В рассказе «Жена мужа в Париж провожала» жадность жены является началом горя, семейной трагедии: *«Горе началось с того, что Колька скоро обнаружил у жены огромную, удивительную жадность к деньгам»*.

Такое качество как злость репрезентируется с помощью словосочетаний *она зла, ненавидит его свирепо говорит, спросила зло, совсем зло, сколько злости, стали злые*. *«Валюша не думает откликаться, она зла на Кольку, ненавидит его за эти концерты,*

стыдится», «Валюша, навалившись могучей грудью на подоконник, свирепо говорит...». («Жена мужа в Париж провожала»). «Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло: - А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно?», «- Вы прекратите орать?- опять спросила Софья Ивановна совсем зло, нервно». «- Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке!.. Сколько злости!», «Не понимаю: почему они стали злые?» («Чудик»).

Из уст «злых» жен звучат грубые слова, это подчеркивается с помощью сниженной, бранной лексики: *кретин, дурак, заткнись, башка*. «Я те сейчас отреагирую – кастрюлей по башке, кретин!», «Кретин! Тебя же сейчас во всех квартирах обсуждают!» «Заткнись со своей деревней, – посоветовала Валя. – Ехай туда, кому ты здесь нужен!» («Жена мужа в Париж провожала»).

«Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! – кричала Софья Ивановна». («Чудик»).

Таким образом, «злых» жен в произведениях Шукшина характеризует крикливость, сквернословие и жадность.

Исследование, проведенное в рамках нашей работы и предпринятое с целью выявления особенностей женского русского национального характера в произведениях В.М. Шукшина затрагивает лишь небольшую часть обширной темы – женский русский национальный характер и открывает огромные перспективы для дальнейшего рассмотрения этого феномена.

Библиографический список

1. Васильев В.К. Архетипический сюжет о «добрых» и «злых женах» и его реализация в русской литературе (статья 1) // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманит. науки. Красноярск, 2006. № 6. С. 250-254.
2. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры // Собр. соч. В 10 т. М., 1996. Т.6. Кн. С. 492-497.
3. Перцева Е.Н. Особенности языкового выражения черт русского национального характера в произведениях В.М. Шукшина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. №8, 2012. С. 17-20.
4. Шукшин В.М. Собрание сочинений в 3 т.М.,1985.

References

1. Vasilev V.K. Archetypal story about the «good» and «evil wives» and its implementation in the Russian literature (Article 1) // Vestn. Krasnoyarsk. Reg. Univ. Humanity. science. Krasnoyarsk, 2006. № 6. Pp. 250-254.
2. Ilyin I.A. Essence and originality of Russian culture // Coll. works in 10 volumes. M. 1996. V.6. Book. 2. Pp. 492 - 497.
3. Pertseva E.N. Features of linguistic expression features of Russian national character in the works of M. Shukshina // Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Construction Series: Linguistics and Intercultural Communication. Voronezh. № 8, 2012. Pp. 17-20.
4. Shukshin V.M. Works in 3 v. M., 1985.

УДК-882

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры русской литературы 20
и 21 века, теории литературы и фольклора
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (919) 246-61-11
e-mail: marisha-rus@yadex.ru*

*Voronezh state University
Postgraduate student of the Department of
Russian literature of 20 and the 21st century,
theory of literature and folklore
M.V. Novikova
Russia, Voronezh, tel. 8 (919) 246-61-11
e-mail: marisha-rus@yadex.ru*

М.В. Новикова

ВОПЛОЩЕНИЕ НЕБЕСНЫХ И ЗЕМНЫХ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА

В статье рассматривается, как раскрываются небесные и земные образы в творчестве поэта. Устанавливается взаимосвязь с мифологической тематикой.

Ключевые слова: поэзия, небесная и земная сферы, вода.

M.V. Novikova

THE EMBODYMENT OF HEAVENLY AND EARTHLY IMAGES IN S.A. ESENIN'S WORKS

This article discusses how to reveal images of heaven and earth in the poet's works. It establishes relationship with the mythological theme.

Keywords: poetry, heavenly and earthly spheres, water.

Многие исследователи отмечают склонность С.А. Есенина к воспеванию патриархального крестьянского быта. Но это не совсем так: поэта интересовал вовсе не крестьянский быт как таковой, а весь строй крестьянской жизни в единстве с гармонией космоса. Для него важно показать ту «узловую завязь» [2,5; с. 199], к которой люди давно утратили интерес, забыв о ее существовании. В статье «Из современных литературных настроений» Есенин писал: «Есть совершенно отчетливый уклон к непосредственному, к физиологии, к звериному, к примитивному, большая жажда сбросить вериги современной культурной жизни, жить как птица, инстинктом, без сложного дифференцированного, ценить вещь, как она есть» [1; с. 289]. Своим творчеством поэт пытается восстановить космическую гармонию, научить людей слушаться своих инстинктов, как раньше это делали наши предки. Но тем самым он вовсе не призывает вернуться к архаике, напротив, полагая, что через познание известного можно продвинуться дальше, на его основе создать новое.

Художественный мир поэта пронизан многогранными образами славянской мифологии. Наиболее распространенными из них являются образы земли и неба. В представлении славян окружающий мир имел трехчастную структуру: «Земля (средний мир) представлялась покоящейся на трёх головах Владыки преисподней, среди вод океана. В недрах земли, в нижнем мире, горит неугасимый огонь (пекло). Небеса (Верхний мир) простираются над землёй несколькими сводами» [5]. Но важно заметить, что все три части взаимодействуют между собой, представляя живой монолитный организм.

С.А. Есенин, впитавший с детства верования наших предков, трансформирует их, создавая собственную космическую модель мира, делая ее двухчленной (небо и земля). К

первому – верхнему миру – он относит небесные явления (небо, солнце, луна, звезды), ко второму ярусу – среднему – землю, деревья, животных, людей, жилищные и другие строения. Эти ярусы между собой очень тесно взаимосвязаны. Это также обуславливается народными верованиями. Исследователь А.А. Коринфский отмечает: «Небо в славяно-русских народных сказаниях о богах - светлый прабог, отец и полновластный владыка вселенной; земля – праматерь. В этом – их великая связь, от которой, как лучи от солнца, расходятся во все стороны света белого причины всех других явлений бытия и небытия» [3, с. 67]. С.А. Есенин в своем творчестве реализует эту связь посредством проводников.

Ключевым образом земной сферы, осуществляющей связь с небесной, является образ воды. С этим мы сталкиваемся в стихотворении «Топа да болота...»:

Топа да болота,
Синий пласт небес... [2, 1; с. 65].

Земная сфера представлена болотистой местностью, и это не случайно: в мифологии считалось, что «земля покоится на воде» [3; с. 44]. Об этом говорит А.Н. Афанасьев, и с этим же мы встречаемся в различных списках сербско-болгарских рукописей XV века: «Да скажи ми: що дръжит землю?» - задается вопрос в этой рукописи. «Вода висока!» [3; с. 45]. Поэт показывает читателю, что верование не утрачено, и образ болота указывает на это. Символично и то, что прародиной славян считается именно болотистая местность, расположенная между белорусским Полесьем и Балтийским морем. Таким образом, автор отсылает нас к корням, ведь вода - это кровь земли: она ее питает, а земля питает нас.

Просматривается в приведенных строках из стихотворения С. Есенина и другое мифологическое верование: «вода – небесный воздушный океан» [3; с. 44]. Так, мы можем видеть тройственную связь: вода – небо - земля. Символично и цветовое обозначение *синий* применительно к описанию неба и воды. Все это рождает мысль о замкнутости круговой системы мира в совпадающем с фольклорным представлении Есенина..

С подобными явлениями мы можем столкнуться и в стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся...»:

Курит облаком болота,
Гарь в небесном коромысле. [2, 1; с. 39].

Поэт снова вводит образ болота, но здесь становится важным сам процесс испарения влаги с болотистой местности. Действие, производимое на земле, посредством воздушных паров перемещается на небо. Интересно и то, что С. А. Есенин берет для создания образа материал из деревенского мира или из мира природного, и небесные объекты получают земные характеристики. Так, небо превращается в коромысло, тем самым отсылая к обычному атрибуту земной, крестьянской жизни.

В стихотворении «Я покинул родимый дом...» мы встречаемся с подобными трансформациями:

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде... [2, 1; с. 143].

Объект небесной сферы перевоплощается в объект животного мира. Подобные изменения мы можем отследить с помощью воды, которая выступает посредником между небесным ярусом и земным. Способность водной глади отражать объекты используется поэтом для демонстрации стремления к соединению земли и неба. Месяц трансформируется в лягушку не случайно, исследователь А.Е. Наговицын указывает на функциональную связь образа лягушки с небом: «Лягушка часто имеет небесное происхождение. В ряде случаев их можно рассматривать как превращенных детей (или жену) громовержца, изгнанных на землю, в воду, в Нижний мир» [4; с. 258]. Это является очередным подтверждением взаимосвязи элементов, составляющих структуру мира.

Подобные сравнения наблюдаются и в стихотворении «Табун»:

Дрожат их головы над тихой водой,
И ловит месяц их серебряной уздой... [2, 1; 91].

Водное пространство предстает зеркалом-порталом. Две сферы вступают в непосредственный контакт, участниками которого становятся представители земного яруса – животные и небесный объект – месяц. Светило берет на себя функцию конюха, накидывая

на коней уздечку. Вводится игровая ситуация, которая развивается авторам на протяжении всего стихотворения, подтверждением этому служат следующие строки:

И лишь волна потянется к звезде,
Мелькают мухи пеплом по воде... [2, 1; с.92].

Месяц затевает игру, а вода становится участницей его забав. Для того, чтобы эта игра реализовалась, поэт вводит еще одного представителя земной сферы – муху. И снова мы видим множественную связь мира животных, водной и небесной сферы.

Еще в «Ключах Марии» поэт говорил о тоске земли по браку с небом, о восстановлении брака земли и неба для созидания новой вселенной. Поэтому образ воды, как представителя земной среды столь частотен в его поэзии С. Есенина. Именно вода осуществляет связь двух начал. Вода источник чистоты и обновления и возможно, только при ее участии мир способен изменяться, обмениваться звёздными кодами, читать космическую азбуку, но для этого людям необходимо вспомнить о своих корнях, научиться видеть то, что так доступно и понятно было нашим предкам.

Однако С.А. Есенин осуществляет связь не только через водные объекты: так, например, в стихотворении «Задымился вечер...» проводниками становятся деревья:

У лесной поляны – в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копыя, уперлися в небо... [2, 1; с. 38].

Соотнося ели с копнами хлеба, поэт указывает на земную сущность дерева, ведь оно берет свое начало из земли, уходя в нее корнями. Символично и то, что из всех пород деревьев С.А. Есенин в данном случае выделяет именно ель. Как отмечает исследователь А.Е. Наговицын, «ель – символ возрождения. Она является древнейшим символом космогонической богини Матери – кормилицы, связанной с охотой и восстановлением поголовья животных, одновременно она – Мировое древо, через которое осуществляется связь между мирами» [4; с. 379]. Получается, что С.А. Есенин не просто отсылает нас к земному быту, но выстраивает древнюю узловую ассоциативную связь. Ели выступают как некие отголоски, выполняющие функции прародителя мирового древа. Важна здесь и идея возрождения. Поэт постоянно говорит о необходимости для людей вернуться к истокам и заново возродиться. Осуществить это возможно только посредством связи между земным и небесным.

Интересно и уподобление древа копьём. Как известно, копьё предполагает процесс метания, в ходе которого оружие достигает своей цели. Поэт, проводя подобное сравнение, стремится реализовать процесс слияния земли и неба. Ствол ели устремляется в самую высь, достигает небесных сфер.

Наблюдаются в творчестве поэта и другие проводники, выступающие связующим звеном между земной и небесной сферой – это животные. Так, любопытно вчитаться в стихотворение «Не напрасно дули ветры...»:

Отелившееся небо
Лижет красного телка... [2, 1; с. 86].

Однако подобный антропоморфизм наталкивает нас на осмысление того, что С.А.Есенин несколько трансформирует мифологические представления славян. Небо у славян, как известно, отождествлялось с мужским началом. Оно воспринималось как натянутая над землёй бычья шкура и т. д. У поэта же небо уподобляется не шкуре животного, а самому животному, к тому же оно предстает как женское начало. Однако поэт неспроста относит корову к небесной сфере. В мифологии «древним символом космических сил, сотворивших мир, являлись бык и корова, верховная божественная пара. Они представляли активный и пассивный аспекты созидательных сил Вселенной. Корова при этом была персонификацией Матери-Земли и символизировала огромное космическое лоно, в котором вынашивалось все существующее» [6]. И в творчестве поэт соединяет две сферы, трансформируя образ коровы как земного существа. Интересна и цветовая символика – телок наделяется эпитетом - красный. Этот эпитет неизменно сопровождает такой объект небесной сферы как солнце (особенно в фольклоре: вспомним устоявшееся словосочетание «красно солнышко»). Отсюда мы понимаем, что телок у С.А. Есенина предстает закодированным образом солнца. Так небесное воплощается в форме земного животного. В

этой связи может просматриваться идея единства всего мира, расширение границ, выход из узкого привычного пространства.

С подобными сравнениями встречаемся мы и в стихотворении «Тучи с ожереба...»:

Небо – словно вымя,

Звезды как сосцы... [2, 1; с. 106].

И вновь небесные тела наделяются анималистическими и телесными признаками. Вместо коровы возникает образ овцы-матери. Снова просматривается мотив материнства. Небо выполняет функции некой плодородной вечной субстанции, из которой рождаются земные существа.

Если продолжить анализ поэзии С.А. Есенина, то можно столкнуться с большим числом примеров, так или иначе реализующих связь земного и небесного ярусов посредством различных проводников. Но, уже опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод, что поэт указывает не просто на сферическую замкнутость небесного и земного мира, но и пытается посредством своего творчества донести до людей необходимость возродить в себе способность видеть взаимосвязь этих сфер. Необходимо не просто научиться понимать то, что понимали наши предки, но на этой основе идти дальше, создавать новую вселенную по правилам космической гармонии. Именно поэтому в стихотворениях мы встречаем образы земного и небесного яруса, олицетворяющие возрождение. Будущее виделось поэту как мир, в котором с легкостью будут преодолеваются даже самые большие расстояния: «Воздушные рифы глазами воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будут расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет переключаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности» [2, 5; с. 197].

Библиографический список

1. Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., 1982.
2. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995-2002.
3. Коринфский А.А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: АСТ: Астрель, 2011.
4. Наговицын А.Е. Тайны мифологии славян. М.: Академический проект традиции, 2009.
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://supercook.ru/slav/slov-mif-01.html> (17.05.14)
6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/cow/> (17.05.14)

References

1. Vorenski A. featured articles about literature. M., 1982.
2. Esenin S.A. Complete works: 7 V. / Ed. by Yu. L. Prokushev; IMLI A.M. Gorky Russian Academy of Sciences. M: Nauka; Voice, 1995-2002.
- 3 Corinthian A.A. Folk Rus: all year round legends, beliefs, customs and Proverbs of the Russian people. M: AST: Astrel, 2011.
4. Nogovitsyn A.U. Secrets mythology of Slavs. M: Academic project traditions, 2009.
5. [Electronic resource]. Mode of access: <http://supercook.ru/slav/slov-mif-01.html> (17.05.14)
6. [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/cow/> (17.05.14)

УДК-821.161.1-3

Воронежский архитектурно-строительный университет

Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Рыжков Л.А.

Россия, г. Воронеж, тел. 8(900)-307-91-63

e-mail: LARyzhkov@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant

Ryzhkov L.A.

Russia, Voronezh, tel. 8(900)-307-91-63

e-mail: LARyzhkov@yandex.ru

Л.А. РЫЖКОВ

ИСТОРИОСОФСКИЕ ГРАНИ РУССКОЙ ИДЕИ В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА А.С. ХОМЯКОВА

В статье рассмотрены главные составляющие историософской концепции русской идеи А.С. Хомякова, отраженные и интерпретированные в его поэтическом творчестве. Проведен анализ идейных мотивов соответствующих поэтических текстов и выявлено их участие в создании поэтизированного варианта русской идеи.

Ключевые слова: поэзия, русская идея, историософия, Россия, стихотворение.

L.A. Ryzhkov

HISTORIOSOPHIC SIDES OF RUSSIAN IDEA IN THE CONTEZT OF A.S. KHOMYAKOV'S CREATIVITY

The article describes the main components of the historiosophic concept of A.S. Homjakov's Russian idea reflected and interpreted in his poetic creativity. The analysis of the ideological motives relevant poetic texts and revealed their involvement in the creation of the Russian idea poetize option.

Keywords: poetry, Russian idea, historiosophy, Russian, poem.

Историософская линия той части поэзии А.С. Хомякова, в которой утверждается, иллюстрируется и поэтизируется авторская концепция русской идеи, наиболее ярко раскрывает детерминирующие положения данного явления. Вкупе с соборно-молитвенной составляющей и идеей всеславянского единения историософская сущность русской идеи в значительной степени влияет на формирование поэтом-славянофилом ее образно-художественной интерпретации и на создание композиционно-идейных конструктов и построений (идеологических оппозиций, композиционных антитез, градационных рядов, синтагматических единств и др.), составляющих ключевые вербализированные грани ее стихотворной модели. Концепцию русской идеи А.С. Хомякова (концепцию, потому что различных толкований данного явления в области русской литературно-философской мысли имеется достаточно много) можно дефинировать как раскрытие в будущей мировой истории религиозно-политического потенциала России с целью духовного просвещения и спасения человечества. Хомяков, по словам русского философа Е.Н. Трубецкого, «...считал Россию избранным народом, утверждал ее первенство во Христе и верил в ее призвание – спасти все народы...» [7; с.244]. Поэтические формы стали для Хомякова, в первую очередь, высоким средством воплощения высоких замыслов. Многие историософские тезисы, пусть и в поэтизированном облике, подчинены доктринаобразующим постулатам его социально-философских и религиозно-богословских работ. Если рассматривать основные векторы историко-философской концепции Хомякова, запечатленные в поэтиче-

ской линии, как субъективно-авторское «понимание, истолкование исторических явлений с определённых мировоззренческих позиций...» [16; с. 263], то они, главным образом, проявляются в оппозиционном конструкте «Россия – Запад», в идее богоизбранности России (мессианизм) и ее исторической миссии, а также отчасти пересекаются с оригинальным учением о свободе и необходимости. Все данные идеологические векторы концептуально неразрывны и в философско-поэтическом контексте передают сущность историософской парадигмы русской идеи А.С. Хомякова. Мы намеренно не вводим в историософско-поэтическую плоскость учение Хомякова о соборности. Оно занимает знаковое место в творчестве философа-поэта и, как известно, эксплицирует глубинные потенции русской идеи, исторические и социальные первопричины ее генезиса. В этой связи учение о соборности достаточно крепко сплетается с историософскими постулатами авторских концепций. Но, на наш взгляд, соборные смыслы в поэзии Хомякова представлены не так «откровенно», как мессианские или провиденциальные, их где-то нужно домысливать или находить, они поэтически выражены иначе. Поэтому дифференцированный подход в изучении историософских и соборных идей в поэзии Хомякова представляется наиболее верным.

Поэтическое творчество Хомякова очевидно распадается на два периода (философско-романтический и славянофильский). Но стихи середины 30-х проявляют черты переходности от романтического к религиозно-идеологическому. В стихотворениях середины 30-х годов слышится зачин русской идеи, и проявляется он в имплицитном, но идейно первостепенном противопоставлении России и Запада, которое отражает один из аспектов историософского контекста русской идеи. В стихотворениях «Мечта», «Остров» или написанном в самом начале 40-х «Еще об нем» актуализируется оппозиция «Запад – Восток», где православная Россия и славянский мир с одной стороны и неславянская католико-протестантская Европа с другой. По мысли философа-поэта, мессианский и просветительский потенциалы Западной Европы исчерпаны, и пальма первенства в деле совершенствования всечеловеческого общежития по праву должна перейти к России. Хомяков так облекает эту идею в поэтические тона: «... и мертвенным покровом / Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок... / Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом, / Проснися, дремлющий Восток!» [15; с. 103]. А в другом стихотворении призыв сменяется вопросом, в котором улавливается и ответ, и историософская многозначность: «Скажите, не утро ль с Востока встаёт? / Не новая ль жатва над прахом растёт?» [15; с. 120]. Выделяя доминантность этой концептуальной антиномии в историософской парадигме Хомякова, А.М. Песков отмечает, что для идеолога старших славянофилов «... духовное умирание Европы является одновременно знаком возрождения «начал», сохраненных Святой Русью» [6; с. 54]. Следует сказать, что за мифопоэтической формулой «Восток-Запад» выстраивается широкий ряд религиозно-философских, социальных, исторических оппозиционных корреляций, в том числе и в поэтической линии, которые оправдывают необходимость противопоставления, заявляют актуальность сравнения идей и мировоззрений. Здесь, в первую очередь, необходимо упомянуть о тех противопоставлениях, которые явно или имплицитно проявляются в поэтических текстах А.С. Хомякова: свобода и необходимость, гордыня и смирение, православие и католицизм, индивидуальное и общинное, прошлое и будущее, увядание и процветание и другие. Влияние на поэтический контекст в качестве идеобразующего конструкта антиномической философы «Восток-Запад» отмечено не только в творчестве Хомякова. Если говорить о поэзии XIX века, то идейная антитеза «православно-славянский мир – западно-европейский мир», восходящая к вышеупомянутой философе, фундаментально проявляется в панславистских стихотворениях Ф.И. Тютчева. Вот строки из стихотворения «Два единства»: «Из переполненной Господним гневом чаши / Кровь льется через, и Запад тонет в ней. / Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! - / Славянский мир, сомкнись тесней...» [10; с. 84]. Постепенно антиномия самоидентичности миров, становясь камнем преткновения извечного русского дискурса «западники – славянофилы» и участвуя в оформлении историософского контекста русской идеи, войдет в русскую литературу, и в особенности в русскую религиозную философию. В курсе лекций по истории русской философии, написанном профессорами РАН Л.И. Новиковой и И.Н.

Сиземской находим следующее: «Главным вектором ... развития русской идеи, стала оппозиция «Россия-Европа» в связи с прогнозированием будущего страны» [4; с. 75]. Оппозиция «Россия – Запад» всем многообразием интерпретаций определила сравнительно-полюсический характер русской идеи Хомякова и повлияла на композиционные построения тех его поэтических произведений, в которых русская идея выступает основным мотивирующим началом («Ключ», «России», «Остров»). Мы говорим о стихотворениях, тексты которых намеренно разделены на две композиционные части. Двучастная композиция, как итоговая поэтическая форма сравнительной рефлексии, создает атмосферу выбора и фокусирует внимание на первейшем во все времена вопросе в споре западников и славянофилов: каким историческим путем идти России? Хотя для самого поэта выбор пути очевиден, так как он предопределен Божественной волей, а России надлежит ее только осуществлять: «Иди! светла твоя дорога: / В душе любовь, в деснице гром, / Грозна, прекрасна, - ангел Бога / С огнесверкающим челом!» [15; с. 138].

К концу 30-х началу 40-х годов XIX века оформляется идеологическая доктрина старших славянофилов и в это же время, и в большей степени по этой причине поэзия Хомякова меняет идейные ориентиры. Поэтическое чувство философствующего романтика сменяется философской умозрительностью поэта и идеолога, утверждающего русскую идею.

Идея же русского мессианизма, объявляющая «... народу... назначение осуществить в мире воспринятую им от божества идею о спасении человеческого рода» [9; с. 349], занимает главенствующее положение внутри самой русской идеи, делая ее религиозной (православной) и национально-мессианской по сути. В историософских стихах Хомякова утверждение богоизбранности России представлено наиболее пафосно и ярко. Так в стихотворении «России», написанном в 1839 году, поэт именно мысль о призвании и богоизбранности России делает стержневой, идееобразующей. В поэтическом тексте представлена почти вся историософско-поэтическая версия русской идеи Хомякова. За каждым одиночным стихом стоит часть доктрины и философии. В стихотворно-риторическом императиве звучит и мысль о мессианской ипостаси России: «Глагол творца прияла ты... / Тебе он дал свое призванье, / Тебе он светлый дал удел ... / Хранить племен святое братство, / Любви живительный сосуд, / И веры пламенной богатство, / И правду, и бескровный суд» [15; с.110-112]. Столь высокое призвание дает право быть проводником великой миссии, то есть эмпирически воплотить дарованный свыше духовно-религиозный идеал. Эту всемирную миссию своего отечества он видит не только в сохранении, но и в мирном распространении русского православия, как «чистого», истинного христианства. По мнению мыслителя, западный мир, исповедующий «христианство односторонне понятое» [15; с.200], идет по губительному рационалистическому пути. Резюмируя историософские взгляды Хомякова в своей «Истории русской философии», В.В. Зеньковский отмечал: «... у него было очень глубокое сознание не только особого пути России, но и всемирной задачи России. Эта всемирная задача состояла в том, чтобы освободить человечество от того одностороннего и ложного развития, какое получила история под влиянием Запада» [3; с.202]. Размышления поэта о вселенской судьбе России, поэтизируясь и преломляясь, кульминируются в несколько императивно-высокопарных, но полностью соответствующих авторской историософской логике строках: «Иди! тебя зовут народы! / И, совершив свой бранный пир, / Даруй им дар святой свободы, / Дай мысли жизнь, дай жизни мир!» [15; с. 138], «Сиянье веры им пролей!» [15; с. 112]. Историософские стихи Хомякова очень сильно подчинены искренней вере в грандиозное будущее своей страны. Это в частности отразилось в контрастной двойственности образа России, созданного поэтом, чтобы, противопоставляя реалии современности идеалам будущности, сфокусировать внимание на тернистости пути к *преображению*. Мотивами вселенского будущего России озвучена в целом и русская идея, без осуществления которой Хомяков вообще не видит достойного будущего для России. В 1857 году в статье «О юридических вопросах» он сделает магистральным тезис, формулирующий и отношение философа-поэта к будущему России, и суть ее существования в истории: «России надобно быть или самым нравственным, т.е. самым христианским из всех человеческих обществ, или ничем, но ей легче вовсе не быть, чем быть ничем» [13; с.337]. В унисон ему сто лет спустя русский философ Г.П. Федотов напишет: «Не

разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет – как Россия» [5; с. 460].

Еще одной историософской гранью русской идеи в поэзии Хомякова явилось «... понимание истории как проявления воли Бога, осуществления заранее предусмотренного божественного плана «спасения»...» [11; с. 533]. Во вселенской миссии России, в ее соборно-молитвенных началах поэт усматривает Высший промысел, провиденциальный смысл. В стихотворении, которое так возмутило официальную элиту русского общества, Хомяков, постулируя идею особого пути России, увязывает ее с исполнением Божьего замысла: «Вставай, страна моя родная, / За братьев! Бог тебя зовет...» [15; с. 136]. Поэт не ищет ответ на вопрос – избрана Россия или нет. Для него это свершившаяся реальность. В поэзии данная реальность определяется лейтмотивом: «Ты избрана!» [15; с. 137]. Поиск Хомякова, отталкиваясь от констатации богоизбранности России и выходя в практическую плоскость, останавливается на первостепенности собственного внутреннего очищения России через молитву и покаяние: «Скорей омой / Себя водою покаянья... / С душой коленопреклоненной, / С главой, лежащей в пыли, / Молись молитвою смиренной / И раны совести растленной / Елеем плача исцели!» [15; с. 137]. Вводя ментальные религиозные принципы русского народа (молитвенность и покаянность) в поэтический контекст, Хомяков подчиняет им идею и провозглашает их условием осуществления Высшего предназначения, которое, в конечном счете, возможно лишь после победы русской идеи в самой России.

Рассматривая историософскую концепцию А.С. Хомякова нельзя не упомянуть о его главном историко-философском труде, который принято именовать как «Записки о всемирной истории». Наибольшую историософскую актуальность в этой работе несет учение о свободе и необходимости. Опирающееся на утверждение гегемонии религии в общемировом историческом процессе это учение выступает антропологическим обоснованием многих историософских идей А.С. Хомякова, в том числе и отраженных в поэтических строках. Определяя движущие мотивы мировой истории, философ разделяет все основные нации на два типа: иранский и кушитский. Кушиты (завоеватели), подчинившие себя необходимости, сделали для себя первостепенным поиск вещественного благополучия, которое не могло не привести к процветанию рациональных начал, тогда как в иранском (земледельческом) племени «дух восторжествовал над веществом» [14 с. 441], и свобода от необходимости превратилась в историческое благо для целых народов. По Хомякову, именно в торжестве над необходимостью заключается смысл истинной свободы, той свободы, тайну которой должна поведать миру Россия. В 1839 году в стихотворении «России» поэт так и напишет: «Скажи им таинство свободы / Сиянье веры им пролей!» [15; с. 112]. Путь к истинной свободе сопряжен с духовными тяготами и внешними искушениями, но истина того стоит, и свет этой божественной истины дарован России: «Чтоб страданьями свободы / Покупалась благодать; / Что б готовились народы / Зову истины внимать;» [15; с. 148]. Касаюсь теологической составляющей данной концепции, можно вспомнить замечательные слова самого автора, сказанные по этому поводу: «Бог есть свобода для всех чистых существ... Он есть необходимость только для демонов» [14; с. 193]. В учении о свободе и необходимости нетрудно найти историософское обоснование извечной противопоставленности православного Востока протестантско-католическому или латино-протестантскому (по определению самого Хомякова) Западу, которой все славянофилы, вплоть до Данилевского, придавали принципиальное значение. Вместе со своими товарищами по славянофильскому лагерю А.С. Хомяков был твердо убежден, что католический Рим, отделившись от истинной Церкви в лице Византии, пошел по пути ложного христианства, заменив «свободу во Христе», свободой земной необходимости. Иными словами, если перефразировать Хомякова, в католицизме и протестантизме вещественное восторжествовало над духовным. Учение о свободе и необходимости включает в себе научно-философское и сугубо авторское толкование историософских причин русской идеи, и в этой связи оно неотделимо от поэтического опыта Хомякова. Русский философ Н.А.

Бердяев писал: «Огромность свободы есть одно из полярных начал в русском народе, и с ней связана русская идея» [1; с. 53].

Особенностью историософской поэтики А.С. Хомякова, да и не только историософской, является бросающееся в глаза изобилие «воинствующей» лексики. Наиболее показательным в этом отношении стихотворение 1854 года «России». В качестве примера очень подходит первое пятистишие произведения: « Тебя призвал на брань святую,/ Тебя Господь наш полубил,/ Тебе дал силу роковую,/ Да сокрушишь ты волю злую/ Слепых, безумных, буйных сил» [15; с.136-137]. Четыре из семи пятистиший, составляющих поэтический текст, представлены подобной лексикой: на брань святую, волю злую, орудьем Бога, раны совести, пыл кровавых сеч, Божий меч. В любом случае все эти смыслы, несомненно, метафоризированы, так как все-таки трудно при всей боюевитости подогнать их под призыв к чему-то военному, хотя сам поэт когда-то служил в армии и даже участвовал в боевых действиях. Гораздо ближе они к призыву бороться за русскую идею в обычной повседневной жизни и, в первую очередь, внутри самих себя, чтобы она стала реальностью в будущем. С другой стороны это и риторический призыв к России не забывать своего высшего предназначения, и напоминание о многотрудности вселенского жребия. Многие стихи Хомякова, связанные с русской идеей, отмечены словоформами и словосочетаниями с общей семантикой борьбы (за русскую идею). Мы лишь несколькими примерами из разных поэтических текстов проиллюстрируем наше обоснование: борись за братьев, дело грозного служенья, земная битва, закаляет булат, на битву с ложью и другие. Наверное, неслучайно идейный оппонент Хомякова А.И. Герцен, вспоминая о московских интеллектуальных баталиях в «спорные» сороковые годы, называет его «Ильей Муромцем... со стороны православия...» [2; с. 456].

Мы уже упоминали выше, что историософские векторы русской идеи А.С. Хомякова, вошли в его славянофильскую поэзию достаточно широко и ярко. Они одновременно поэтизируют идею и создают тезисную парадигму ее религиозно-философской сущности. Перед нами, в некоторой степени, стихотворный вариант историософской концепции, ее поэтическое иллюстрирование. Очевидно, что в подобном случае «... на поэтическом творчестве лежит явная печать философских воззрений его субъекта» [8; с. 156]. Закономерно встает вопрос о жанровой специфике, так как к собственно философской поэзии данный вид творчества можно отнести лишь формально. С другой стороны это и не механическое рифмирование философской систематики. В историософской поэзии Хомякова продвигающая идею мысль возведена в степень чувства, она, без сомнения, катализируется переживаниями души. Отличительной чертой данного стихотворчества является то, что не может пониматься и рассматриваться вне религиозно-философских постулатов автора. На наш взгляд, поэтические тексты Хомякова, утверждающие русскую идею, можно отнести к особому жанру философской поэзии. Внутри этого жанра, поэтизируя и иллюстрируя собственную историософию, А.С. Хомяков создает поэзию русской идеи.

Вся историософская рефлексия Хомякова наполнена мотивом ожидания великого будущего России. В.В. Зеньковский указывает на то, что в Хомякове всегда существовало «... ожидание – напряженное и даже страстное, – что Православие через Россию может привести к перестройке всей системы культуры» [3; с. 217]. Страстная вера в Россию, в славянский мир, в русскую идею непрестанно излучала питательные импульсы для жизни и творчества этого мыслителя и поэта. В 1835 году еще до формирования основных положений своей концепции русской идеи, А.С. Хомяков написал стихотворение «Ключ», в котором выразил свою веру в призвание России. Историософские теории только начинали созревать, а поэтическое чувство уже жило велико идеями: «И верю я: тот час настанет, / Река (Россия) свой край перебежит, / На небо голубое взглянет / И небо все в себя вместит» [15; с. 104].

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ, 2010. 286 с.

2. Герцен А.И. Былое и Думы. М.: Детская литература, 1974. 536 с.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. 222 с.
4. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М.: Магистр, 1997. 328 с.
5. О России и русской философской культуре / сост. М.А. Маслин. М.: Наука, 1990. 528с.
6. Песков А.М. «Русская идея» и «Русская душа»: Очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007. 104с.
7. Русская идея / сост. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. 496 с.
8. Сиземская И.Н. Русская философия и поэзия: согласие ума и сердца // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 155-164.
9. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Изд-е кн. Магазина М. Майзеля, 1921. 359мс.
10. Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1999. 208 с.
11. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энц., 1983. 654 с.
12. Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1998. 462 с.
13. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография, 1900. 483 с.
14. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Том 1. Работы по историософии. М.: Медиум, 1994. 561 с.
15. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л.: Наука, 1969. 483 с.
16. Энциклопедический словарь. М.: Дрофа, 2009. 675 с.

References

1. Berdyaev N.A. Russian idea. Moscow: AST, 2010. 286 p.
2. Herzen A.I. Past and Thoughts. M.: Children's Books, 1974. 536 p.
3. Zenkovsky V.V. History of Russian philosophy. L.: EGO, 1991. 222 p.
4. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Russian philosophy of history. M. Masters, 1997. 328 p.
5. About Russia and Russian philosophical culture / comp. M.A. Maslin. Moscow: Nauka, 1990. 52p.
6. Peskov A.M. «Russian idea» and the «Russian soul»: Essays on Russian philosophy of history. Moscow: OGI, 2007. 104p.
7. Russian idea / comp. M.A. Maslin. M.: The Republic, 1992. 496 p.
8. Sizemskaya I.N. Russian philosophy and poetry: the consent of the mind and heart // Problems of Philosophy. 2006. № 3. Pp. 155-164.
9. Dictionary of foreign words included in the Russian language. Ed. book. Shop M. Meisel, 1921. 359ms.
10. Tyutchev F.I. Russia and the West: a book of prophecies. Moscow: Publishing House of St. Tikhon's Orthodox Theological Institute, 1999. 208 p.
11. Encyclopedic Dictionary of Philosophy. Sov. ents., 1983. 654 p.
12. Khomyakov A.S. On old and new: Articles and essays. Moscow: Contemporary, 1998. 462 p.
13. Khomyakov A.S. Complete Works. Moscow: University printing house, 1900. 483 p.
14. Khomyakov A.S. Works in two volumes. Volume 1. Historiosophy works. M.: Mediuum, 1994. 561 p.
15. Khomyakov A.S. Poems and dramas. Leningrad: Nauka, 1969. 483 p.
16. Collegiate Dictionary. M. Drofa, 2009. 675 p.

УДК 82-1/-9

Московский гуманитарно-лингвистический институт МГЛИ
Ст. преп. кафедры иностранных языков
Первалова С.Г.
Россия, Москва,
тел. +79859670229,
e-mail:som.81@mail.ru

Moscow international linguistic institute
MGLI
The chair of Foreign Languages, Senior
teacher
Perevalova S.G,
Russia, Moscow,
tel. +79859670229,
e-mail:som.81@mail.ru

С.Г. Первалова

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПОРОКИ В БАСНЯХ ЛАФОНТЕНА

В статье предлагается краткая характеристика эпохи, в которой жил известный французский писатель Жан де Лафонтен и рассматривается ряд басен, где автор высмеивает человеческие пороки.

Ключевые слова: эпоха Людовика XIV, французская басня, Эзопов язык, аллегория, мораль.

S.G. Perevalova

MAN AND HIS VICIES IN THE FABLES OF LAFONTAINE

This article offers a brief description of epoch in which lived the famous French writer Jean de LaFontaine. The article also discusses a number of fables where the author makes a mockery of human vices.

Keywords: Louis XIV epoch, French fable, Aesopian language, allegory, moral.

Вторая половина XVII века – это начало творчества величайших французских писателей – Мольера, Буало, Ларошфуко, Лафонтена, Расина, а также начало нового периода в развитии общественной жизни Франции.

В 50-е гг. XVII века происходит высший расцвет прециозности (Мадлен де Скюдери, Филипп Кино) и эпических поэм (Шаплен).

В это же время появляется такое явление как янсенизм. Янсенизм - это религиозное движение внутри католической церкви, во многом повторяющее основные положения кальвинизма, облеченные, правда, в иные формы [1; с.72]. На защиту янсенистов против иезуитов встает выдающийся писатель и учитель Блез Паскаль (1623-1662), написавший свои «Письма к провинциалам».

Ярко выражал и описывал свое смутное время Сирано де Бержерак (1619-1655), увлеченный идеями Джордано Бруно, Пьера Гассенди и Томмазо Кампанеллы о справедливом и законном государстве.

Начало 60-х гг. XVII века открывает длительный период правления Людовика XIV (1661-1715). Абсолютизм устанавливается во Франции. В 60-70-е г. королевская власть содействует развитию промышленности и торговли, расширяет границы государства, вступает в борьбу за колонии, развивает внешние торговые связи. Франция становится сильнейшей державой.

Также Людовик XIV демонстрирует свое могущество размахом придворной жизни (балеты, карусели, театры, балы).

Вся тяжесть налогов и поборов легла в то время тяжким грузом на плечи народа, что приводило к постоянным восстаниям. Не была безмятежной жизнь и буржуазии,

так как власть не склонна была уравнивать политические права сословий.

Никола Буало (1636-1711), автор «Политического искусства», обличает нравы современного ему общества, его несправедливость и неуважение к искусству.

Французской литературе классического периода свойственен аналитический подход к человеку и его внутреннему миру.

Замечательный писатель и мыслитель Франсуа де Ларошфуко (1613-1680), один из предводителей аристократической Фронды, в своих «Мемуарах» воссоздает историческую картину французского общества того времени. Ближайший друг Ларошфуко Мари де Лафайет (1634-1693) в своем чудесном романе «Принцесса Клевская» живо описывает картины истинной придворной жизни.

XVII век – это век удивительного Жан-Батиста Поклена, известного всему миру под именем Мольера (1622-1673). В своих произведениях Мольер сурово высмеивал типичные пороки буржуазии. Будучи хорошо начитанным, Мольер обращается к римским комедиографам, итальянцам Возрождения, испанским новеллистам и драматургам, к своим старшим современникам-французам, известным авторам (Скаррону, Ротру). Особенно восхищался Мольер Монтенем и Рабле. Покровительство короля было единственной реальной опорой Мольера, способной оградить его хотя бы отчасти от преследований и травли со стороны реакционных феодально-клерикальных кругов. Однако истинного значения и масштаба дарования Мольера Людовик XIV не понимал. Он был искренне удивлен, когда на вопрос, заданный Буало: «Как вы полагаете, кто из писателей может наиболее прославить мое царствование?» получил ответ: «Конечно, Мольер, ваше величество».

Французская литература второй половины XVII в., отразив подъем абсолютизма, демонстрирует гораздо большее единство, чем в предшествующий период, стилистически более монолитна, в максимально полной и типичной форме воплощает национальную культуру и дух своего времени.

Творчество Мольера и Лафонтена, Расина и Буало, Ларошфуко и Лабрюйера создает тот «золотой век» французской литературы, который длительное время рассматривался как культурный и художественный образец для других европейских народов.

Жан де Лафонтен и его выдающиеся произведения занимают достойное место в литературе «золотого периода» французской литературы XVII века. Басни Лафонтена совершенно по праву считаются высшими образцами басенного жанра на французском языке. В его творчестве нашли свое отражение опыт, история, традиции, сознание и мировоззрение французского народа и его отличительные черты характера. Жан де Лафонтен сумел по достоинству оценить жанр басни.

Будущий великий писатель родился в провинции Шампань в провинциальной буржуазной семье. Первоначально Лафонтена готовили к судебной или духовной карьере, что абсолютно не привлекало будущего писателя. В душе его с детства царили поэзия и любовь к литературе. Особенно Лафонтен интересовался произведениями античных писателей и философов (Платон, Плутарх), творцов Возрождения (Боккаччо, Макиавелли, Сервантес, Рабле и Маро).

Писать Лафонтен начал лишь в 33 года и, пожалуй, не было такого жанра, в котором он не попробовал бы свои силы. Первыми его произведениями были комедии, поэмы, сказки и рассказы в стихах. Он пробовал писать идиллии, эклоги, стихи «на случай» и даже комедию-балет «Насмешники из Бо Ришар», где он осуждает прециозность.

Лафонтен утверждал, что в своем творчестве необходимо следовать примеру Рабле, Боккаччо и писать не для своего удовольствия, а для того, чтобы «доставлять удовольствие народу» [1; с.190]. Именно Лафонтен прямо заговорил о «прелести старого языка», о языке Рабле и поэтов XVI века. Лафонтен идет в русле традиций Малерба и

Корнеля, принимает их принципы старого отбора, ясности мысли и внутренней гармонии.

Лафонтену близок дух старинной новеллы, ее защита прав человека на любовь, свободу и счастье. Он принимает опыт старофранцузских поэтов, возрождает забытые жанры (баллада, рондо), избегает манерности.

В своих «Сказочках» он заимствовал сюжеты у античных писателей и наделил их оптимизмом Возрождения, что позволило ему создать веселую озорную книгу с порой несколько вольными сюжетами, описывающими религиозное и политическое лицемерие, косность семейного уклада, показной аскетизм, распутство духовенства, злоупотребление судей, самоуправство помещиков. Совершенство стиля, некоторая фривольность изложения, необычное остроумие автора, непринужденность сюжетов и отсутствие нравочений сразу же привлекли внимание публики к творчеству Лафонтена.

В споре «древних и новых», существовавшем во Франции в XVII веке, Лафонтен всегда оставался на стороне первых и усиленно старался поднять авторитет классиков Древней Греции и Рима.

Но, несмотря на обилие жанров, в которых творил писатель, во всемирную литературу он вошел, в первую очередь, как баснописец, проявив в жанре басни все свое величайшее мастерство.

Само возникновение басни как жанра относится еще к V веку до нашей эры, а создателем ее называют легендарного древнегреческого баснописца Эзопа, раба, уроженца Фракии в Малой Азии. Именно Эзоп впервые сочинил известнейшие басни про Волка и Ягненка, Лису и Виноград, Стрекозу и Муравья, Ворону и Лисицу и многие другие, пересказанные в дальнейшем на разный лад его последователями.

По имени Эзопа иносказательный язык получил название «Эзопов язык».

Басни Эзопа, написанные остроумно, ясно и понятно для каждого, стали популярнейшими произведениями античного мира, а их сюжеты нашли свое отражение в сирийской, армянской, еврейской, индийской, французской, русской и других литературах.

Что же такое басня? В чем ее отличительные особенности от других жанров? Чем она учит и почему так популярна в мировой литературе?

Басня – это стихотворное или прозаическое литературное произведение нравоучительного, сатирического характера. В конце или начале басни, а также в ее содержании содержится краткое нравоучение, мораль. Действующими лицами в басне обычно выступают животные, растения, вещи, реже человек, через которых высмеиваются пороки людей. Животные в баснях (волк, лев, лисица, заяц, лягушка, вол и другие) действуют как люди. Лиса воплощает в себе хитрость, гусь – глупость, лев – мужество, волк – коварство, заяц – трусость, обезьяна – порочность, змея – подлость, свинья – невежество, слон – неповоротливость, стрекоза – легкомыслие, то есть животные представляют определенные черты человеческого характера.

В.А. Жуковский в своей статье «О басне и баснях Крылова» выделил 4 основных особенности басни:

1) Первая: особенность характера, которою каждое животное отличено одно от другого. Басня есть мораль в действии; в ней общие понятия нравственности, извлекаемые из общежития, применяются, как сказано выше, к случаю частному и посредством сего применения делаются ощутительнее. Тот мир, который находим в басне, есть некоторым образом чистое зеркало, в котором отражается мир человеческий. Животные представляют в ней человека, но человека в некоторых только отношениях, с некоторыми свойствами, и каждое животное, имея при себе свой неотъемлемый постоянный характер, есть, так сказать, готовое и для каждого ясное изображение как человека, так и характера, ему принадлежащего. Вы заставляете действовать волка – я вижу кровожадного хищника; выводите на сцену лисицу – я вижу льстеца или обманщика, – и вы избавлены от труда прибегать к излишнему объяснению;

2) Вторая: перенося воображение читателя в новый мечтательный мир, вы доставляете ему удовольствие сравнивать вымышленное с существующим (которому первое служит подобием), а удовольствие сравнения делает и самую мораль привлекательной;

3) Третья: басня есть нравственный урок, который с помощью скотов и вещей неодушевленных даете вы человеку; представляя ему в пример существа, отличные от него натурой и совершенно для него чуждые, вы щадите его самолюбие, вы заставляете его судить беспристрастно, и он нечувствительно произносит строгий приговор над самим собою;

4) Четвертая: прелесть чудесного. На ту сцену, на которой привыкли мы видеть действующим человека, выводите вы могуществом поэзии такие творения, которые в сущности удалены от нее природою, – чудесность, столь же для нас приятная, как и в эпической поэме действие сверхъестественных сил, духов, сильфов, гномов и им подобных. Разительность чудесного сообщается некоторым образом и той морали, которая сокрыта под ним стихотворцем; а читатель, чтобы достигнуть до этой морали, согласен и самую чудесность принимать за естественное [2; с. 402-403].

Басня как жанр издавна была известна во Франции (Мария Французская). Французская басня опирается на устное народное творчество (поговорки, сказки, пословицы) и жанры городской литературы (фаблио, фарс, эпос о Лисе), из которых баснописцы черпали сюжеты и образы для своего творчества.

В XVI веке пристальное внимание уделяется творчеству Эзопа и Федра (Рабле, Деперье, Маро).

В первые две трети XVII века басня становится просто небольшим вступлением к рассуждениям о морали.

Создавая новую басню, Лафонтен опирается на ее классическую модель.

Сын лесничего, Лафонтен отлично знает природу и повадки животных, описывая их непринужденно и поэтично. Баснописец смело обращается к народным поговоркам, диалектам, просторечьям, словарю охотников и земледельцев, точно обозначая поведение людей, мотивы их поступков, уклад жизни и даже внешность.

В своих баснях Лафонтен ярко и точно описывает французскую действительность второй половины XVII века, начиная от крестьянина-бедняка и заканчивая монархом с его окружением.

Лафонтен также черпал сюжеты у своих великих литературных предшественников – Эзопа, Федра, Бидпая, Марии Французской, авторов «Романа о Лисе», Маро, Ренье, но каждый раз он рассказывает уже известные истории по-новому, на свой лад. Главное у Лафонтена – сам сюжет, его корни, герои и их поступки, а не нравоучение, что отличает басню Лафонтена от басни прошлых лет с их сухой нравоучительностью.

Для Лафонтена мораль басни – естественный вывод из любой описываемой ситуации. Для него главная цель басни – воспитание читателя через его знакомство с окружающим миром.

Повествование Лафонтена пронизано переживаниями и настроениями самого автора, он живо сочувствует слабым и обездоленным и враждебно настроен к отрицательным героям. Любимые герои Лафонтена и простодушны, и лукавы, они с отменным чувством юмора, отзывчивы и умны. Кажется, что автор непосредственно общается со своим читателем через своих героев, высмеивая через них господствующее общество, чванство и спесь аристократии, бесстыдство помещиков, несправедливость и предвзятость судей, людское невежество и алчность дворянства. Лафонтен учит читателя не доверять власти, верить только в свои силы. Он разоблачает зависть, жестокость, деспотизм монархии, нападает на церковь и религию, осмеивая двуличие, лицемерие духовенства и веру в провидение и божественное предначертание судьбы, говорит о безнравственности и бесчеловечности современного ему обществу.

Можно сказать, что великий французский баснописец Жан де Лафонтен вносил в свои произведения личные оригинальные изменения. Все его басни связаны с реалиями жизни его времени, с менталитетом и мировоззрением французского народа той эпохи.

Интересно, но и сегодня произведения Лафонтена чрезвычайно актуальны. Человек остается всегда человеком, независимо от эпохи. Современный человек так же несовершенен, как и человек эпохи Лафонтена. Он обладает теми же пороками и добродетелями. Такова человеческая натура!

Что же такое человеческие пороки? Этот вопрос с древности занимал умы философов, богословов, мыслителей и писателей.

Считается, что человеческие пороки – это желания тела, которые преобладают над желаниями души, разрушают человека и уничтожают его веру. Самыми главными пороками человека являются невежество и гордыня, которые порождают другие такие пороки, как: обман, уныние, зависть, осуждение, ложь, тщеславие, ненависть, равнодушие, лень, жестокосердие, растрепанность души, наглость, жадность, глупость, самовлюбленность, насилие над слабым, несправедливость.

В принципе, пороки присущи каждому человеку, но не у всех они ярко выражены.

В баснях перед нами возникает не конкретный человек, а образ человека, обладающего тем или иным недостатком, то есть человека вообще. Басня распространяется на всех и ни на кого конкретно.

Порок – вещь абстрактная, а в басне речь идет о конкретных действиях и поступках, приобретая свое название – аллегория.

Рассмотрим, о каких же пороках говорит в своих баснях Лафонтен:

В басне «Дуб и тростник» («Le Chêne et le Roseau») Лафонтен представляет падение гордыни и спеси (Дуб) и торжество красоты и смирения (Тростник):

Дуб держится, – к земле Тростиночка припала,

Бушует ветер, удвоил силы он,

Взревел – и вырвал с корнем вон

Того, кто небесам главой своей касался

И в области теней пятою упирался.

В басне «Лягушка, захотевшая сделать себя такой же большой, как бык» («La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Bœuf») Лафонтен высмеивает неумеренность, неосторожность и спесивость Лягушки:

И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнившись с Волком,

С натуги лопнула и – околела.

Пример такой на свете не один:

И диво ли, когда жить хочет мещанин,

Как именитый гражданин,

А сошка мелкая, как знатный дворянин.

В басне «Волк и Ягненок» («Le Loup et l'Agneau») Лафонтен осуждает насилие сильного над слабым, злобность и жестокость волка, говорит о том, что правда всегда на стороне силы, что несправедливо:

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в Истории мы тьму примеров слышим,

Но мы Истории не пишем;

А вот о том как в Баснях говорят.

«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

В басне «Лягушки, просящие царя» («Les Grenouilles qui demandent un Roi») Лафонтен пишет о глупости, невежестве, чванстве и неумении ценить то, что имеешь и задумываться о своем будущем:

«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?»

В басне «Мор зверей» («Les Animaux malades de la Peste») Лафонтен осуждает насилие сильного над слабым, лицемерие, ложь. Басня направлена против несправедливости тогдашнего духовенства, снисходительного к порокам богатых и строгого к беднякам:

И в людях так же говорят:

Кто помирней, так тот и виноват.

В басне «Стрекоза и Муравей» («La Cigale et la Fourmi») Лафонтен осуждает лень, паразитизм, беззаботность, праздность и беспечность Стрекозы и противопоставляет ей труд и упорство Муравья:

«А, так ты...» – «Я без души

Лето целое все пела».

«Ты все пела? это дело:

Так поди же, попляши!».

В басне «Петух и Жемчужное Зерно» («Le Coq et la Perle») Лафонтен смеется над невежеством и глупостью Петуха, нашедшего и не оценившего жемчужину, считавшего себя при этом очень важным и проницательным:

Невежды судят точно так:

В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

В басне «Ворон, желающий подражать Орлу» («Le Corbeau voulant imiter l'Aigle») Лафонтен порицает Ворону, которая из-за своей глупости, неосторожности и спеси решила, что она не хуже Орла, за что и поплатилась своей свободой:

Нередко у людей то ж самое бывает,

Коль мелкий плут

Большому плуту подражает:

Что сходит с рук вора, за то воришек бьют.

В басне «Лев и Мошка» («Le Lion et la Moucheron») Лафонтен осуждает гордость и спесь Льва, который, не оценив маленького противника, не подумал о том, что порой самые наши маленькие враги оказываются самыми страшными. Автор говорит нам о том, что не стоит смеяться над бессильным и обижать слабых, а нужно уважать каждое живое существо, а в любом человеке видеть его человеческое достоинство:

Бессильному не смейся

И слабого обидеть не моги!

Мстят сильно иногда бессильные враги:

Так слишком на свою ты силу не надейся!

В басне «Старик и три молодых человека» («Le Vieillard et les trois jeunes Hommes») Лафонтен осуждает спесь, жестокосердие и наглость молодых людей по отношению к пожилому человеку, которые говорят о том, что ему уже нет смысла работать, ведь смерть не за горами. В данной басне автор противопоставляет старика молодым, показывая своему читателю, что труд и доброта для некоторых людей – это самое важное на свете:

Ах! в старости моей прекраснейших девиц

И крепких юношей я провожал в могилу!

Кто знает; может быть, что ваш и ближе час

И что сыра земля покроет прежде вас”.

Как им сказал Старик, так после то и было:

Один из них в торги пошел на кораблях;

Надеждой счастье сперва ему польстило;

Но бурей корабль разбило:
Надежду и пловца – все море поглотило.
Другой в чужих землях,
Предавшись порока власти,
За роскошь, негу и за страсти
Здоровьем, а потом и жизнью заплатил.
А третий – в жаркий день холодного испил
И слег: его врачам искусным поручили,
А те его до смерти залечили.
Узнавши о кончине их,
Наш добрый Старичок оплакал всех троих.

В басне «Петух и Лиса» («Le Coq et le Renard») Лафонтен осуждает хитрость, ложь и наглость Лисы. В этой басне автор нам показывает две стороны лжи – наглую ложь Лисы и ложь, которая спасает жизнь Петуху, и говорит о том, что в нашей жизни очень много хитрецов, которые ищут всегда – чем бы поживиться. Но на всякого хитреца можно найти управу и своего хитреца. Мораль в басне заключена в том, что обмануть хитреца вдвойне приятно, как говорится, хитрец сам попался на свою же удочку:

Так, в хитрости своей дав маху,
Во весь опор Лиса пустилась в путь.
Петух же про себя ее смеялся страху:
Обманщика вдвойне приятно обмануть.

В басне «Госпожа и две Служанки» («La Vieille et les deux Servantes») Лафонтен осмеивает глупость, недалекость Служанок и их неумение ценить то, что имеешь:

Так выбраться желая из хлопот,
Нередко человек имеет участь ту же:
Одни лишь только с рук сживет
Глядишь – другие нажил хуже!

В басне «Скупой и Курица» («La Poule aux oeufs d'or») Лафонтен осуждает корыстолюбие, невежество и глупость человека, желающего получить больше и теряющего то, что он имел:

Иной бы и тому был рад,
Что понемногу он становится богат;
Но этого Скупому мало,
Ему на мысли вспало,
Что, взрезав Курицу, он в ней достанет клад.
И так, забыв ее к себе благодеянье,
Неблагодарности не побоясь греха,
Ее зарезал он. И что же? В воздаянье
Он вынул из нее простые потроха.

В басне «Ворона и Лисица» («Le Corbeau et la Renard») Лафонтен порицает глупость, неразумность, ротозейство Вороны и лживость, лесть, хитрость, обман и лукавство Лисы:

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

В басне «Медведь и два Охотника» («L'Ours et les deux Compagnons») Лафонтен осмеивает трусость и подлость одного товарища по отношению к другому, оставление в беде и желание спасти только свою жизнь:

«С тобою, брат, Медведь шептался?
Товарищ у него спросил.

Скажи, что на ухо тебе он говорил?»
«Что по порядку должно
Медведя наперед убить,
А после этого уж можно
И мех продать, и пить».

В басне «Виноградина и Олень» («Le Cerf et la Vigne») Лафонтен показывает свое негативное отношение к Оленю, который оказался невежественным и неблагодарным по отношению к Винограднику. Человеческая неблагодарность играет с людьми злую шутку. Мораль - люди в силу своей глупости или невежества, неуважительно относясь к своим спасителям, оказавшим им в трудную минуту поддержку и помощь, всегда получают жесткие уроки судьбы, приводящие порой к печальным последствиям:

Я оскорбил меня же спасши дом,
Его услугу забывая!
Не забывай,
И отдавай
Тому почтенье,

В ком ты нашел защиту и спасенье!

В басне «Два Петуха» («Les deux Coqs») Лафонтен осмеивает спесь, хвастовство и зазнайство, которые привели к гибели гордеца:

Без осторожности опасен и успех!

В басне «Зяец и куропатка» («Le Lièvre et la Perdrix») Лафонтен порицает жестокость и насмешку над тем, с кем случилось несчастье:

Смеяться над несчастными не след:
Никто из нас не огражден от бед.

Лафонтен избрал жанр басни неслучайно. Именно басня позволяла ему не просто развлекать читателя, но и передавать ему жизненный опыт. Мораль Лафонтена легкая, эмоциональная и жизненная, а потому запоминается легко и на всю жизнь.

Басни Лафонтена – смешные, забавные и задорные. Но говорят они о серьезных вещах, предостерегая людей от необдуманных поступков. Как увеличительное стекло они показывают общую картину реальности и различные стороны общественной жизни. Басня как бы показывает своему читателю его же со стороны, давая ему возможность увидеть, как он выглядит в той или иной ситуации, помогая избавляться от недостатков.

Басни Лафонтена – яркие свидетельства французской действительности XVII века. Вся французская жизнь того времени живо предстает перед нами: мы четко видим и представляем себе и крестьянина-бедняка, идущего в лес за хворостом, и короля с его пышным окружением фаворитов и льстецов.

Лафонтен преобразовал басенный жанр, максимально разработав его художественное начало. Блестящий мастер своего дела, Лафонтен широко использует богатство своего родного языка, чрезвычайно расширяя этим изобразительные возможности басен. В своих баснях Лафонтен передает всю возможную гамму переживаний, от иронии до пафоса.

Басни Лафонтена ведутся точным и лаконичным стилем, не теряя при этом непринужденности повествования, что позволяет производить впечатление живой непосредственной беседы автора со своим читателем.

Как писал В.А. Жуковский, «... мы трогаемся судьбою увядающего цветка, разделяем заботливость ласточки, свивающей для малюток своих гнездо, наслаждаемся, внимая Пению пустынного соловья, и сожалеем о нем, будучи искренне уверены, что и он имеет свои потери; чувства сии живы, потому что душа, наполненная ими, будучи

истинно непорочна, предается им с младенческой беззаботностью, не развлекаема никаким посторонним беспокойством, никакою возмутительною страстию. Таков характер Лафонтена. Можно ли ж удивляться, что басни его имеют для всех неизъяснимую прелесть? Лафонтен рассказывает нам о существах, которые к нему близки...». Жуковский пишет, что Лафонтен «... рассказывает с чувством о своей родине; он хочет и вас заставить полюбить ту сторону, которая ему так мила и знакома; он говорит с вами не для того, чтоб быть вашим наставником, но для того, что ему весело говорить; не ищите в баснях его морали – ее нет! – но вы найдете в них его душу, которая вся изливается перед вами в прелестных чувствах, в простых, для всякого ясных мыслях, без умысла, без искусства... Читая Лафонтена, замечаем в душе своей то чувство, которое обыкновенно производит в ней присутствие скромного, милого, совершенно добродушного мудреца, – она спокойна, счастлива, довольна и природою и собою... Таков Лафонтен в своих баснях». [2; с. 408]

Жуковский говорил, что «...Лафонтен, заимствуя у других вымыслы, ни у кого не заимствовал той прелести слога, ни тех чувств, ни тех мыслей, ни тех истинно стихотворных картин, ни того характера простоты, которыми украсил и, так сказать, обратил в свою собственность заимствованное». [2; с. 410]

Читать басни Лафонтена полезно в любом возрасте, они учат нас находить убедительные аргументы, отстаивать свою точку зрения и ориентироваться на поступки «правильных» героев. Лафонтен в своих баснях высмеивает скупость, наглость и тщеславие и трогательно защищает тружеников. Тонкая сатира присутствует в тех строках, где высмеиваются спесь и наглость аристократии, ее никчемность и кастовые предрасудки. Лафонтен констатирует факт, что нередко хитрые, жадные и сильные берут верх над простыми и добрыми. Порой автор говорит нам о том, что не всегда стоит бороться с обстоятельствами и несправедливостью жизни, а иногда стоит приспособливаться под нее и, к сожалению, мириться временами со злом и несправедливостью.

Мир не стоит на месте, он меняется так же, как и человек, живущий в этом мире. Но «добродетели» и «пороки» переходят вместе с ним из одной эпохи в другую. Поэтому и басни Лафонтена никогда не потеряют своей актуальности. И хочется надеяться, что, читая басни, люди будут избавляться от своих недостатков и становиться лучше, чище и человечнее.

Библиографический список

1. Андреев Л.Г. История французской литературы. М.: Высшая школа, 1987. 539с.
2. Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова. Собрание сочинений. Т.4. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 402 - 680.
3. Лафонтен Жан. Басни. М.: Каро, 2013. 80 с.
4. Лафонтен Жан, Эзоп. Басни. М.: Эксмо, 2011. 160 с.
5. Лукина А.Е. Хрестоматия по французской литературе. СПб.: Издательство «Корона. Век», 2013. 432 с.

References

1. Andreev L.G. History of French Literature. M.: Higher School, 1987. 539 p.
2. Zhukovsky V.A. On the fable and fables of Krylov. Collected works. Vol.4. M.; L.: State publishing house of literature, 1960. P. 402-680.
3. Lafontaine Jean. Fables. M.: Karo, 2013. 80 p.
4. Lafontaine Jean, Aesop. Fables. M.: Exmo, 2011. 160 p.
5. Lukina A.E. Anthology of French literature. SPb.: Publishing house «Corona.Century», 2013. 432 p.

УДК 82

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Асс. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Голованова Н.Ю.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: gnomik-585@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering,
Assistant of the chair of Russian language and cross-cultural communication
N.Ju. Golovanova
Russia, Voronezh, +7(473)271-50-48;
e-mail: gnomik-585@mail.ru

Н.Ю. Голованова

ТЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПОВЕСТИ А.П. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

В статье рассматривается тема социалистического строительства в повести А. Платонова «Котлован», выявляется платоновская концепция личности, выделяются особенности в изображении героев через внутренний и внешний мир.

Ключевые слова: социалистическое строительство, производственный роман, индустриализация, коллективизация, «общепролетарский дом», социалистический реализм.

N. Y. Golovanova

THE TOPIC OF SOCIALISTIC CONSTRUCTION IN A.P. PLATONOV'S STORY «COTLOVAN»

The article deals with the topic of socialist construction in the story of Andrei Platonov «Cotlovan», reveals the Platonov's conception of personality, stands out particularly in the image of heroes through the inner and outer world.

Keywords: socialist construction, industrial novel, industrialization, collectivization, «the general proletarian house», socialist realism.

Данное исследование представляет собой попытку раскрыть тему социалистического строительства в повести А.Платонова «Котлован» через систему персонажей.

Проникновение государственной идеологии во все сферы общественной жизни – одна из специфических черт советской эпохи 1920 – 30-х годов. Победа социализма в нашей стране оказала влияние на развитие советской литературы, в которой утвердился метод социалистического реализма.

В 30-е годы главное место в литературе заняли темы социалистического строительства. Основной задачей писателей стал показ труда советских людей и его влияния на формирование нового сознания и морали советского человека. Главными героями произведений литературы стали рабочие, крестьяне, интеллигенция, строящие социализм. Говоря словами М. Горького, в центр советской литературы стал «социалистический труд как организатор нового человека и новый человек как организатор социалистического труда» [5; с. 203].

Советские писатели создавали произведения, тесно связанные с жизнью и трудом советского народа. Индустриализация, коллективизация страны, формирование человека социалистического общества, историческое прошлое народа – таково основное содержание советской литературы этого периода. Ведущей темой советской литературы

30-х годов становится созидательный труд строителей социализма, а главным героем – народ, принимающий участие в этом строительстве.

Одна из приоритетных тем производственного романа – тема созидательного труда и соответствующий приоритетный тип героя. Объектом изображения стал труд.

Формирование жанра производственного романа стимулировалось не только избытком жизненного материала (развитие производства и строительства, ритм первых пятилеток), но и требованиями со стороны литературной критики. Например, четко они были выражены в редакционной статье «Литературной газеты» от 29 мая 1932 года: «Перед писателем стоит важная, ответственная и почетная задача – создать такие художественные произведения, которые были бы понятны и нужны строителям социализма, которые бы помогли выкорчевывать собственнические навыки из сознания людей» [5; с. 205].

Основным объектом нашего рассмотрения является повесть А. Платонова «Котлован», написанная им в 1929 – 1930 гг.

События, происходящие в «Котловане», можно представить как реализацию грандиозного плана социалистического строительства. В городе строительство связано с возведением единого общепролетарского дома. В деревне строительство социализма состоит в создании колхозов и «ликвидации кулачества как класса».

Посмотрим, как раскрывается тема социалистического строительства через систему персонажей.

Центральным персонажем повести А.П. Платонова «Котлован» является Вощев. Он появляется первым на страницах «Котлована» и является выразителем авторской позиции. В фамилии героя присутствует множество разных смыслов: «воск», «вощевый», то есть человек, абсолютно чуткий к воздействиям жизни, все вбирающий. Но «Вощев» – это и «вотще», т. е. напрасно, тщетно (намек на его тоску, волю к поискам истины).

Грамматически это типично русская фамилия на *-ев*, лексически – значения, угадываемые на слух. Наиболее очевидна фонетическая связь фамилии Вощев со словом «вообще». «Значения» фамилии героя реализуются в повести: он ищет смысл общего существования, но его поиски истины остаются тщетными.

Оказавшись на котловане, Вощев принимает участие в постройке «единого здания, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата» [4; с. 13]. Он видит в строительстве дома возможность осуществить свое жизненное предназначение — найти истину. Когда на котловане появляется девочка-сиротка Настя, у Вощева появляется надежда на обретение другими людьми смысла жизни.

Настя олицетворяла собой будущее. Ее образ несет огромную смысловую нагрузку. Имя девочки в контексте повести несет глубокий смысл. С греческого языка имя *Анастасия* переводится как «воскресшая» (*anastasis*: приставка *ana* – вверх и *istanai* – заставлять вставать). Настя действительно однажды вернулась к жизни – Чиклин находит ее в комнате, где умирает ее мать; замуравив эту комнату, он превратил ее в склеп для умершей, а девочку привел в барак к рабочим. С ее появлением строительство котлована обретает прямой смысл для каждого: Настя – «фактический житель социализма».

Через некоторое Вощев уходит в деревню, чтобы там, «в бедняцком колхозном сиротстве» [4; с. 32], попытаться обрести истину. Он не может участвовать в строительстве, ради которого у крестьян отбирается их последняя собственность.

Несмотря на то, что Вощев показан в повести, как добрый и мягкий человек, он способен исполнять самые жестокие приказы. По указанию Чиклина он бьет по лицу «подкулачника» на Оргдворе; по распоряжению Активиста строит плот, на котором непокорную часть крестьянства отправляют вниз по реке в открытое море. Эта жестокость — отражение бесчеловечной атмосферы эпохи. Герой противоречив, как и его время, которое соединило в себе мечту о счастье, и массовые убийства.

В то же время Воцев не участвует ни в одном жестоком мероприятии: он не раскулачивает крестьян, не сплавляет их по реке, не присутствует на народном гулянье.

После смерти главы деревни, Активиста, Воцев ощущает духовное освобождение. Над его бездыханным телом он неожиданно прозревает, что вина за безмолвное и бессмысленное существование лежит на руководителях, подобных Активисту, умышленно скрывающих истину. «Так вот отчего я смысла не знал! Ты, должно быть, не меня, а весь класс испил, сухая душа, а мы бродим, как тихая гуща, и не знаем ничего!» [4; с. 50]. Воцев хочет изменить положение дел в колхозе. «Теперь я буду за вас горевать!» [4; с. 50] – говорит он крестьянам. В деревне его поддерживают, и он остается в деревне, а остальные рабочие возвращаются на котлован.

Когда герой узнает о смерти Насти, он утрачивает веру в будущее. Он «уже не знал, зачем же ему теперь нужен смысл жизни и истина, если нет маленького верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением?» [4; с. 57].

Судьба Воцева, как и судьба других персонажей повести, трагична. Он так и не нашел истины. Идея светлого будущего, олицетворением которой в повести является девочка Настя, не терпит испытания временем.

Образ Воцева отражает сознание человека, который пытается понять и осмыслить новые законы и устои. Его уволили за то, что он начал думать, а такие люди опасны для существующего режима.

О Никите Чиклине в повести А. Платонова «Котлован» мы узнаем из авторского повествования. Он упоминается на следующий день после прихода Воцева в барак к рабочим: «Чиклин во время земляных работ был старшим в артели, грунтовый труд был его лучшей профессией...» [4; с. 20]. Труд является основой его жизни.

Днем герой работает на котловане, общается с другими землекопами (откуда мы тоже узнаем немаловажные детали и особенности его личности), а ночью он начинает размышлять о жизни, что не менее важно.

Стоит отметить, что А. Платонов, повествуя о Чиклине, не раз касается его «дум»: «Здесь Чиклин сразу начал думать, потому что его жизни некуда было деваться, раз исход ее в землю прекратился...глянул вдаль и вообразил воспоминание – больше он ничего думать не мог» [4; с. 29], «Чиклин сидел среди спящих и молча переживал свою жизнь; он любил иногда сидеть в тишине и наблюдать все, что было видно. Думать он мог с трудом и сильно тужил об этом – поневоле ему приходилось лишь чувствовать и безмолвно волноваться. И чем больше он сидел, тем гуще в нем от неподвижности скапливалась печаль...» [4; с. 38].

Из ночных воспоминаний героя мы узнаем, что «в старое время» он работал на кафельно-изразцовом заводе, что «дочь хозяина его однажды моментально поцеловала» [1; с. 38]. Чиклин не запомнил ни ее лица, ни характера, «но тогда она ему не понравилась, точно была постыдным существом, – и так он прошел в то время мимо нее не остановившись, а она, может быть, и плакала потом, благородное существо» [4; с. 38].

Когда инженер Прушевский рассказывает Чиклину о девушке, встреченной «почти еще в детстве» [4; с. 41], Никита сразу догадывается, что это была «дочь кафельщика» и говорит: «А я ее тоже встречал в июне месяце и тогда же отказался смотреть на нее. А потом, спустя срок, у меня нагрелось к ней что-то в груди...У нас с тобой был один и тот же человек» [4; с. 41]. Чтобы избавить Прушевского от грустных воспоминаний и тоски, Чиклин собирается найти эту женщину; он находит ее на заброшенном кафельном заводе, лежащей на полу при смерти. Рядом с ней сидит дочь Настя. После смерти матери он приводит девочку в барак к строителям.

Далее из текста мы узнаем, что землекопы находят в овраге сто пустых гробов, спрятанных крестьянами впрок. Чиклин забирает два из них для девочки: один в качестве кровати, другой для игрушек, в качестве «красного уголка» [4; с. 59]. Таким странным образом (гроб в качестве кровати) Чиклин пытается проявить заботу о ребенке.

Когда сообщают об убийстве рабочих Сафронова и Козлова, Чиклин отправляется в колхоз. После «утешения» умерших своими словами, Чиклин произносит важную фразу: «Пускай весь класс умрет – да я и один за него останусь и сделаю всю его задачу на свете! Все равно жить для самого себя я не знаю как!». И снова в тексте повести мы встречаем момент, когда Чиклин проявляет заботу о Настеньке. Он дает деньги Елисею, чтобы тот сходил на котлован и проведаль девочку, а также купил ей конфет, а то у него «сердце по ней заболело» [4; с. 70].

Возвратившись на котлован, Чиклин решает расширить его и углубить: «Пускай в наш дом влезет всякий человек из барака и глиняной избы» [4; с. 78].

Во главе деревни, куда отправляются строители «начинать классовую борьбу против деревенских пней капитализма» [4; с. 55], стоит Активист. У героя нет имени и фамилии, нет дома и семьи, ничего не сказано о его прошлом. Он носитель идеи бюрократического служения власти и государству.

Внешность Активиста ничем особенным не отличается. Мы замечаем лишь приметы крайней нервозности, душевного и физического истощения: «тщательные глаза», «подозрительный взгляд», «истощенная нагрузками грудь» [4; с. 55].

Колхозники не любят и не уважают Активиста. Он хочет руководить всеми людьми без исключения и стремится занести в отчетные документы даже самые незначительные события колхозной жизни. Сам Активист погружается в еженощное изучение спускаемых из района директив. «Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей» [4; с. 62]. Его главная задача – быть вписанным в бюрократическую вертикаль.

Он понимает, что в строительстве нового общества ему отведено место маленького винтика, всецело зависящего от вышестоящих организаций. Однако он тайно мечтает занять в будущем значительный руководящий пост и ради этого очень старается в настоящем.

Активист осуществляет в селе политику сплошной коллективизации. При этом он стремится выполнять все лозунги и призывы партии. Даже самые абсурдные («заготовьте ивовое корье») он пытается воплотить в жизнь, чтобы не прослыть «упущенцем» [4; с. 58].

Активист организует «звездный поход колхозных пешеходов в окрестные, жмущиеся к единоличию деревни» [4; с. 62]. Очень значим здесь образ звезды. Как правило, этим образом реализуется метафора, ставшая уже устойчивым выражением – путеводная звезда, то есть та, которая показывает путь, которая идет с тобой по жизни, как верная спутница. В данном случае этот образ возведен до глупости: колхозники должны двигаться в форме.

Сам Активист остается в колхозе обучать молодых женщин грамоте. Это очень значимый эпизод повести, так как именно в нем мы четко можем увидеть, что обучение разоблачает Активиста. Он учит их не просто чтению и письму, но вбивает в темные головы идеологию.

Этой сценой обучения автор хотел показать, что Активист обычный приспособленец.

Активист приказал соорудить плот, чтобы сплавить по реке всех зажиточных крестьян и отчитаться перед начальством в «точном исполнении мероприятий по сплошной коллективизации» [4; с. 67]. Народ не скрывает ненависти к Активисту, и в минуту всеобщего горя перед выселением из родной деревни не желает его видеть.

Пока народ «веселится», Активист отправляет в район донесение о ликвидации в деревне кулаков, надеясь на то, что успешное проведение «мероприятия» положительным образом отразится на его продвижении по службе. Однако повышения не последовало.

В новой директиве, спущенной сверху, объявлялось, что Активист «есть вредитель партии, объективный враг пролетариата и должен быть немедленно изъят из руководства навсегда». Здесь показана оценка деятельности Активиста.

Разоблаченный Активист не хочет больше притворяться озабоченным чужими нуждами. Он снимает с больной Насти свой пиджак – «раз его устраниют, пусть массы сами греются» [4; с. 35]. За это Чиклин убивает его.

Помимо Активиста, в повести представлены другие персонажи, представляющие власть – председатель окружного профсоюза Пашкин и социалист Сафронов. Они контролируют ситуацию и руководят процессами жизни. Но они – всего лишь низшее звено власти. Более высокая власть в повести никак не показана. На котлован часто приезжает товарищ Пашкин, председатель окрпрофсовета, который следит за темпом работ. «Темп тих, – говорит он рабочим. – Зачем вы жалеете поднимать производительность? Социализм обойдется и без вас, а вы без него проживете зря и помрете» [4; с. 27]. Пашкина больше всего заботит вопрос о том, что «темп строительства» затих и надо повышать производительность труда. Для этого он присылает дополнительную партию рабочих, случайно подобранных и наспех нанятых людей, привозит в барак землекопов радиорупор, чтобы «во время отдыха каждый мог приобретать смысл классовый борьбы из трубы» [4; с. 40]. Именно Пашкин посчитал, что масштаб дома узок и не сможет вместить всех желающих, и решил, что котлован следует увеличить не вчетверо, а в шесть раз. Герои Платонова малограмотны, и хотя суть борьбы уловили, но уловили примитивно, без всякой опоры на культуру.

Также в повести показаны крестьяне, которые, по словам Чиклина, «сеют хлеб и едят с нами пополам» [4; с. 36]. Суть этой фразы Чиклина заключается в том, что крестьяне, вырастив хлеб, половину отдают в город. Крестьяне уже выполняют функцию кормильца города, поэтому коллективизация не нужна. Следовательно, организация колхозов, по Платонову, – это уничтожение крестьянства. Оно должно быть уничтожено и в случае его работы на стройке Дома. Безымянные крестьяне в повести являются безликой массой, неким строительным материалом.

Все действия повести разворачиваются вокруг котлована, который роют землекопы, но, по-видимому, он никогда не будет завершен, и не только потому, что начальство постоянно требует его увеличить. В будущем доме все хотят укрыться от печалей и невзгод, но у дома нет даже фундамента, а есть лишь котлован. Котлован – воплощение мечты о социализме, но этой мечте не суждено сбыться, поэтому в конце повести котлован превращается в могилу.

«Платонов сделал великое дело – раскрыл глаза на массового человека, крещенного революцией, указал на сам этот мировой факт, на появление таких людей не в единицах, а в массе», – написал А.М. Абрамов в статье «Над страницами повести "Котлован"» [1; с. 47-48].

В повести также показаны персонажи, которые стремятся повторить действия сытых руководителей и демагогов: приспособленец Козлов и демагог Сафронов. Рассмотрев их, мы можем выйти на основную идею произведения, понять позицию автора.

Рабочий Козлов – немаловажный герой повести. «Этот задний был угрюм, ничтожен всем телом, пот слабости капал в глину с его мутного однообразного лица, обросшего по окружности редкими волосами» [4; с. 21].

Важную характеристику Козлову дает Сафронов в разговоре с Вошевым: «...У тебя не будет памяти вещества, и ты станешь вроде Козлова думать сам себя, как животное» [4; с. 22]. Это платоновская формула эгоизма, которая помогает раскрыть эту самую черту в герое. Для животных главное – найти добычу, устроить себя и свое жилище. Козлов жалуется на то, что его никто никогда не любил. Не раз в тексте говорится о его слабости. Землекопы жалели его, предлагали отдохнуть, когда видели, что рабочий совсем ослаб, но Козлов не уважал чужой жалости к себе («Козлов... считал свои

революционные заслуги недостаточными, а ежедневно приносимую общественную пользу – малой») [4; с. 24]. Сам герой замечал, что главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе.

Важно отметить, что слова, которые он произносит, и мысли, которые он пытается донести до других землекопов, расходятся с его мечтами: «Он еще верил в наступление жизни после постройки больших домов и боялся, что в ту жизнь его не примут, если он представится туда жалобным нетрудовым элементом. Лишь одно чувство трогало Козлова по утрам - его сердце затруднялось биться, но все же он надеялся жить в будущем хотя бы маленьким остатком сердца...» [4; с. 28].

Козлов захотел уйти в город, чтобы писать там опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты с целью организационных достижений, то есть герой обнаруживает качества доносчика.

Пашкину он жалуется, что у Вощева нет путевки с биржи труда и он работает без документов, а по этой причине должен быть отчислен со строительства дома.

Когда Чиклин решает использовать под котлован овраг, чтобы сохранить жизни землекопов, Козлов решает «идти к Прушевскому сказать, что землю больше не роют и надо принимать существенную дисциплину» [4; с. 60].

Сафронову он грозит разоблачением прошлых политических ошибок. «Ты, как говорится, лучше молчи!.. А то живо на заметку попадешь!.. Помнишь, как ты подговаривал одного бедняка во время самого курса на коллективизацию петуха зарезать и съесть? Помнишь? Мы знаем, кто коллективизацию хотел ослабить! Мы знаем, какой ты четкий!» [4; с. 37]. Сафронов ему отвечает: «Ты, Козлов, свой принцип заимел [принцип доносительства] и покидаешь рабочую массу, а сам вылезает вдалеке: значит, ты – чужая вша, которая свою линию всегда наружу держит» [4; с. 30].

Козлов – единственный из артели не верит в идею построения коммунизма.

Он пришел на котлован для того, чтобы получить трудовой стаж и стать пролетарием. Он мечтает занять руководящую должность. Козлов расценивает работу на котловане как первую ступень на лестнице будущей карьеры и постоянно думает о том, как бы ему покинуть строительство. Его можно объявить врагом строительства. Герой мечтает об обеспечении места в жизни в будущем.

Тем самым мы можем сделать вывод, что Козлов отдален от коллектива, сосредоточен только на себе, на удовлетворении своих потребностей. Рабочие, с которыми он вместе работал, и сама работа, которую он выполнял, не представляли для него никакого интереса. Он отделяется от коллектива и сближается с «достаточными лицами».

Еще один персонаж повести А.П. Платонова «Котлован» – «товарищ Сафронов». Автор не дает ему имя, мы знаем только его фамилию. У него «вежливо-сознательное лицо» [4; с. 30], «улыбка загадочного разума» [4; с. 30], «рыжие усы» [4; с. 30]. Жачев называет его «единогласная душа» [4; с. 37] за то, что он всецело доверяет партийным лозунгам, призывам («Пролетариат живет для энтузиазма труда, товарищ Вощев! Пора бы тебе получить эту тенденцию. У каждого члена союза от этого лозунга должно тело гореть!» [4; с. 46]. В отличие от Вощева, Сафронов оказывается среди строителей котлована, так как решает воплотить на практике лозунг партии о построении коммунистического общества. Счастливое будущее он представляет «в виде синего лета, освещенного неподвижным солнцем» [4; с. 36].

Сафронов всегда и всюду следует директиве. Люди для него – безликая масса. Тот, кто вне массы – «сволочь» и потенциальный преступник, методы борьбы с ними сформулированы Сафроновым с точностью революционного политического лозунга: «Мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтоб с него слезла шкура капиталиста, и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!» [4; с. 67].

Сафронов не любит умных людей, ревниво относится к чужим успехам: «Откуда это у товарища Чиклина мировое представление получилось...или он особое лобзание в малолетстве имел, что лучше ученого предпочитает овраг! Отчего ты, товарищ Чиклин, думаешь, а я с товарищем Прушевским хожу, как мелочь среди классов, и не вижу себе улучшенья...» [4; с. 30].

Сафронов не забывает и о личной выгоде. В нем «идея находилась в окружении житейских страстей» [4; с. 45].

Когда на котлован приходят новые неквалифицированные рабочие (городские служащие, разные степные отшельники и люди, «привыкшие идти тихим шагом позади трудящейся лошади»; в их теле не замечалось никакого пролетарского труда, они более способны были лежать навзничь или покоиться как либо иначе), Сафронов высказывает свои мысли, опираясь на политические лозунги, газетные штампы. Нельзя не заметить, что Сафронов стремится возвыситься над остальными рабочими: поучает их, изображает жалость к отсталому человеку.

Сафронов предлагает установить в бараке радио для «заслушивания достижений и директив» [4; с. 40], чтобы увереннее действовать. На предложение Жачева привести вместо радио девочку-сиротку он тоже соглашается: «Доставь нам на своем транспорте эту жалобную девочку – мы от ее мелодичного вида начнем тоже согласованно жить» [4; 45].

Сафронов начинает высказываться от лица всей артели, формирует общие мысли. Например, когда на котловане появляется девочка Настя, все, и сам Сафронов, воспринимают ее как «элемент будущего», как грядущее счастливое поколение. Герой так определяет всеобщее чувство: «Товарищи!.. Перед нами лежит без сознания фактически житель социализма. Из радио и прочего культурного материала мы слышим лишь линию, а щупать нечего. А тут покоится вещество сознания и целевая установка партии – маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом! Ради того нам необходимо как можно внезапней закончить котлован, чтобы скорей произошел дом и детский персонал огражден был от ветра и простуды каменной стеной» [4; с. 65].

Судьба героев трагична. Их убивают крестьяне.

Важным героем повести является инвалид Жачев.

Жачева («жать, жатва» – жажда результата, итога) встречает при своем пришествии в этот город главный герой Воцев.

Хотелось бы отметить, что важное место в портрете платоновского героя занимает лицо и тело. («...громадное лицо и тучный остаток туловища» [4; с. 12]). Удовлетворение собственной телесности – цель для Жачева, так как другого способа существования для него нет.

Жачев, как и все герои повести, сторонник революции. Он с нетерпением ждет строительства нового общепролетарского дома, веря в наступление новой жизни. Жачев ненавидит не только партийную и профсоюзную бюрократию, но и выходцев из низов («рвущуюся вперед сволочь» [4; с. 35]), которые стремятся занять руководящие посты. Когда Козлов хотел покинуть земляные работы, чтобы «следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта», Жачев наносит ему мощный удар в живот, от которого тот потерял «на минуту желание наибольшей общественной пользы» [4; с. 31].

Показательна сцена, когда Жачев приезжает к Пашкину требовать продукты. Автор заостряет внимание на доме, в котором проживает «классовый излишек»: «Пашкин жил в основательном доме из кирпича, чтоб невозможно было сгореть, и открытые окна его жилища выходили в культурный сад, где даже ночью светились цветы...» [4; с. 32]. Он посещает театры, ездит на автомобиле, что характеризует его принадлежность к правящему классу.

Платонов показывает здесь расслоение масс и подчеркивает, что равенство должно быть в реальной жизни. Опять же снова говорится о теле: «На его столе находились различные жидкости и баночки для укрепления здоровья и развития активности – Пашкин много приобрел себе классового сознания, он состоял в авангарде, накопил уже достаточно достижений и потому научно хранил свое тело – не только для личной радости существования, но и для ближних рабочих масс» [4; с. 33].

Пашкин тратит на себя то, что должно принадлежать людям. Жачев называет Пашкина «буржуем», «классовым излишком» и ненавидит все, что с ним связано.

Когда Жачев возвратился на котлован, у него возникло жестокое разочарование в идее будущего братства. Настя была его единственным утешением, он возлагал на нее все надежды. Когда же девочка умерла, он теряет эту надежду, впадает в смертельную тоску. Не смирившись с ее смертью и полностью отчаявшийся, Жачев навсегда покидает котлован.

Таким образом, через систему персонажей мы попытались раскрыть тему социалистического строительства в повести «Котлован» и пришли к выводу, что идея «общепролетарского дома» является для А. Платонова вариантом темы социалистической стройки. Также для А. Платонова внутренне связанными оказываются темы индустриализации и коллективизации.

Мы встречаемся в повести и с философской обобщенностью, и с глубокой мифологизацией жизни: рабочие роют котлован под фундамент «общепролетарского дома», в котором должно потом счастливо жить новое поколение. Котлован можно рассматривать в качестве связующего звена между человеческими судьбами и судьбой страны. Котлован – это не просто место действия в повести. Именно здесь мы можем проследить за каждым героем, понаблюдать за речью, рассмотреть важные детали и особенности каждого из них. Каждый землекоп не просто выполняет свою работу на котловане, а думает о смысле своего существования, надеется, что свою жизнь отдал на благо общего дела — строительства «общепролетарского дома». Но, котлован еще является и могилой, которую каждый роет для себя. Котлован стал могилой для сиротки Насти, девочки, которая олицетворяла собой будущее.

Трагический диссонанс имени и судьбы Насти – логический итог «общего дела» строителей миража. Дом остался не только не построенным – он стал ненужным, потому что в нем после смерти Насти, «будущего счастливого человека», некому жить.

Со смертью ребенка умирает надежда на счастливое будущее. И это – огромная катастрофа, потому что рабочие, возводя Дом, не думали о себе. Они строили его для всего пролетариата, отсюда и «общепролетарский». Со смертью Насти все вдруг остались без будущего. Дом, как и семья, – это синонимы счастья, человеческого благополучия. Нет Дома, нет семьи, нет будущего. Все надежды рухнули, мираж развеялся.

Смысловый итог строительства «будущего недвижимого счастья» – смерть ребенка в настоящем и потеря надежды на обретение «смысла жизни и истины всемирного происхождения», в поисках которой отправляется в дорогу Воцев. «Я теперь ни во что не верю!» [4; с. 93] – логическое завершение стройки.

Герои Платонова роют котлован для башни-общежития, дома для счастливых обитателей социализма, отбирая для этого строительства самых бедных людей. Но судьбы взрослых и детей в повести трагичны. Достижение всеобщего счастья оказывается невозможным без жертв. Но стремление «строителей», вера в светлое счастливое будущее не дают им возможности бросить начатое дело.

Весь смысл строительства общепролетарского дома для героев «Котлована» – в преодолении собственного эгоизма. «...Скорей надо рыть землю и ставить дом, а то умрешь и не поспеешь. Пусть сейчас жизнь уходит, как течение дыханья, но зато посредством устройства дома ее можно организовать впрок – для будущего недвижимого счастья и для детства» [4; с. 28].

Люди забывают себя, свои интересы ради будущего, ради мечты о новом человеке, о смысле жизни, о счастье детей и ждут, что скоро оно наступит. Строители действительно хотят сделать людей счастливыми, но это лишь мечты, которым не суждено сбыться. Проект «общепролетарского дома» был с самого начала утопичен. Строители не жалеют себя, тратят все свои силы на постройку лучшей жизни: «Ты кончился, Сафронов! Ну и что ж? Все равно я ведь остался, буду теперь как ты. Ты вполне можешь не существовать» [4; с. 63]. Так Чиклин прощается с Сафроновым.

Таким образом, главная мысль нашей работы может быть передана платоновскими словами – «Дом человек построит, а сам расстроится» [4; с. 37]. Как известно, основной задачей официальной советской литературы был показ труда советских людей и его влияния на формирование нового сознания и морали советского человека. Платонов в своем произведении приходит к противоположной мысли. Общее дело – строительство «общепролетарского дома» – не смогло объединить его строителей, сделать их семьей, дать каждому из них почувствовать себя частью чего-то общего. Строительство дома для каждого рабочего заканчивается внутренней трагедией.

Библиографический список

1. Андрей Платонов. Исследования и материалы: Межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т; [Редкол.: Т.А. Никонова (отв. ред.) и др.]. Воронеж, 1993. □193 с.
2. Баршт К. Мотив телесности в прозе Андрея Платонова // Русская литература. СПб., 2001. № 3. С. 61.
3. Немцов М. Герои повести «Котлован» как система персонажей // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 173-181.
4. Платонов А. Котлован. СПб., 1990. 397 с.
5. Русская советская литература: пособие для средней школы. М., 1963. 406 с.
6. Корниенко Н.В. История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946): // Здесь и теперь. 1993. № 1. 320 с.

References

1. Andrei Platonov. Research and Materials. / Voronezh State. Univ; [Ed. T.A. Nikonova]. Voronezh, 1993. 193 p.
2. Barsht K. Physicality Motives in prose of Andrei Platonov // Russian literature. SPb. 2001. № 3. P. 61.
3. Nemtsov M. Heroes story «Cotlovan» as a system of characters // «Country philosophers» Andrei Platonov: problems of creativity. M., 1995. Issue. 2. Pp. 173-181.
4. Platonov A. Cotlovan. SPb., 1990. 397 p.
5. Soviet Russian literature: A guide for secondary schools. M., 1963. 406 p.
6. Kornienko N.V. Text history and biography of A.P. Platonov (1926-1946): // Here and now. 1993. № 1. 320.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 802.0: 621

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет*
Канд. пед. наук, доц. кафедры иностран-
ных языков
Кочнева М.Г.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473)2763973
e-mail: margkochneva@mail.ru

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering*
PhD, Associate Professor of the chair of fore-
ign languages
Kochneva M.G.
Russia, Voronezh, tel. + 7(473)276-39-73
e-mail: margkochneva@mail.ru

М.Г. Кочнева

КЛАССИФИКАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЙ СОСТАВ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ И ЕЕ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на материале английского языка)

В статье рассматривается машиностроительная лексика с точки зрения классификации, структурной характеристики и особенностей перевода на русский язык. Выделены семь тематических групп. Анализируются двух-, трех- и многокомпонентные термины. Особое внимание уделяется структурному составу и переводу многокомпонентных терминов. Даются некоторые рекомендации по их усвоению.

Ключевые слова: тематические группы, классификация, двух-, трех- и многокомпонентные термины, структурный состав, особенности перевода.

M.G. Kochneva

CLASSIFICATION AND STRUCTURAL COMPOSITION OF MACHINE-BUILDING TERMINOLOGY AND ITS TRANSLATION INTO RUS- SIAN

The article deals with considering machine-building terminology from the standpoint of classification, structure and peculiarities of its translation into Russian. Seven thematic groups are singled out. Two-, three- and multi-component terms are analyzed. Special attention is given to the structural composition and translation of multi-component terms. Some recommendations are given on their assimilation.

Keywords: thematic groups, classification, two-, three- and multi- component terms, structural composition, peculiarities of translation.

В неязыковом вузе в условиях крайне ограниченного количества часов, отведенных на изучение иностранного языка, важно сформировать у студентов навыки и умения читать и понимать литературу по специальности, чтобы создать психологические предпосылки для их дальнейшей самостоятельной работы в данном аспекте, с целью использования информации, полученной из прочитанной литературы, в их будущей практической деятельности.

Одним из аспектов данного подхода является организация работы по усвоению лексического минимума, и в частности терминологической лексики, как наиболее трудной для понимания и усвоения. С этой целью были проанализированы технические тексты с точки зрения их лексического состава.

Анализ показал, что лексика научно-технических текстов состоит из трех пластов: общеупотребительного, общенаучного и специального. Статистический анализ технических текстов по специальности «Строительные и дорожные машины» показал, что эти лексические пласты характерны и для данной специальности, при этом специальная лексика в обследованных текстах занимает 47%, общенаучная 36% и общеупотребительная 17%.

Для разработки рациональной методики обучения правильному пониманию англоязычных текстов, термины по машиностроению были проанализированы с точки зрения тематики, их структурной характеристики и особенностей перевода на русский язык. Были исследованы 20 текстов на английском языке по указанной специальности по 500 словоупотреблений каждый. Для анализа термины отбирались методом сплошной выборки. Из общего количества 10 000 словоупотреблений зафиксировано 4 700 терминов, из них 695 – однокомпонентных, 2 929 – двухкомпонентных и 976 – многокомпонентных [1].

Анализ терминов позволил выделить следующие тематические группы:

1. Термины, обозначающие названия машин и механизмов. В этой группе имеются однокомпонентные (*scraper* - скрепер, *crane* - кран, *ripper* - рыхлитель), двухкомпонентные (*clamshell excavator* - грейферный экскаватор, *walking dragline* – драглайн с шагающим ходом) и многокомпонентные термины (*air-tired crane* – пневмоколесный кран, *self-powered jib crane* – самоходный кран с поворотной стрелой).

2. Термины, относящиеся к характеристике машин и оборудования. Это одна из +многочисленных групп, которая включает следующие подгруппы:

- термины для названия составных частей машин и механизмов: однокомпонентные (*hook* крюк, *frame* -рама, *lever*- рычаг), двухкомпонентные (*rope drum*- канатный барабан, *ball bearing* – шариковый подшипник, *shock absorber* - амортизатор) и многокомпонентные (*live back axle* – ведущий задний мост, *reduction gear box* редукционная коробка передач);

- термины для названия основных систем машин. В эту группу входят в основном двухкомпонентные термины (*lubricating system* – система смазки, *steering system* – система управления, *cooling system* – охлаждающая система);

- термины для обозначения параметров машин и механизмов: однокомпонентные (*outrreach* – вылет стрелы крана, *output* - производительность, *capacity* - емкость) и двухкомпонентные (*struck capacity*- геометрическая емкость ковша, *heaped capacity* – емкость с шапкой).

3. Термины, относящиеся к органам управления: однокомпонентные (*engine* - двигатель, *power* - энергия), двухкомпонентные: (*diesel engine* – дизельный двигатель, *gasoline engine* – бензиновый двигатель) и многокомпонентные (*internal combustion engine*, *V-belt drive*).

Данная группа немногочисленна.

4. Термины, относящиеся к отделке машин и механизмов. Для этой группы характерны однокомпонентные термины (*lining* - облицовка, *upholstery* – внутренняя обшивка кузова, *covering* - покрытие).

5. Термины, обозначающие качественные характеристики машин. К этой группе относятся в основном однокомпонентные термины и в небольшом количестве много-

компонентные (*manoeuvrability* - маневренность, *stability* устойчивость, *visibility* – видимость, *load-lifting capacity* – грузоподъемность).

6. Термины, обозначающие принцип работы машины, главным образом – однокомпонентные, образованные отлагольными существительными (*rolling* - укатка, *hoisting* -подъем, *slewing* -поворот).

7. Термины, обозначающие объект действия: однокомпонентные (*fill* - насыпь, *trench* – траншея, *dump* - отвал) и двухкомпонентные (*baring operation* - работы по вскрытию пласта, *open cast mining* – открытая горная разработка).

Двухкомпонентные и трехкомпонентные термины были проанализированы с точки зрения структурных особенностей. Выделены частотные структурные модели. Отмечено, что самой распространенной моделью для двухкомпонентных терминов является структурный тип «существительное + существительное». По нашим данным, на каждые 100 терминов приходилось в среднем 42 бинарных термина. Например: *power plant* – силовая установка, *exhaust stroke* – такт выпуска, *power brakes* – механические тормоза и другие.

Трехкомпонентные термины характеризуются следующими структурными типами:

- существительное + существительное + существительное (*tire contact surface* – площадь соприкосновения шины с опорной поверхностью, *sheep-foot roller* – кулачковый каток).

Следует подчеркнуть, что именные сочетания в английской научно-технической литературе наиболее многочисленны, так как существительные активнее, по сравнению с другими частями речи реализуют потенциальные возможности вступать в сочетания.

- прилагательное + существительное + существительное (*transverse leaf spring* – поперечная листовая рессора, *universal blade bulldozer* –бульдозер с универсальным отвалом);

- существительное + причастие I + существительное (*spring-loaded valve* – пружинный клапан, *crawler mounted tractor* –гусеничный трактор);

- литерная буква + существительное + существительное (*W-type engine* – трехрядный двигатель, *U-shaped sections* –швеллерные секции).

Иногда в состав трехкомпонентных терминов могут входить предлоги, которые, как правило, указывают на отношения определяемого к определяющему, на способ действия, на временные отношения и т.д. Например: *out-of- gage* – негабаритный груз, *out-of length load* – негабаритный по длине груз, *slice-by slice cutting* – послойная разработка, *in-line engine* – однорядный двигатель.

Английские однокомпонентные термины могут представлять собой усеченные слова, причем усекается как начальная, так и конечная часть слова:

(*dozer* вместо *bulldozer* – бульдозер,

cap – вместо *capacity* - емкость,

lub – вместо *lubrication* – смазка);

- английский термин может быть образован из сложения двух терминов, одно из которых усечено: *hydrascoop* – ковш с гидравлическим управлением, *vibrometer* – прибор для измерения вибраций).

Проанализируем особенности перевода одно- двух- и трехкомпонентных терминов на русский язык.

Сопоставление перевода английских терминов с их эквивалентами в русском языке дает возможность выявить некоторые семантические особенности:

- английские однокомпонентные термины могут переводиться на русский язык следующим образом:

- сочетанием нескольких слов: (*toothing* – зубчатое зацепление, *upholstery* – внутренняя обшивка кузова);
- английские двух- и трехкомпонентные термины могут переводиться методом калькирования (*cooling system* – охладительная система, *effective gear ratio* – эффективное передаточное отношение);
- одним словом: (*guy rope* – вант, *speed control unit* – спидометр);
- путем перестановки слов справа налево с использованием родительного падежа (*gear lever switch* – переключатель рычага управления);
- путем описания основного термина (*articulated dump truck* – самосвал с шарнирной сочлененной рамой).

Наибольшую трудность для понимания и перевода представляют многокомпонентные термины.

Остановимся более подробно на их характеристике.

Из выделенных 976 многокомпонентных терминов 692 термина были трехкомпонентными (*high pressure tires* – шины высокого давления, *power shift transmission-transmission с механическим переключением, etc;*) 203 – четырехкомпонентными (*track laying type tractor* – гусеничный трактор, *double transverse link system* – система соединения с двойным вильчатым рычагом, etc;) 69 – пятикомпонентными (*cross-cutting multi-bucket excavator* – многоковшовый экскаватор поперечного копания, *longitudinal cutting multi-bucket excavator* – многоковшовый экскаватор продольного копания, *four wheel air-tired tractor* – пневмоколесный трактор с приводом на четыре колеса, etc); 30 – шестикомпонентными (*double shock work roll bending system* – система противоизгиба рабочих вилок с двойной подушкой, *compressed gas system of fuel expulsion* – система подачи топлива (в двигатель) давлением сжатого газа); 14 – семикомпонентными (*three point linkage to a wheeled tractor* – навесная система крепления оборудования к трактору в трех точках); 8 – восьмикомпонентными (*air-cooled two-cylinder 208 F Deutz diesel engine* – 2-х цилиндровый дизельный двигатель с воздушным охлаждением марки 208 F фирмы Deutz, *high-speed Caterpillar DW-10 4-wheel tractor* – высокоскоростной трактор с приводом на 4-х колесах, марки DW-10 фирмы Катерпиллер).

В группах многокомпонентных терминов наиболее часто используются следующие структурные типы:

- прилагательное + существительное + существительное + существительное (*single thrust ball bearing* –однорядный упорный подшипник качения);
- причастие I + сущ. + сущ. + сущ. (*sliding mesh gear box* – коробка передач со скользящими шестернями);
- сущ. + сущ. + причастие I + сущ. (*skeleton type driving wheel* – каркасное ведущее колесо);
- сущ. + причастие II + сущ. + сущ. (*straddle mounted spur pinion* – ведущая прямозубая шестерня, установленная между двумя опорами);
- сущ. + причастие II + прилагательное + существительное (*mains powered electric drive* –электрический привод, работающий от сети);
- прилагательное + сущ. + прил. + сущ. (*internal gear final drive* – коническая передача с внутренними зубьями).

В состав четырех-, пяти-, шести-, семи-, восьми - многокомпонентных терминов могут входить предлоги, числительные, литерные буквы, названия марок машин и фирм.

Из приведенных примеров видно, что многокомпонентные термины представляют собой ничто иное как устойчивые словосочетания, состоящие из нескольких компонен-

тов, находящихся между собой в определенных синтаксических и семантических отношениях.

Многолетний опыт работы в техническом вузе показывает, что именно многокомпонентные термины вызывают у обучаемых наибольшие трудности при понимании технических текстов. Слова в составе многокомпонентных терминов обладают определенной смысловой самостоятельностью. При их переводе большую роль играет понимание их отдельных компонентов, входящих в состав этих сочетаний. При этом перевод носит аналитический характер, т.е. целое складывается из перевода элементов при учете отношений этих элементов друг к другу. Однако следует подчеркнуть, что перевод многокомпонентных терминов не сводится к переводу только составляющих его слов, так как их перевод во-первых, зависит от отношений, в которые они вступают в составе многокомпонентных терминов, и, во-вторых, сам тип словосочетания может иметь специфические особенности, оказывающие влияние на перевод его компонентов [4]. Все многокомпонентные термины носят атрибутивный характер. Слова в них стоят в препозиции к существительному.

Наибольшую трудность представляет их перевод на русский язык. В них обычно преобладает левая направленность. Основным словом, как правило, является последнее существительное, а компоненты, стоящие слева от него, являются атрибутивными.

Нам удалось выделить следующие особенности перевода многокомпонентных терминов.

1. Многокомпонентные термины могут переводиться путем перестановки слов и введения предлогов (*front shovel hydraulic excavator* – гидравлический экскаватор с передней лопатой).

2. В английском терминологическом сочетании может быть опущено слово, которое необходимо ввести при его переводе на русский язык: (*four-wheel air-tired tractor* – пневмоколесный трактор с приводом на четыре колеса).

Такие многокомпонентные термины переводятся справа налево (*low-pressure air-tired wheel tractor* – пневмоколесный трактор с шинами низкого давления). Однако следует подчеркнуть, что если среди компонентов многосложного термина есть прилагательное, то начинать перевод следует именно с этого прилагательного: *simple suspension-type small size mechanism* – простой механизм небольшого размера подвесного типа.

3. Английские многокомпонентные термины, в состав которых входят числительные, переводятся с термина, следующего за числительным, с введением дополнительного термина, к которому относится это числительное (*210 hp diesel engine* – дизельный двигатель **мощностью** 210 лошадиных сил);

4. При переводе на русский язык один из компонентов английского многосложного термина опускается (*crawler-mounted air-tired tractor* – гусеничный пневмоколесный трактор).

Для усвоения терминологической лексики и ее перевода на русский язык нами разработана система упражнений, которая вошла в учебное пособие для студентов 2-го курса дорожно-транспортного факультета [5]. Приведем некоторые упражнения.

Задание 1.

Переведите следующие многокомпонентные термины на русский язык. Используйте родительный падеж. Помните, что основное слово последнее, с него и надо начинать перевод.

Disk-type brakes, open-type nozzle (форсунка), closed-type nozzle, lever-type control, high-pressure pump, rotary-type motor, wheel-type vehicle, chain-type loader, heavy-duty truck.

Задание 2.

1. Какой из терминов переводится методом калькирования ?

Front-end loader, bucket capacity, fuel system, compression stroke.

2. Какой из терминов переводится одним словом ?

Running gear, bevel gearing, torque converter, exhaust stroke.

3. Какой из терминов переводится с помощью родительного падежа?

Scavenging port, four-stroke engine, self-propelled, cylinder walls.

4. Найдите термин, который переводится с помощью различных предлогов.

All-wheel drive tractor, front-end loader, speed control unit, two-stroke cycle.

Задание 3.

Потренируйтесь в переводе многокомпонентных терминов, в состав которых входит числительное.

11,000 turbo-charged diesel engine with 240 hp, Ware Model 160 Hydro-loader, hydraulic loader, a new 48 inches vibratory roller, a 0.15 cub.m bucket, a 65 horse power diesel engine, a standard 3.25 cub.m excavating bucket.

В заключение необходимо отметить, что знание структурных особенностей терминов имеет большое значение для правильного перевода. Работа по обучению переводу многокомпонентных терминов должна проводиться на каждом занятии на специально подготовленных упражнениях, включающих все основные структурные типы многокомпонентных терминов с целью понимания смысла сложных лексических образований.

Библиографический список

1. Excavating Engineering. New York. No 9-11, 1998. P. 35.
2. Construction Methods and Equipment. New York. No 2. 1999. P. 37.
3. New Civil Engineering. London, December, 2001. С. 45.
4. Ерошкина К.Ф. Свободные словосочетания как особенность информативной емкости заголовков статей и документов. Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода зарубежной научно-технической литературы», М., 1978. С.68.
5. Кочнева М.Г. Строительные и дорожные машины // Учебное пособие по английскому языку для технических вузов. Воронеж, 2011. 128 с.

References

1. Excavating Engineering. New York. No 9-11, 1998. P. 35.
2. Construction Methods and Equipment. New York. No 2. 1999. P. 37.
3. New Civil Engineering. London, December, 2001. P. 45.
4. Eroshkina K.F. Free Collocations as a Peculiarity of Information Value of Headlines of Papers and Documents. All-Union Conference «Improvement of Translating Foreign Scientific-and-Technical Literature». М., 1978. P. 68.
5. Kochneva M.G. Road-building and Construction Machines // Textbook in English for Technical Higher Institutions. Voronezh, 2011. 128 p.

УДК 81.25

ГБОУ ВПО Московский городской педагогический университет
Институт иностранных языков
Магистрант кафедры французского языка и лингводидактики
Водина Н.А.
Россия, г. Москва, тел. +7(964)5507936
e-mail: natalia1009@mail.ru

Moscow City Teachers' Training University
Institute of Foreign Languages
Postgraduate
Vodina N.A.
Russia, Moscow, phone +7(964)5507936
e-mail: natalia1009@mail.ru

МГПУ Московский городской педагогический университет
Институт иностранных языков
Канд. филол. наук, доц. кафедры французского языка и лингводидактики
Нежина Л.А.
Россия, г. Москва, тел. +7(916)3526899
e-mail: lar.ren@mail.ru

Moscow City Teachers' Training University
Institute of Foreign Languages
PhD in Philology
Associate professor of French and Lingvodiactics department
Nezhina L.A.
Russia, Moscow, phone +7(916)3526899
e-mail: lar.ren@mail.ru

Н.А. Водина, Л.А. Нежина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ КАЛАМБУРОВ (ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)

Любой текст обладает определенными прагматическими параметрами, которые влияют на смысловую структуру. В процессе работы над текстом переводчик вынужден прибегать к лексическим трансформациям, которые призваны помочь автору адекватно передать смысл и содержание текста, а так же игру слов и каламбуры. Чаще всего переводчики используют лексические трансформации при переводе художественных, публицистических и рекламных текстов, поскольку они нуждаются в большей прагматической адаптации за счет своих жанрово-стилистических особенностей и экспрессивной окраски, нежели другие жанры.

Ключевые слова: каламбур, игра слов, перевод, переводчик, лексические трансформации, адаптация, конкретизация, генерализация, компенсация, описательный перевод, французский язык.

N.A. Vodina, L.A. Nezhina

LEXICAL TRANSFORMATIONS OF PUNS (FRENCH)

Any text has certain pragmatic parameters that affect to the semantic structure. During the process of working with the text translator uses lexical transformations that are designed to help the author to adequately convey the meaning and content of the text, as well as words play and puns. Frequently, translators use lexical transformations in translation of works of art, journalistic and advertising texts, because they need more pragmatic adaptation due to their genre and stylistic features and expressive colouring than other genres.

Keywords: pun, word play, translation, translator, lexical transformation, adaptation, specification, generalization, compensation, descriptive translation, French.

В современном переводоведении довольно остро стоит вопрос прагматики перевода. Поскольку любой текст обладает определенными прагматическими параметрами,

влияющими на смысловую структуру, важной задачей переводчика является наиболее точное и адекватное воспроизведение исходного текста на языке перевода. Художественные, публицистические и рекламные тексты нуждаются в большей прагматической адаптации за счет своих жанрово-стилистических особенностей и экспрессивной окраски в отличие от научных и деловых текстов. В процессе работы над текстом переводчик вынужден прибегать к разным типам трансформаций: грамматическим, стилистическим и лексическим. Использование трансформаций при переводе позволяет автору не только адекватно передать смысл и основное содержание текста, но и позволяет читателю насладиться авторской игрой слов, фразеологическими оборотами, аллюзиями и каламбурами. В данной статье мы хотели бы остановиться непосредственно на лексических трансформациях, которые, благодаря своему разнообразию, позволяют переводчику достичь своей основной цели – передать не только содержание, но и стилистическую экспрессию.

Каламбуры представляют собой один из самых сложных литературных приемов при переводе. В ходе повествования переводчик не может опустить каламбур или игру слов, в противном случае коммуникативная цель текста будет достигнута не полностью. Для того чтобы понять, какие лексические трансформации надо применять при передаче каламбура, нужно определиться с понятием «каламбур».

Понятие «каламбур» впервые появилось в XVII – XVIII вв. во Франции. Большинство составителей толковых словарей предлагают одинаковое объяснение понятию «каламбур». Так, в толковом словаре С. И. Ожегова можно найти следующее определение: «каламбур – шутка, основанная на комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению слов, игра слов». [5; с. 260] Основными элементами каламбура являются, с одной стороны, одинаковое или близкое, до омонимии, звучание (в том числе и звуковая форма многозначного слова в его разных значениях), с другой – несоответствие, до антонимии, между двумя значениями слов или компонентов фразеологического единства. Актуализация разных значений многозначных слов всегда требует определенного речевого контекста.

Перевод каламбура связан с большими или даже непреодолимыми трудностями, именно поэтому данное явление представляет интерес для исследования. Трудность при переводе каламбуров заключается в том, что при переводе обычного текста переводчик переносит только содержание исходного текста в новую языковую форму, а при переводе каламбура нужно ещё передать и саму форму, которая может быть как фонетической, так и графической.

По мнению Н. Любимова, «непереводимая игра слов» существует за редким исключением, в остальных случаях речь идет о мастерстве переводчика. При переводе каламбура в первую очередь важно понять, является ли каламбур *оборотом речи* или *самостоятельным текстом*. В первом случае каламбур тесно связан с контекстом и будет зависеть от него. В данном случае контекст помогает переводчику найти более точный и удачный перевод. Второй вид каламбура дает переводчику большую свободу действий, потому что каламбур будет переводиться как законченное целое, без учета контекста. [2; с. 288].

В русской переводной литературе XIX века передача игры слов была редким исключением. В соответствующем месте текста воспроизводилось словарное значение

слов, связанных в подлиннике звуковым тождеством или сходством (или одно из значений двузначного по контексту слова), и делалось примечание о наличии в оригинале «непереводимой игры слов» (с указанием на двойное значение). С XX века переводчики начали искать омонимические параллели, которые брали из словарных запасов языка, максимально соблюдая смысл слов, сближенных звуковым сходством, и их роли в контексте.

Задачей современного переводчика является максимальный перевод каламбуров с целью сохранения эмоциональной и стилистической окраски. Чтобы добиться успеха при передаче каламбуров, переводчику необходимо опираться на лексические трансформации. В лексических системах французского и русского языков наблюдаются несовпадения, которые проявляются в типе смысловой структуры слова. Суть лексических трансформаций состоит в «замене отдельных лексических единиц (слов и устойчивых словосочетаний) исходного языка лексическими единицами языка перевода, которые не являются их словарными эквивалентами и, т.е., которые имеют иное значение, нежели передаваемые ими в переводе единицы ИЯ» [1; с. 196]. Однако такая замена оправдана, если помогает сохранить прагматику текста перевода.

Приведем некоторые примеры лексических трансформаций:

1. Адаптация – прием лексической трансформации, который предполагает замену языковой реалии исходного языка реалией принимающего языка. Данный прием предполагает замену неизвестного известным, непривычного привычным. Например, в названии французской повести Жака Лаффита ‘*Nous retournerons cueillir les jonquilles*’ мы встречаем французскую реалию *jonquilles* – *нарцисс-жонкиль*. При переводе названия повести на русский язык переводчик использует прием адаптации и переводит слово *jonquilles* как *подснежники*, так как растение жонкиль у нас менее известно в отличие от подснежников.

Приведем пример адаптации при переводе каламбура, который встречается в романе Ильф и Петрова «Двенадцать стульев»:

«*Храм спаса на картошке*, - негромко сказал пешеход». [3; с. 339]

Основой каламбура является замена возвышенного с христианской точки зрения понятия «кровь» банальным «картошка». Эффект неожиданности усиливается контекстом. Храм действительно стоял на картошке, вернее она хранилась в его подвалах.

Проблема передачи данного примера заключается в том, что названия французских храмов имеют другое языковое оформление. Во Франции не строят «храмы на крови», их посвящают какому-либо святому. Тем не менее, переводчик ищет функциональный аналог именно в названиях церквей и соборов. На выбор аналога влияет звуковое сходство в языке оригинала заменяемого и заменяющего: «кровь-картошка». Переводчик использует наиболее известное «*Notre-Dame de Paris*», так как при замене «*Paris*» на «*patate*» возникает частичная паронимия. В результате сохраняются каламбур и звуковое сходство:

«*Notre-Dame des Patates*, murmura pour lui-même le piéton». [7; p. 29]

2. Компенсация – это способ перевода, применяемый тогда, когда некоторые смысловые элементы и стилистические особенности невозможно передать достоверно. Этот способ позволяет компенсировать при переводе элементы подлинника, которые не имеют эквивалента в языке перевода. Данный вид трансформации хорошо использовать, когда нужно привлечь внимание к переданному в некаламбурной форме содержанию, сохранив при этом его воздействие на читателя.

Так, например, в переводе романа «Двенадцать стульев» можно найти удачный пример применения компенсации.

«Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу». [3; с. 64]

Заменив первую часть одного из призывов, авторы «Двенадцати стульев» превращают помпезный лозунг в полную бессмыслицу. Подобные лозунги отражают национальную специфику, они возникают в ходе истории и уходят в историю. При переводе переводчик прибегает к калькированию, но пытается компенсировать утраченный стилистический прием оригинала (т.к. рядовому французу вряд ли может быть понятна подобная аллюзия) рифмованной формой:

«*En mastiquant tes aliments avec soin tu en fais profiter la collectivité*». [7; p. 86]

Тем самым переводчик создает абсурдно-смешную фразу, которая соответствует общему настрою произведения, месту своего размещения и автору: плакат с подобным творением висел в столовой приюта для старушек и сочинен был лично директором этого заведения.

3. Генерализация - это замена слова или словосочетания исходного языка с более узким значением словом или словосочетанием языка перевода с более широким значением. Таким образом, частное видовое понятие заменяется общим, родовым. Например, *les heures* в зависимости от контекста можно перевести не только как *часы*, но и *время*, тем самым применив прием генерализации. При передаче каламбуров подобная лексическая трансформация бывает неизбежна.

Так, в романе «Золотой теленок» мы наблюдаем следующую ситуацию. Литерный поезд ехал на стыковку «Восточной магистрали». Шли третьи сутки пути. Ничего достопримечательного не случилось. Журналисты томились в ожидании событий, поэтому стоило поезду случайно задержаться на полустанке, как, по меньшей мере, двадцать фотоаппаратов нацелились на первого увиденного верблюда. Американку из старинной семьи долго снимал ручной камерой седой соотечественник: сначала рядом с животным, а потом на нем. Один из журналистов, маленький и злой, шнырял в толпе и всем говорил:

«*Вы за ней присматривайте, а то она случайно застрянет на станции, и опять будет сенсация в американской прессе: «Отважная корреспондентка в лапах обезумевшего верблюда»*». [3; с. 589]

Способ образования каламбура – внутренняя (семантическая) трансформация устойчивого выражения. «Попасть в лапы» трактуется в переносном и в прямом смысле. Более того, стилистический прием имеет еще одну сему, вызывающую противоречие. В русском языке парнокопытные, к которым относится и верблюд, не могут иметь «лапы», в отличие от французского языка, в котором слово «*patte*» обозначает конечности всех животных. Ограничения, накладываемые французским языком, приводят к потере семы несоответствия в тексте перевода, несмотря на то, что и каламбур, и способ преобразования сохранены:

«*Gardez l'oeil sur elle! Elle est capable de rester bloquée ici et ce sera à nouveau le tintamarre dans la presse américaine: Une vaillante journaliste entre les pattes d'un chameau furieux!*» [8; p. 328]

4. Конкретизация – прием противоположный генерализации, то есть это замена слова или словосочетания с более широким значением словом или словосочетанием языка перевода с более узким значением. Контекстуальная конкретизация обусловлена факторами данного конкретного контекста (*le repas* (узуальное значение – *прием пищи*) в зависимости от контекста

ста и ситуации может быть переведено по разному – *завтрак, обед, ужин*). Чаще всего, причинами подобной лексической трансформации являются необходимость завершенности фразы, стремление избежать повторов, достичь большей образности, наглядности и пр.

Например, в описании погони за Остапом Бендером шахматистами города Васюки присутствует следующая реализация рассматриваемого приема:

«*Всем хотелось принять личное участие в расправе с гроссмейстером*». [3; с. 284]

Несущее в себе положительную эмоциональную характеристику языковое клише «принять участие в чем-либо» усиливается определением участия как личного. Резонанс вызывает замена ожидаемой положительной семы на отрицательную. Следуя привычному ходу мысли «расправа» воспринимается как что-то хорошее, «молодежно-ударно-трудовое», а возникающее одновременно с этим истинное значение создает конфликт формы и содержания. Способ преобразования устойчивого словосочетания в каламбур – замена.

Во французском языке существует выражение «prendre une part personnelle». Данные разговорные клише русского и французского языков являются абсолютными эквивалентами. Для передачи каламбура используется тот же способ преобразования устойчивой единицы переводящего языка, что и в оригинале. Сема созидательной коллективной деятельности заменяется словом, не связанным с семантикой клише и несущим прямо противоположную эмоциональную характеристику:

«*Chacun voulait prendre une part personnelle au lynchage* [линчевание] *du grand-maître*». [7; p. 354],

В результате мы имеем почти равноценный каламбур в тексте перевода. Но следует отметить, что переводчик, не найдя точных французских аналогов русского слова «расправа», предпочел конкретизировать его до «линчевания». Сохранена сема «расправа толпой без суда и следствия», но конкретизируется способ совершения действия (повешение) и исход ситуации (летальный).

5. Описательный перевод - передача фразеологизмов, реалий или пословиц, которые не имеют эквивалентов в языке перевода, методом расширенного словесного толкования. Данный прием всегда ведет к потерям в прагматическом плане, сохраняя содержательную сторону оригинала. Рассмотрим пример:

«*Бледное дитя века*». [3; с. 20]

Каламбур служит названием рассказу о поэте Андрее Бездетном, который сочинял стихи раз в год к 7 ноября. Точнее, это был один стих, восхвалявший очередную годовщину праздника. Поэт его переделывал в разных жанрах и публиковал во всевозможных газетах: от детских изданий до серьезных научных бюллетеней, тем и кормился. Но однажды ошибся и вместо 12-й годовщины октября, посвятил свои опусы 13-й. Стихи не взяли, времени что-то исправить не оставалось, убитый горем главный герой лёг на диван и умер.

Каламбур построен на словосочетании «дитя (своего) века» [4; с. 136] путем вклинивания в устойчивое выражение эпитета. Прилагательное «бледный» характеризует Бездетного с двух сторон: физической – поэт здоровьем не отличался, и умственной – способности у него были посредственные. Автор перевода либо не увидел устойчивого выражения и, соответственно, не понял языковой игры, либо не нашел в своем языке эквивалента. В итоге название рассказа передано переводчиком исходя из общего содержания:

«*Un spécialiste du 7 novembre*». [7; p. 21]

Однако перевести данный каламбур все же можно: существует известное произведение французского классика А. де Мюссе «*La confession d'un enfant du siècle*». Мы

берем название за основу, проводим с ним такие же преобразования (структурно-семантическая трансформация вклинивания), что и с устойчивым выражением в языке оригинала, и получаем равноценный каламбур:

«Un pâle enfant du siècle».

Нами были рассмотрены лишь некоторые виды лексических трансформаций, но в переводческой практике существуют и другие виды, такие, как антонимический перевод (замена отрицательного высказывания утвердительным и наоборот), смысловое согласование (согласование слова или словосочетания при переводе с контекстом, а не на базе словарных соответствий), а так же экспликация и амплификация (добавление дополнительной информации с целью разъяснения материала, который может быть неизвестен иностранному читателю). Каждый вид лексических трансформаций призван помочь переводчику достичь положительного результата при переводе такого сложного языкового явления, как каламбур.

Библиографический список

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод, пособие по переводу. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1977. 416 с.
3. Ильф И. Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Правда, 1987. 670 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. (под ред. Шведовой Н.Ю.). М.: Русский язык, 1989. с.136
5. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. с. 260
6. Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
7. If et Petrov Les douze chaises. trad. par A. Préchac. P.: Edition Libraire du Globe, v. 1, 1993. 495 p.
8. If et Petrov Le veau d'or. trad. par A. Préchac. P.: Edition Libraire du Globe, v. 3, 1996. 472 p.

References

1. Barkhudarov L.S. Language and translation. M., 1975. 240 p.
2. Vlachov S. Florin S. Untranslatable in translation. M., 1975. 240 p.
3. If I. and Petrov E. The Twelve Chairs. The Golden Calf. M., 1987. 640 p.
4. Ozhegov S.I. Russian language dictionary. M., 1989. p. 136
5. Ozhegov S.I. Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. p. 260
6. Shchetinkin V.E. The manual about translation from French into Russian. M., 1987. 160 p.
7. If et Petrov Les douze chaises. trad. of A. Préchac. P., 1993. 495 p.
8. If et Petrov Le veau d'or. trad. of A. Préchac. P., 1996. 472 p.

УДК 811.133.1

Московский городской педагогический университет

Канд. филол. наук, доц. кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков

Кулешова А.В.

Россия, г.Москва, тел. +7(495) 607-58-34

e-mail: ksas3@yandex.ru e-mail:

Moscow City Teacher Training University

Associate professor of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU, PhD

Kuleshova A.V.

Russia, Moscow, tel. +7(495) 607-58-34

Russia, Moscow, tel. +7(495) 607-58-34

ksas3@yandex.ru

А.В. Кулешова

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

Статья посвящена изучению специфических особенностей одного из типов статей аналитического жанра французской прессы – критической статьи – с точки зрения его композиции, а также анализу частотности использования журналистом различных видов чужой речи в соответствии с тем или иным композиционным компонентом данного типа статьи.

Ключевые слова: аналитический жанр, критическая статья, композиционный компонент, чужая речь.

A.V. Kuleshova

THE REPORTED SPEECH IN THE CRITICAL ARTICLE (AT THE BASE OF THE MATERIALS OF THE FRENCH PRESS)

The article is devoted to the study of specific features of one of the types of articles of analytical genre of the French press – critical article – from the point of view of its composition, as well as to the analysis of the frequency of use by journalists of different types of foreign speech in accordance with that or other composite component of this type of article.

Keywords: analytical genre, critical article, composite component, foreign speech.

Печатная пресса играет важную роль в жизни любой страны, и Франция не является исключением. В настоящее время, согласно данным исследований *Audipresse* 2013 года, две трети французов читает, по меньшей мере, одну газету в день [2]. Каждое издание характеризуется определенным набором рубрик, написанных в том или ином газетном жанре.

В журналистике в соответствии с двумя основными функциями выделяют информационный и аналитический жанры, в то время как в лингвистике известны несколько классификаций газетных жанров в зависимости от степени ангажированности адресанта и от способа отображения действительности, от выполняемой ими функции и пр. В нашей статье жанры французской прессы рассматриваются с точки зрения присутствия в них чужой речи с учетом их деления на информационный, информационно-аналитический и аналитический жанры. Каждый жанр, в свою очередь, включает в себя различные типы статей.

Главенствующее положение во французской прессе принадлежит аналитическому жанру. Это связано с тем, что пресса как средство массовой информации по определению не может объединить время события, время написания статьи, выпуска газеты и прочтения ее читателем [3; с. 93]. Осмысление информации, ее оценка, напротив, являются для прессы приоритетными. К тому же, читатель всегда ищет в статье субъективную точку зрения журналиста, его мнение, его способность убедить удачно подобранными аргументами. Вследствие данного факта, аналитический жанр, по сравнению с информационным и информационно-аналитическим, более разнообразен с точки зрения типов статей, которые он в себя включает. Основные из них – это комментарий (commentaire), передовая статья (éditorial), аналитическая статья (article d'analyse), критическая статья (critique), хроника (chronique). Цель таких статей заключается в анализе актуальных событий, в высказывании и в отстаивании журналистом своей собственной точки зрения или точки зрения редакции. В статьях аналитического жанра французской прессы отчетливо проявляется авторское «я». Между тем, естественно, журналист не имеет права искажать анализируемые события, напротив, он должен быть предельно объективен и точен в их представлении. При этом во всех статьях аналитического жанра автор статьи использует разные виды чужой речи – прямую, косвенную и несобственно-прямую речь.

Учитывая частотность цитирования журналистом чужой речи, все эти статьи можно разделить на:

– типы статей, в которых используется прямая и косвенная речь: комментарий (commentaire), передовая статья (éditorial), аналитическая статья (article d'analyse);

– типы статей, в которых присутствуют прямая, косвенная и несобственно-прямая речь: критическая статья (critique), хроника (chronique).

Наша статья посвящена изучению специфических особенностей критической статьи с точки зрения ее композиции, а также анализу частотности употребления автором статьи различных видов чужой речи в зависимости от того или иного компонента данного типа статьи.

Критическая статья (critique) представляет собой отчет, отзыв журналиста о произведении художественной литературы, спектакле, фильме, картине, концерте и т. п. Цель критической статьи заключается в том, чтобы ознакомить адресата с той или иной книгой, театральной постановкой и дать ей свою оценку. Критическая статья рассказывает адресату о том, что действительно заслуживает его внимания, а что его внимания недостойно.

Основная задача журналиста в такой статье – выявить в произведении специфические черты, может быть, незаметные адресату, но представляющие собой главные опорные элементы в суждениях журналиста. Последний должен пояснить адресату, чем, например, объясняется столь эмоциональная игра актеров в спектакле, или почему автор книги выбрал тот или иной стиль. Для осуществления такой задачи журналист должен обладать специальными знаниями в определенной области, например, в искусстве или литературе [1].

Критическая статья – это не просто пересказ сюжета произведения, описание номеров концерта, это глубокий анализ происходящего: мастерства автора, работы режиссера и т. д. В такой статье автор статьи не просто дает волю своим эмоциям, выра-

жая свою неприязнь или симпатию к чему-либо, он аргументирует свое мнение серьезными доводами.

Критическая статья должна быть ясной по содержанию и форме, доступной адресату разной категории. Чаще всего она небольшая по объему, состоит из коротких высказываний. Как и любая другая статья аналитического жанра, критическая статья не должна быть написана беспристрастно. В ее тексте содержится большое число риторических вопросов. Иногда с помощью разных видов чужой речи цитируются различные эксперты в этой области.

Композиция критической статьи состоит из заголовка, зачина, основной части и концовки.

В заголовок критической статьи журналист может вынести название анализируемого им произведения, фильма или театральной постановки:

(1) «**Une année sans été**» *surannée* (*Libération*, 22.04.14).

Заголовок может быть представлен одним словом или словосочетанием, которое характеризует статью в целом. Отметим, что в этом композиционном компоненте мы не находим чужой речи.

В зачине журналист представляет адресату то, о чем пойдет речь далее. Иногда, ссылаясь на цитируемое лицо, он передает его слова в виде прямой (2) или, значительно реже, в виде косвенной речи (3).

Пример (2) представляет собой зачин критической статьи, посвященной автобиографической книге Катрин Милле, в которой писательница анализирует свое детство. Журналист цитирует автора книги, при этом вначале использует прямую речь в виде вкрапления, а затем прибегает к одной из самых распространенных в языке газеты конструкций – полную конструкцию с прямой речью: кавычки, курсив + глагол речи в постпозиции:

(2) Catherine Millet est une truite lente et circonspecte qui remonte les eaux noires et froides du temps - ce qu'elle appelle sa «*bouillie refroidie*». Ses coups de nageoire sont amples, adaptés et précis. Ils rendent transparentes les eaux qu'elle traverse, épouse et montre avec une passivité de fer. «*On a l'âge du spectacle que l'on regarde*», écrit-elle (*Libération*, 23.04.2014).

Пример (3) представляет собой текстовый блок зачина критической статьи, в которой журналист анализирует книгу Бернара Лекомта о Михаиле Горбачеве. В виде косвенной речи, вводимой глаголом сообщения *reprocher*, выражающим отношение цитируемого лица к объекту высказывания, представлено обобщенное мнение русских людей, отрицательно высказывающихся о деятельности первого и последнего президента СССР:

(3) Aujourd'hui encore il reste le dirigeant communiste le plus détesté par les Russes, qui lui reprochent **d'avoir détruit la puissance de leur pays** (*Libération*, 16.04.14).

Основная часть содержит анализ фильма, спектакля и т. п., мнение журналиста, подкрепляемое чужой речью. В этой части автор статьи активно использует разные виды чужой речи: чаще всего это прямая (4) и/или несобственно-прямая речь (5), а иногда и косвенная речь (6).

В примере (4) речь идет о новой постановке Даниэля Доббельса в театре Шайо. В основной части критической статьи журналист размышляет о танце как об искусстве, несущем идеи пацифизма, и в подтверждение своих слов цитирует хореографа:

(4) L'année de l'ouverture du Théâtre de Chaillot a aussi suscité chez Daniel Dobbels une réflexion de fond sur l'état de guerre et la danse. **«En 1937, l'Exposition universelle dresse face à face, juste en bas du Théâtre de Chaillot, le Pavillon allemand et le Pavillon soviétique, rappelle-t-il. Une vision d'un corps armé. Corps de cristal d'un côté, corps de marbre de l'autre, totalitaire dans les deux cas.»** (*Le Monde*, 03.05.2014).

Пример (5) – это несобственно-прямая речь в критической статье, посвященной пьесе «*Эдда Габлер*» Г. Ибсена в постановке Эрика Лакаскада. В нем передается речь Элизабет Юппер, исполнительницы главной роли в спектакле:

(5) Elle bute sur un mot. Une phrase anodine ne veut pas rentrer. **Elle rit, gamine. La concentration profonde n'a jamais interdit la vigilance! merveilleux mystère de l'incarnation et de l'illusion** (*Le Figaro*, 16.11.13).

В примере (6) рассказывается о новой театральной постановке в театре Одеон пьесы «Год без лета» режиссера Жоэль Поммера. С помощью косвенной речи, вводимой глаголом речи *dire*, цитируется автор пьесы:

(6) Pour écrire sa pièce, Catherine Anne dit **s'être inspirée de la vie du poète allemand Rainer Maria Rilke** (*Libération*, 22.04.14).

Ввиду небольшого объема критической статьи основная часть плавно переходит в концовку, где также часто встречается чужая речь. Журналист использует здесь прямую (7) или несобственно-прямую речь (8), и очень редко косвенную речь, часто в сочетании с прямой речью (9). При подведении итога автор статьи рекомендует адресату уделять внимание или нет какому-либо произведению, например, литературы или искусства.

В примере (7) речь идет о документальной книге Пьера Пушере, начальника полиции Кабула в период с 2006 по 2010 год, в которой автор книги рассказывает о своей миссии в Афганистане. Журналист заканчивает статью цитатой в виде прямой речи:

(7) De cette alternance entre épisodes cocasses et sérieux, entre récits de ses démêlés avec l'administration française et de ses négociations avec les autorités afghanes, Pouchairet tire au final un portrait original d'un pays que la communauté internationale tente de reconstruire. **«Nous sommes des gens pressés et l'Afghan n'entend pas se laisser bousculer par qui que ce soit. Celui qui s'impose, même pétri de bonnes intentions, se transforme en ennemi»**, **conclut-il** (*Libération*, 17.04.14).

В примере (8), анализируя пьесу «*Другой*» Флориана Зеллера, журналист использует несобственно-прямую речь. С ее помощью он передает слова, мысли и ощущения главных действующих лиц:

(8) C'est un jeu. Des cartes que l'on battrait. Les personnages surgissent, venus d'on ne sait quelles ténèbres. **On est ému. Pourquoi? Mais on est amoureux, paraît-il!** (*Le Figaro*, 28.09.13).

Пример (9) представляет собой фрагмент концовки критической статьи, в которой речь идет о новой режиссерской работе Яна Рейзо. Журналист передает слова цитируемого им лица при помощи косвенной речи с вкраплениями прямой речи:

(9) L'auteur-metteur en scène explique qu'**aborder le monde de l'entreprise par le biais des coopératives est pour lui un moyen «d'en percer quelques-uns des mystères»**, dans la mesure où l'adoption de ce système oblige chacun des partenaires - patron, cadres et employés - à reconsidérer son rôle et son rapport au travail. (*Libération*, 21.02.14).

Таким образом, согласно нашим данным, в критической статье чужая речь представлена, главным образом, прямой речью в зачине (из 105 проанализированных нами,

≈ 39%), основной части (≈ 60%) и концовке (≈ 32%). Она совсем не используется в заголовках. Меньшее применение в критической статье находят несобственно-прямая и косвенная речь. Причем несобственно-прямую речь можно чаще встретить в основной части (≈ 35%), но иногда и в концовке (≈ 13%). Что касается косвенной речи, то она чаще появляется в основной части (≈ 42%), значительно реже в зачине (≈ 8%) и в концовке (≈ 5%) критической статьи.

Обобщая данные по использованию журналистом прямой, косвенной или несобственно-прямой речи в критической статье, можно утверждать, что композиция данного типа статьи влияет на выбор автором того или иного вида чужой речи. Данная зависимость отражена в таблице (здесь нами приняты следующие обозначения: ПР – прямая речь, КР – косвенная речь, НПР – несобственно-прямая речь; «-» знак отсутствия чужой речи).

Таблица

Чужая речь в критической статье

Тип статьи	Композиционные компоненты			
	Заголовок	Зачин	Основная часть	Концовка
Критическая статья	–	ПР ≈ 39% КР ≈ 8%	ПР ≈ 60% КР ≈ 42% НПР ≈ 35%	ПР ≈ 32% КР ≈ 5% НПР ≈ 13%

Итак, критическая статья – это тип статьи аналитического жанра французской прессы, рассчитанный на широкий круг читателей и в котором журналист дает свою оценку, главным образом, культурным событиям, происходящим в стране и мире. Для аргументации своей позиции автор статьи в разных композиционных компонентах прибегает к различным видам чужой речи, главным из которых является прямая речь.

Библиографический список

1. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
2. URL: [http // www.audipresse.fr](http://www.audipresse.fr) (дата обращения: 04.05.2014).
3. Charaudeau P. Les médias et l'information. Bruxelles: De Boeck, 2011. 250 p.

References

1. Tertychny A.A. Genres of periodical press: the manual. M: Aspect Press, 2000. 312 p.
2. URL: [http//www.audipresse.fr](http://www.audipresse.fr) (date of access: 04.05.2014).
3. Charaudeau P. Media and information. Brussels: De Boeck, 2011. 250 p.

УДК 81'367.634 (811.161+811.11)

*Каменский институт (филиал) ЮРГПУ имени
Платова*

*Канд. филол. наук,
доц. кафедры гуманитарных дисциплин и эконо-
номики*

*Панкратова Т.В.
Россия, г.Каменск-Шахтинский, тел. +7-928-
136-00-97;*

*e-mail: hhh23@mail.ru
Южный федеральный университет*

*Канд. филол. наук,
доц. кафедры английского языка*

*Шинкаренко Ю.В.
Россия, г.Ростов-на-Дону, тел. +7-989-710-57-
58;*

e-mail: jshinkarenko@yandex.ru

*Kamensk Institute (Branch) of SRSPU
The chair of Humanitarian Disciplines and
Economics, PhD*

*Associate professor
Pankratova T.V.
Russia, Kamensk-Shahtinskiy, tel. +7-928-
136-00-97;*

*e-mail: hhh23@mail.ru
Southern Federal University
The Chair of English Language, PhD
Associate professor*

*Shinkarenko J.V.
Russia, Rostov-on-Don, tel. +7-989-710-57-
58;*

e-mail: jshinkarenko@yandex.ru

Т.В. Панкратова, Ю.В. Шинкаренко

ПРОСТОЕ И СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗАМИ «AND», «BUT» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается специфика синтаксических отношений в простом и сложносочиненном предложении с сочинительными союзами «and», «but» на материале текстов-оригиналов и их переводов. Исследуются синонимика и изоморфизм данных конструкций в английском языке.

Ключевые слова: простое предложение, сложносочиненное предложение, союз, изоморфизм, синоним, перевод, предикативные части.

T.V. Pankratova, J.V. Shinkarenko

SIMPLE AND SYNDETIC COMPOSITE SENTENCES WITH THE CON- JUNCTIONS «AND», «BUT» IN ENGLISH LANGUAGE

The article is devoted to the problems of specific features of syntactic relations in a simple and syndetic composite sentence with co-ordinate conjunctions «and», «but» using the original texts and their translations. Synonyms and isomorphism of these constructions in English are studied.

Keywords: simple sentence, composite sentence, conjunction, isomorphism, synonym, translation, predicative parts.

Содержание определений «простое предложение» (далее ПП), «сложносочиненное предложение» (далее ССП) в англистике тождественно определениям данных синтаксических единиц в русском синтаксисе [3; 4]. В простом предложении (Simple Sentence) сочинительные союзы используются для связи однородных и (редко) неоднородных членов. ССП (Syndetic Composite Sentence) состоит из двух или более простых предложений, соединенных сочинительными союзами «and», «but», «or», «for», «yet», «so». Различным в ССП русского и английского языков является порядок слов. В ан-

глийском предложении постоянный, прямой порядок слов (сначала подлежащее, потом сказуемое в повествовательном предложении), а в русском – порядок слов свободный, что представлено и в предикативных частях ССП. Форма сказуемого второй части ССП зависит от формы сказуемого первой части.

В английском синтаксисе, так же как и в русском, ПП и ССП с сочинительными союзами изоморфны. Изоморфность конструкций заложена на уровне ментально-когнитивных знаний говорящего о мире, формируя одинаковые или близкие запреты и разрешения на сочетаемость разных синтаксических единиц [1; с. 8]. Простое осложненное предложение с сочинительным союзом может быть изоморфно ССП.

Так же, как и в русском языке, в английском некоторые сочинительные союзы многозначны [2].

«Co-ordinating conjunctions *and, but, for, or, so, yet, either...or* can be used for the purpose of addition (and), contrast (but, yet), choice (or), reason (for), continuation (and then) and consequence or result (so). However, a single conjunction like *and* can serve a variety of purposes to express: addition, result, condition, sequence, contrast» [5; с. 10-11]. Автор подчеркивает многозначность английских сочинительных союзов. «And», «but» выступают синонимами при передаче значения сопоставления, т.е. могут переводиться на русский язык союзом «а».

Союз «but» («но») является противительным и выражает значение противопоставления, независимо от лексического содержания частей ССП. Кроме того, как отмечает в своем исследовании Л. Карлсон, наиболее часто слово «but» используется как «but», фиксирующее «обманутое ожидание» (the contrary-to-expectation but) [6; с. 162]. В этом значении его синонимом является слово «yet» (однако, все же, несмотря на то, что...). Данное значение может быть передано и союзами «although» (хотя) или «despite» (несмотря на то...). В этих случаях союз «but» переводится на русский язык союзом «но».

Союз «and» («и», «а») имеет несколько значений. Во-первых, значение добавления, присоединения (в простом и сложном предложениях), заключая ряд однородных членов:

You have worked with it, and the muscles are more developed (A.C. Doyle) – *Вы работали ею (рукой. – Т.П.), и мускулы на ней развиты сильнее* (А.К. Дойл, перевод В. Штенгеля). В данном примере союз «and» = русскому союзу «и», а отношения – причинно-следственные.

Do not forget that there is one thing which is more valuable to a woman like me than her ease and that is her dignity (W.S. Maugham) – *Не забывайте, для такой женщины, как я, главное не комфорт, а достоинство* (С. Моэм, перевод М. Лорие). Здесь следует обратить внимание на то, что в подлиннике представлено сложносочиненное предложение, где нет отрицания (more valuable to a woman like me than her ease), а в русском варианте – ПП с союзом «а» и отрицанием (для такой женщины, как я, главное не комфорт). На наш взгляд, союз выполняет функцию присоединения, а не противопоставления (как в русском предложении). Ср.:

Не забывайте, что для такой женщины, как я, есть что-то более важное, чем комфорт, и это – достоинство. В таком варианте союз «а» невозможен. Здесь уже не ПП, а ССП.

Во-вторых, союз «and» выражает значение противопоставления. Например:

He wrote rather baggy gray shepherd's check trousers, a not over-clean black frock-coat, unbuttoned in the front, and a drab waist-coat with a heavy brassy Albert Chain, and a square pierced bit of metal dangling down as an ornament (A.C. Doyle) – *Его не слишком опрятный черный сюртук был растянут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный*

насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла (А.К. Дойл, перевод В. Штенгеля). В данном случае «and» можно заменить и союзом «и», но тогда исчезает значение сопоставления.

Союз «and» способен выражать временные, причинно-следственные отношения. В структуру значения союза времени входят семы одновременности действий, предшествования одного действия другому, следование одного действия за другим, где возможна адекватность как «и», так и «а». Здесь важно обратить внимание на лексическое содержание предложения. Например:

He meant to learn all he could from Jimmie Langton and then go to London (W.S. Maugham) – *Он намеревался научиться у Джимми Лэнгтона всему, чему можно, а (= и. – Т.П.)_затем уехать в Лондон* (С. Моэм, перевод Г. Островской). В данном случае союз «а» возможен только в сочетании с конкретизатором «затем», а союз «и» может функционировать как с ним, так и без него. То есть в русском и английском языках «а» («and») может вносить значение сопоставления, подчеркивать его, если оно выражено лексически. Здесь сопоставляется временной план предикативных частей. ПП изо-морфно ССП:

He meant to learn all he could from Jimmie Langton and then he was going to go to London – *Он намеревался научиться у Джимми Лэнгтона всему, чему можно, а (= и. – Т.П.)_затем он собирался уехать в Лондон.*

Для большей убедительности мы взяли для анализа тексты русских авторов и их переводы на английский язык, с одной стороны, и произведения английских и американских авторов в оригинале и переводе на русский язык.

По результатам сплошной выборки ССП с союзом «а» из произведения А.П. Чехова «В овраге» и перевода двух переводчиков (И. Литвинова и Д. Эндрю), удалось выяснить, что союз «а» соответствует разным союзам: Д. Эндрю чаще использует союз «and», а И. Литвинов предпочитает переводить союзом «but»:

Он не выражал ни удовольствия от того, что женится, женится скоро, на красной горке, ни желания повидаться с невестой, а только_посвистывал (А.П. Чехов) – *He expressed neither satisfaction that he was to be wed – and that very soon, at Easter – nor a desire to see his betrothed, but only went about whistling softly* (A.P. Chekhov, translated by I. Litvinov) – *He showed no pleasure at the thought of being married and being married soon, on the Monday after Quasimodo Sunday; he had no desire to see his betrothed, and only continued to whistle* (A.P. Chekhov, translated by J. Andrew). Отношения сопоставительно-ограничительные, союз «а» в одном переводе соответствует «but», в другом союзу «and». Конкретизатор сохраняется в обоих случаях. Видимо, основную смысловую нагрузку в данном случае несет конкретизатор «только» («only»), т.к. если убрать союз, смысл предложения не изменится, а контраст выражается в нем уже лексическим составом (не выражал ни удовольствия, ни желания повидаться, *только* посвистывал).

В результате сплошной выборки из текстов английских и американских авторов и их перевода на русский язык, союз «and» из 30 предложений переводится союзом «а» в 22 случаях, в 5 случаях он равен союзу «но» (мы не учитывали предложения с «and» = «и», так как чаще всего «and» соответствует в русском языке союзу «и»). Например:

Then, pray, sit down, and let us hear it, for there are several points on which I must confess that I am still in the dark (A. C. Doyle) – *Тогда, пожалуйста, садитесь, а мы слушаем некоторые детали, которые, признаюсь, я еще не совсем уяснил* (А.К. Дойл, перевод Н. Емельяниковой). В данном случае союзом «and» («а») выражены сопоставительные отношения, которые в подлиннике завуалированы. Союз «а» можно заменить и союзом-частицей «же». Ср.:

Тогда, пожалуйста, садитесь, мы же слушаем некоторые детали, которые, признаюсь, я еще не совсем уяснил. Смысл высказывания не изменился, но во втором случае актуализируется значение субъекта второй части за счет частицы-союза «же». Но в подлиннике отсутствует присутствующее в переводе сопоставление. Это происходит за счет акцентуации субъектов.

Однако очень часто разные переводчики не используют союза «а» вместо английского союза «and». Например, в текстах Э. По, В. Ирвинга и их разных переводах (для анализа мы взяли два варианта перевода каждого произведения) количество союзов не совпадает. В переводе «Короля Чумы», сделанного Э. Березиной, союз «and» часто не переводится на русский язык (60% из общего числа предложений с союзом «and»), а в переводе В. Рогова союз «and» всегда соответствует русскому «а». Например:

His nose remained buried in the mass of flesh which enveloped his round, full, and purple face; and his thick upper-lip rested upon the still thicker one beneath with an air of complacent self-satisfaction (Е.А. Рое) – *Нос утонул в круглом, пухлом, багровом лице; а толстая верхняя губа покоилась на еще более толстой нижней с видом самодовольной уверенности* (Э.А. перевод В. Рогова) – *Нос утонул в лиловых подушках щек; толстая верхняя губа, покаясь на еще более толстой нижней, придавала его лицу вид глубочайшего самодовольства* (Э.А. По, перевод Э. Березиной). На наш взгляд, более точным является вариант В. Рогова, так как в оригинале есть союз, и «а» здесь передает собственно-сопоставительные отношения. Без союза – обычное описание, перечисление фактов без какого-либо их сопоставления.

Приведем несколько примеров, где союз «and» соответствует в русском языке только «но». Например:

We went on jawing a bit, and then old Lawes called us from the terrace – said Esther had come, and wanted to see me (A. Christie, 1985: 7) – *Разговор продолжался, но вскоре старый Лоэс окликнул нас с террасы и сказал, что приехала Эстер и хочет меня видеть* (А. Кристи, перевод В.И. Габриэлян). Союзом «and» («но») выражены противительно-ограничительные отношения. Здесь одна из предикативных частей сообщает о ситуации, ограничивающей проявление действия, названного в другой части. Важную роль играет конкретизатор «then» («вскоре»). Вторая предикативная часть вносит в содержание первой делимитативное значение. Еще один пример:

I sat next to Rachel at dinner, and as I looked up and down the long table a queer feeling came over me (A. Christie) – *За ужином я сидел рядом с Рэчел, но всякий раз, когда я поднимал голову и глядел вдоль длинного стола, меня охватывало странное ощущение* (А. Кристи, перевод В.И. Габриэлян). Союз «и» тоже возможен, так как различие в субъективной оценке событий, о которых сообщается в предикативных частях, здесь ощущается за счет контекста.

Вот пример русского ССП и его перевода:

Как скоро графиня уедет, ее люди, вероятно, разойдутся, в сенях останется швейцар, но и он обыкновенно уходит в свою каморку (А.С. Пушкин, 1987: 201) – *As soon as the Countess leaves, her servants are sure to go away; there will be only the doorman in the porch, and he usually goes into his own little room* (A.S. Pushkin, translated by I. Zheleznova). Союз «но» («and») отражает противительно-уступительную семантику. Здесь на первый план выдвигается семантика обманутого ожидания, он не синонимичен союзу «а», но его можно заменить союзом «хотя» («though»).

Следовательно, союз «and» («а») в английском языке более зависим от контекста, чем «and» («и»). «And» в значении собственно сопоставительном, на наш взгляд, фиксирует те отношения, которые могут выражаться за счет конкретизаторов, видо-временных форм глаголов-сказуемых предикативных частей и вместе с тем актуализирует, усиливает сопоставительную семантику.

Однако «and» может быть равен «а» и в тех случаях, когда «а» = «же» = «и», т.е. союз не несет основную смысловую нагрузку в определении типа синтаксической связи предикативных частей. То же самое происходит и в случаях, когда «and» соответствует «но».

Теперь перейдем к анализу союза «but» («а», «но»). Интересны результаты анализа сплошной выборки из произведений С. Моэма «Театр», В. Ирвинга «Рип Ван Винкль», Э. По «Король Чума», «В овраге» А.П. Чехова, «Пиковая дама» А.С. Пушкина и «Лолиты» В. Набокова.

В произведениях С. Моэма, Э. По, В. Ирвинга 99% предложений (ПП и ССП) с союзом «but» соответствуют синтаксическими конструкциями с союзом «но», и лишь 1% составляют предложения, в которых «but» переводится союзом «а» (в таких предложениях, как правило, «а» = «но»):

Julia gave the young man a delightful, but (= but still. – Т.П.) slightly deprecating smile (W.S. Maugham) – Джулия улыбнулась юноше очаровательной, но (= но все же. – Т.П.) чуть-чуть извиняющейся улыбкой» (С. Моэм, перевод Г. Островской). Здесь союз передает противительно-уступительные отношения, мы также можем подставить конкретизатор *все же*. «А» в данном случае невозможен, однако, в сочетании со словом «все же» союз «а» может быть использован. Ср.:

Джулия улыбнулась юноше очаровательной, а (= и. – Т.П.) все же чуть-чуть извиняющейся улыбкой. То есть оттенок уступительности ограничивает возможности союза «but». Возможна замена ПП на ССП. Ср.: *Julia gave the young man a delightful, but (= but still. – Т.П.) her smile was slightly deprecating.* ПП и ССП изоморфны. Еще примеры:

She gathered that one or two of the girls had been rather inclined to make nuisances of themselves, but he (= but just. – Т.П.) thought it was a terrible mistake to get mixed up with any of the actresses a chap was playing with (W.S. Maugham) – Она постепенно выяснила, что некоторые из молодых актрис были склонны ему докучать, но (= а, но однако. – Т.П.) он считал, что связываться с женщинами из своей труппы – страшная ошибка (С. Моэм, перевод Г. Островской);

He shrugged his shoulders, shook his head, cast up eyes, but said nothing (W. Irving) – Он пожимал плечами, качал головой, поднимал глаза к небу, но (= но только. – Т.П.) не произносил ни слова (В. Ирвинг, перевод О.Холмской). В данных конструкциях союз выражает противительно-ограничительные отношения.

В тексте А.П. Чехова союзы «а», «но» почти всегда переводятся на английский язык союзом «but» (95% из общего числа предложений). Например:

Он был родом из Егорьевского уезда, но (= хотя, однако. – Т.П.) с молодых лет работал в Уклееве на фабриках и в уезде и прижился тут (А.П. Чехов) – He was from Yegoryevsk district, but (= though, still. – Т.П.) had worked in the mill at Ukleyevo and in the neighborhood from his youth, and felt he belonged to the place (А.П.Чехов, translated by I. Litvinov) – He was a native of the district of Egoriev, but (= though, still. – Т.П.) he had worked since the days of his youth in the factories of Ukleyevo (А.П. Chekhov, translated by J. Andrew). Здесь отношения противительно-уступительные. Основное значение союза «но» («but») – обманутого ожидания сохраняется (был родом из Егорьевского уезда, но с молодых лет работал в Уклееве). Еще пример:

Я не знаю, какая там рубашка, а (= но. – Т.П.) только почему-то так меня и тянет к ней: краденая, и все тут (А.П. Чехов, 1979, т. 2: 333) – I don't know, I have an eye, I suppose, I know nothing about the shirt, but it kind of draws me (А.П. Chekhov, translated by I. Litvinov) – I know nothing about the shirt, but somehow I am drawn toward it; it is stolen, and that is all (А.П. Chekhov, translated by J. Andrew). В предложении отношения проти-

вительно-ограничительные выражены союзом «а» + конкретизатор «только». Союз «а» синонимичен «но». Ср.:

Черты ее изобразили сильное движение души, но она скоро впала в прежнюю бесчувственность (А.С. Пушкин) – *Some powerful emotions showed itself on her face, but very soon she sank back into her former apathy* (A.S. Pushkin, translated by I. Zheleznova). Отношения обманутого ожидания ярко выражены союзом «но» («but»). «Но» не синонимичен другим союзам.

У В. Набокова «but» в 45% случаев переводится автором союзом «а», в остальных примерах – «но». Возможно, это связано со смысловым и эмоциональным содержанием текста и не зависит от особенностей употребления данных союзов в английском языке. Например:

The elation with which the vision of new delights filled me not horrible but pathetic (V. Nabokov) – *Ликование, которое возбуждало во мне предвкушение повторных утех, было не мерзким, а жалким* (В. Набоков). Союз передает сопоставительное значение; «а» не синонимичен «но», он усиливает значимость утверждаемого при противопоставлении. Ср.:

The explosion hurt no one (except that it knocked out game Colonel Lacour; but (= but still. – Т.П.) the lady's vengeful lover ran when the others ran – and lived happily ever after (V. Nabokov) – *Взрыв, однако, никому вреда не нанес (если не считать того, что нокаутировал доблестного полковника Лякура); а (= но, но однако. – Т.П.) мстительный любовник кинулся бежать, когда кинулись бежать остальные, после чего прожил долгую и счастливую жизнь* (В. Набоков). Союз «а» = «но», отношения противительно-уступительные.

Иногда союз «but» может быть несинонимичен «а», равен только «но». Это возможно при сопоставлении повторяющихся элементов предикативных частей, иногда при имплицитности повтора:

This I confess under torture. Imaginary torture perhaps but all the more horrible (V. Nabokov) – *Делаю это признание под пыткой: может быть, пыткой воображаемой – но тем более ужасной* (В. Набоков). Здесь союз «но» передает отношения противительные. То же самое наблюдается и при таком же повторе в русском языке.

По результатам сплошной выборки из текстов подлинников А. Кристи и А.К. Дойла (примерно 100 страниц в сумме – 64 предложения) союз «but» чаще всего соответствует союзу «но» = 40 предложений. Например:

I have been a governess for five years», said she, «in the family of Colonel Spence Munro, but (= but just. – Т.П.) two months ago the Colonel received an appointment at Halifax, in Nova Scotia, and took his children over to America with him, so that I found myself without a situation (A.C. Doyle) – *В течение пяти лет я была гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, но (= но однако. – Т.П.) два месяца назад полковник получил назначение в Канаду и забрал с собой в Галифакс и детей. Я осталась без работы* (А.К. Дойл, перевод Н. Емельяниковой). Данный вариант неточен с точки зрения лексики и синтаксиса, однако переводчику удалось передать отношения противопоставления. Здесь то, что оценивается адресатом положительно, противопоставлено отрицательно оцениваемому событию. Союз передает ограничительные отношения.

В некоторых редких случаях союз «but» соответствует в русском языке союзу «а»:

I've told you about this dream of mine, not because it has anything to do with what happened after (at least, I suppose it hasn't), but because it's the jumping off point, as it were (A. Christie) – *Я рассказала тебе об этом сне не потому, что он связан с тем, что случилось, я даже думаю, никак не связан, а (=но. – Т.П.) потому, что с него-то все и пошло* (А. Кристи, перевод В.И. Габриэлян). В предложении сопо-

ставляются две ситуации вне их оценки со стороны говорящего. И, следовательно, такой вариант адекватен подлиннику, хотя здесь «а» равен «но» в силу присутствия в первом сочиненном компоненте отрицания.

Таким образом, союз «but» соответствует русскому «но» и выражает чаще всего отношения противительные, противительно-ограничительные, противительно-уступительные. «But» в значении «а» выражает сопоставительные отношения, которые зачастую уже видны за счет лексического содержания предикативных частей предложения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что союз «and» соответствует в русском языке союзу «и» при выражении соединительных, причинно-следственных отношений и союзу «а» для выражения сопоставительных отношений в ПП и ССП. Иногда, очень редко, «and» передает противительные отношения, как и русский союз «но». На периферии семантики союза «and», на наш взгляд, находятся сопоставительное и противительное значения («а», «но»).

Союз «but» выражает противительные отношения, как и «но», может соответствовать русскому «а», когда в предложении лексически сопоставляются две ситуации. Можно сказать, что в английском языке союзы «and», «but» способны выражать одинаковые отношения в синтаксических конструкциях, т.е. могут быть синонимами. На периферии семантики союза «but» находится значение сопоставления («а»).

В русском языке противительно-сопоставительные отношения могут быть в некоторых случаях выражены не только союзом «но», но и союзом «и».

Библиографический список

1. Гаврилова Г.Ф. Синтаксис предложения. Ростов-н/Д, 2005. 168 с.
2. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. 226 с.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Поченцев Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 284 с.
4. Крылова И.П., Гордон Е.М. Грамматика современного английского языка: Учебник для институтов и фак. иностр. яз. 6-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 448 с.
5. Alexander L.G. Longman English Grammar. – Pearson Education Limited, Edinburgh Gate, Harlow, England, 2005. 375 p.
6. Carlson, Lauri. Dialogue Games. An Approach to Discourse Analysis. Part 2, Ch.2. Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1985. 456 p.

References

1. Gavrilova G.F. Syntax of a Sentence. Rostov-on-Don, 2005. 168 p.
2. Zaliznjak A.A., Levontina I.B. Key Ideas of Russian Language World's Picture. M.: 2005. 226 p.
3. Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pochentcev G.G. Theoretical Grammar of the Modern English Language. M.: Higher School, 1981. 284 p.
4. Krylova I.P., Gordon E.M. Modern English Grammar: Textbook for foreign language institutes. 6th ed. M.: Book House «University», 2000. 448 p.
5. Alexander L.G. Longman English Grammar. – Pearson Education Limited, Edinburgh Gate, Harlow, England, 2005. 375 p.
6. Carlson, Lauri. Dialogue Games. An Approach to Discourse Analysis. Part 2, Ch.2. Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1985. 456 p.

УДК 800(075.8)

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Канд. филол. наук, доц. кафедры немецкого языка

Лоцманова Ю.А.

Россия, г. Самара, тел +7 (846) 9990914

e-mail: yultschik@yandex.ru

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The chair of German Language, PhD, associate professor

Lotsmanova Iu .A.

Russia, Samara, tel. +7 (846) 9990914

e-mail: yultschik@yandex.ru

Ю.А. Лоцманова

НЕМЕЦКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена анализу когнитивного значения немецких фольклорных имен в поликодовых текстах различных видов современного дискурса.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, поликодовый текст, дискурс, имя собственное.

Iu.A. Lotsmanova

GERMAN FOLKLORE PROPER NAMES IN POLYCODE TEXTS

The article deals with analysis of cognitive signification of German folklore proper names in polycode texts of various kinds of modern discourse.

Keywords: cognitive linguistic, polycode text, discourse, proper name.

Объектом нашего исследования выступают имена собственные, зафиксированные в немецких эпических и фольклорных произведениях, первые упоминания о которых относятся к 13 веку. Речь идет о сказках, собранных братьями Гримм и эпосе «Песнь о нибелунгах». Наше исследование основывается на положении о существовании у данных имен когнитивного значения, которое они приобрели в процессе функционирования в названных произведениях. Поясним, что их когнитивное значение было установлено в результате анализа всех качественных характеристик персонажей, именуемых этими антропонимами. Вследствие неоднородности выявленных характеристик когнитивное значение имен представлено как совокупность его отдельных единиц. Само же имя, прошедшее таким образом начальный этап апеллятивации, по законам оформления словарных статей условно можно представить в виде слова с несколькими рубриками. Итак, мы пришли к выводу, что имена Siegfried, Kriemhild, Brunhild, Gunther, Hans, Gretel обладают следующими единицами значения:

Siegfried = 1.Средневековый германский король. 2.Рыцарь, защитник. 3.Жертва предательства близких людей и зависти недругов 4.Незаурядный ум. 5.Талант воина. 6.Смелость. 7.Благородство. 8.Сила, мощь.

Gunther = 1.Слабохарактерность 2.Подлость.

Kriemhild = 1.Средневековая германская королева 2.Безутешная вдова 3.Красота. 4.Мстительность.

Brunhild = 1.Средневековая германская королева. 2.Огромная физическая

сила 3. Несносный характер.

Hans = 1. Крестьянин/слуга 2. Молодость (в некоторых сказках – мальчик, зрелый мужчина) 3. Сила. 4. Находчивость 5. Нестандартное мышление (клоун, комик) 6. Неудачник.

Gretel = 1. Светловолосая крестьянка 2. Молодость (девушка /девочка) 3. Красота 4. Находчивость 5. Спутница Ганса.

Способность этих имен «указывать на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [1; с. 149] обозначаемого ими объекта приводит к мысли о их символической природе. А как известно, представляя собой «свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранящиеся в устной памяти коллектива», символы содержат в себе большой «смысловый резерв» [2; с. 147]. Именно смыслы, заложенные в вышеупомянутых именах, создают предпосылки для их использования не только в обиходном и художественном, но и в других видах дискурса: компьютерном, рекламном, астрономическом, дискурсе моды, техники и т.д.

Проанализируем функционирование имен-символов в современных поликодовых текстах.

Отметим, что на данном этапе под поликодовым текстом, вслед за Александром Геннадьевичем Сониным мы понимаем «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [3; с.117].

Наиболее интересными для анализа системами, использующими разнородный знаковый материал, Ролан Барт назвал те, которые относятся к социологии массовой коммуникации. «В телевидении, кино, в рекламе возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [4; с.124].

Основываясь на данном положении Р. Барта, мы обратились к поликодовым текстам, принадлежащим массовой коммуникации, и методом сплошной выборки выявили следующие примеры употребления в них фольклорных имен.

Наибольшую частотность в современном немецком дискурсе демонстрируют имена Siegfried и Gretel, многократно употребляющиеся в разнообразных видах дискурса для обозначения различных порой непредсказуемых предметов.

Так, имя Siegfried встречается в энциклопедических текстах военного дискурса, где обозначает орудие особой мощности (Рис.1), в аннотациях к компьютерным программам и техническим новинкам, обладающим сверхвозможностями.

*Немецкая артиллерия
большой и особой мощности + 63ay-2*

38-см железнодорожная установка "Зигфрид"

38-см железнодорожная установка «Зигфрид» в качестве начальной части имела 38-см морскую пушку SKC/34. Пушки такого типа были установлены на линкорах типа «Бисмарк». Лафет пушки имел двойной откат. Механизмы наведения и открывания затвора имели электрический привод. Транспортёр опирался на две восьмисосные тележки. В боекомплект пушки входили тяжелый и легкий фугасный снаряды.

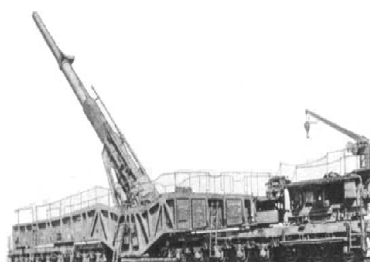

Рис.1. Железнодорожная установка «Зигфрид» [5]

Имя Siegfried выходит за рамки немецкоязычной лингвокультуры, однако, реализуемые единицы значения не выходят за рамки вышеуказанных. И, на первый взгляд, немотивированное наименование именем Siegfried мебельного мягкого уголка (Рис.2) становится очевидным при предъявлении фото этой мебели: основательной, крепкой, надёжной.

Рис.2. Мягкая мебель «Зигфрид» [6]

Примером использования имени Siegfried в поликодовом тексте кинематографического дискурса может служить наименование героя известного в 70-е годы голливудского сериала «Get Smart». Этот герой явил собой не только комедийный образ злодея, но и стал «великолепной голливудской пародией на немцев и все классические мотивы, связанные с Германией и Второй мировой войной» [7]. Обыгрывание пародии на немцев посредством имени Зигфрид стало возможным только благодаря тому, что в когнитивном значении этого имени содержится единица со значением «истинно немецкий, германский».

Чтобы продемонстрировать употребление интересующих нас имен в поликодовых текстах рекламного дискурса, обратимся к текстам с именем Гретель. С первого взгляда, странным может показаться его использование при наименовании фасона кофты (Рис.3) или модели детского велосипеда (Рис.4). Однако фотографии этих предметов поясняют, что в основе их наименования лежат простота и близость к народу: незатейливый фасон кофты и маленький велосипед без дополнительных технических приспособлений.

Рис.3. Кофта ««Gretel»» [8]

Рис.4. Велосипед ««Gretel»» [9]

По тому же принципу выбрано и наименование бельгийской текстильной фабрики. На связь названия этой текстильной компании германской сказочной Гретель указывает изображение пряничного домика (Рис.5). К тому же известно, что обработка тканей всегда являлась занятием крестьян.

Рис.5. Логотип текстильной фабрики «Grettel» [10]

Мотивом наименования белых кабачков, выведенных американскими селекционерами, антропонимом Gretel послужили светлые волосы сказочной героини с этим именем.

All-America Selections - 2009

Photo of Eggplant F1 'Gretel' © All America Selection.

Eggplant F1 'Gretel' may not look like what you think of as an eggplant!

Each year hundreds of new flower and vegetable plants are trialed and judged by independent, unpaid judges of All America Selections (AAS®). To find new seed grown plants with superior growth habits, adaptability, color, scent, taste and overall performance. Here are the best of the best for the 2009 season.

Рис.6. Кабачки «Gretel» [11]

Сделанные наблюдения о функционировании фольклорных символических имен собственных в поликодовых текстах различных дискурсов приводят к выводу о том, что столкновение в плоскости поликодового текста фольклорного имени-символа, обладающего определенным набором значений, и визуального образа, вновь названного этим именем предмета, побуждает воспринимающее сознание переключиться с одного типа дискурса на другой и начать работу с их кодами. При этом явно ощутимым становится взаимодействие различных систем знания и культурных кодов, что, по мнению В.Е. Чернявской, является признаками интердискурсивности [12; с.112]. Сознание реципиента в данном случае вынуждено переключаться в иное пространство, выискивать в своих хранилищах памяти прототипический образ этого имени, определяя одновременно весь арсенал составляющих его когнитивного значения, и идентифицировать с ним вновь обозначаемый предмет. Таким образом, мы приходим к выводу, что фольклорное имя-символ в поликодовом тексте выступает маркером интердискурсивности.

Теория интердискурсивности позволяет в новом свете взглянуть на поликодовые тексты. Вслед за В.Е. Чернявской мы полагаем, что как поликодовый текст можно рассматривать любой текст, в котором взаимодействуют различные дискурсы [12; с.109]. Следовательно, как поликодовый текст выступает целая серия очень популярных в Германии книг немецкого психолога Стефана Фрэдриха (Dr. Stefan Frädrich) «Günter, der innere Schweinehund», издающихся с 2004 года [13]. Их главный герой - воплощение всех низменных мотивов человека - носит имя Gunther. Интересным примером из астрономического дискурса служит текст, в котором встречается название Brunhild для астероида с мощными физическими свойствами, открытого в 1872 году американским астрономом немецкого происхождения Кристианом Петерсом. В документах гитлеровцев в качестве тайного кодового обозначения военной операции при отступлении гитлеровских войск с Кубани в 1943 году, смысл которой заключался в сожжении дотла всего, что оставалось после них, [14] используется имя Kriemhild.

Благодаря анализу функционирования имен-символов в поликодовых текстах с позиции интердискурсивности становится очевидным, что их употребление в поликодовых текстах выступает признаком инсценируемой интердискурсивности. Автор использует данные имена, чтобы осознанно и целенаправленно решить задачу формулирования своего текста.

При использовании фольклорных имен в поликодовых текстах наблюдаются интегративные отношения между вербальной и визуальной составляющей, т.к. в их взаимодействии рождается новый смысл текста, который не равен отдельно взятому смыслу его компонентов.

Библиографический список

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
3. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. М., 2005. №6. С. 115-123.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
5. <http://deutschewaffe.narod.ru/siegfried.htm>.
6. <http://www.offmebel.ru/mebel/soft/83>.
7. <http://corps-is-koenig.ucoz.ru/index/0-15>.
8. <http://store.cocoknits.com/products/gretel.html>.
9. http://www.ab-bike.com/bernds_324/folding-bike-city-bike_gretel_739.html.
10. <http://www.grettel.com/>.
11. <http://gardening.about.com/od/allamericaannuals/ig/2009-All-America-Selections/>.
12. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность // Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
13. <http://www.guenter-antwortet.de>
14. <http://kraj-kuban.by.ru/economy-6.htm>

References

1. Gudkov D. Theory and Practice of Intercultural Communication. M., 2003. 288 p.
2. Lotman Yu. M. Inside the Intellectual Worlds. Human - Text – Semiosphera. History. M., 1996. 464 p.
3. Sonin A.G. Experimental Study of polycode texts: the main directions. // Problems of Linguistics. M., 2005. № 6. P. 115-123.
4. Bart R. Selected Works. Semiotics. Poetics. M., 1989. 615 p.
5. <http://deutschewaffe.narod.ru/siegfried.htm> установка
6. <http://www.offmebel.ru/mebel/soft/83> мебель
7. <http://corps-is-koenig.ucoz.ru/index/0-15>
8. <http://store.cocoknits.com/products/gretel.html> кофта
9. http://www.ab-bike.com/bernds_324/folding-bike-city-bike_gretel_739.html
10. <http://www.grettel.com/>
11. <http://gardening.about.com/od/allamericaannuals/ig/2009-All-America-Selections/> кабачки
12. Chernjavskaia V.E. Text Linguistics: Polikodovost, Intertextuality, Interdiskursivnost. M., 2009. 248 p.
13. <http://www.guenter-antwortet.de>
14. <http://kraj-kuban.by.ru/economy-6.htm>

УДК 811.11

Московский городской педагогический университет
Канд. филол. наук, проф. кафедры немецкого языка и современных технологий обучения
Института иностранных языков
Беляева М.В.
Россия, г. Москва, тел.: +7 (910) 473 63 84
e-mail: beljaeva-mv@mail.ru

Moscow city pedagogical university
The chair of German language and modern pedagogical technologies
Institut of Foreign Languages
PhD, professor
Belyaeva M.V.
Russia, Moscow, tel.: +7 (910) 473 63 84
e-mail: beljaeva-mv@mail.ru

М.В. Беляева

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИНТАКСИСЕ УСТНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются некоторые синтаксические особенности устного дискурса. Особое место занимает вопрос об актуализации временных отношений в устном высказывании, которые формируются под воздействием языковой экономии или языковой избыточности.

Ключевые слова: языковая экономия, языковая избыточность, актуализатор, временные отношения.

M.V. Belyaeva

ACTUALIZATION OF SPATIAL-TEMPORAL RELATIONS IN THE SYNTAX ORAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF GERMAN LANGUAGE)

The article deals with some syntactic features of oral discourse. The special place occupies the question about the actualization of spatial-temporal relations in the oral statement, which are formed under the influence of the language of savings or language redundancy.

Keywords: language savings, language redundancy, actualization, time-space relationship.

Специфика синтаксиса в устном дискурсе, как известно, обусловлена особенностями функционирования устной речи: спонтанностью, непринужденностью, ситуативной обусловленностью, неофициальностью, что собственно является экстралингвистической характеристикой устного дискурса как такового. Синтаксис устных высказываний формируется, прежде всего, под воздействием тенденций к языковой экономии и языковой избыточности. Экономия и избыточность языковых средств напрямую связаны с потребностями коммуникации, с противоположностью интересов говорящего и слушающего. Цель адресанта заключается в стремлении возбудить в адресате те же представления, что и у него самого, вовлечь его в процесс коммуникации, воздействуя на эмоциональную или рациональную сферу его речемыслительной деятельности [1]. При этом, как доказано многими исследователями коммуникативного процесса, адресант стремится к максимальной экономии умственной и физической деятельности, а также к экономии средств выражения при сохранении соответствующего объема информации. Это становится возможным при наличии общей апперцепционной базы у партнеров по коммуникации, конситуации (понятие Е.А. Земской), визуального кон-

такта, позволяющего включать и невербальные средства коммуникации [5]. Таким образом, складывается устный дискурс, состоящий из вербальных и невербальных компонентов, представляющий поликодовую, или креализованную, систему (рассмотрение поликодности устного дискурса мы не включаем в настоящую работу, поскольку это отдельный аспект исследования).

Адресат, напротив, заинтересован в более полной вербализации содержания, в чем сказывается экономия его умственных усилий для декодирования получаемой информации, – он как бы устанавливает предел экономии адресанта. Получается, что чем больше невербальных средств коммуникации участвует в формировании устного дискурса при наличии визуального контакта, тем больше вероятность экономии языковых средств говорящим, если в акте коммуникации реализуются лишь бытовые, утилитарные задачи. Такого рода экономия языковых средств называется В.Д. Девкиным «количественной» экономией [2; с. 58] и приводит к опущению, совмещению сегментных средств, к упрощению структуры, а также к неполноте, эллиптичности высказываний. Приведенные здесь характеристики устных высказываний обуславливают и определенную форму актуализации временных отношений.

Как известно, актуализаторами временных отношений выступают как временные формы глаголов, так и различного рода адвербиалии (адвербиальные маркеры), указывающие на то, когда, в какой отрезок времени происходят события и действия, о которых идет речь. Эти средства вместе образуют временной дейксис, с помощью которого происходит локализация события или действия во времени. При этом актуализация временных отношений зависит от степени экономии или избыточности языковых средств. В стереотипной ситуации (конвенциональной или институциональной) при заданной теме, при знании конситуативных составляющих может наблюдаться высокая степень экономии языковых средств, например:

- *Warum nicht?*

- *Keine Zeit. Wie immer.*

Понятно, что, не зная ситуации, не имея представления о партнерах и их статусных ролях, т.е. не понимая сферы и среды общения, данный фрагмент устного дискурса мы вряд ли можем достоверно интерпретировать. Актуализация временного дейксиса в подобных высказываниях осуществляется имплицитно, поскольку здесь нет ни временной формы глагола, ни адвербиалий времени. Функционально значимым становится момент речи, одновременно и точка отсчета для формирования временного дейксиса, и в таком случае можно говорить о нулевом актуализаторе, который априори понимается как «здесь» и «сейчас», если другого не дано.

Если изменяются экстралингвистические условия общения или параметры коммуникации, степень языковой экономии также меняется. Как известно, границы между диалогом и монологом в устном общении нечетки; этому способствует и тот факт, что монолог в речи всегда обращён к потенциальным участникам коммуникации, которые могут включаться в речевой процесс с помощью вербальных или невербальных средств в режиме он-лайн [3].

Увеличение доли монологической речи в устном дискурсе приводит к пространности высказываний, описательности, детализации. В монологическом дискурсе увеличивается доля эксплицитно выраженных элементов в высказываниях, что не может не отразиться и на способах актуализации временного дейксиса. Варьирование возможно относительно точки отсчета, совпадающей с моментом речи: событие, о котором идет речь, либо предшествует моменту речи, либо следует за моментом речи. Тогда употребляются формы прошедшего времени и по преимуществу форма настоящего времени для указания на события ближайшего будущего. Формы футурума I и особенно футурума II весьма редко используются носителями языка в устном спонтанном общении.

Например, в ниже приведенном фрагменте дискурса речь идет о событии в недалеком прошлом. В вопросе первого коммуниканта обозначается точка отсчета – сейчас, в настоящий момент, дается зачин беседы с помощью наводящего вопроса (*können Sie erzählen?*); далее момент речи, совпадая с точкой отсчета, находится после момента события, и основным актуализатором временного дейксиса является глагольная форма претерита (формы выделены жирно):

A) *Können Sie mal von dem Vorjahr, ich weiß nicht, wie Sie's nannten, praktisches Jahr, etwas (ja) erzählen?*

B) *Das war ein-- ein Praktikum im ländlichen Haushalt mit-- in einer sehr kinderreichen Familie in der Südheide.*

Dort war ich mit einem zweiten weiblichen Lehrling zusammen, und wir wechselten uns wochenweise ab in der Küchenarbeit und in der Kinderarbeit, die dann auch noch gleichzeitig die Gartenarbeit mit einschloß.

В нижеследующем фрагменте речь идет о событии, которое должно произойти буквально через несколько минут – описывается спортивное состязание, которое начинается спустя три минуты после свистка. Момент речи и точка отсчета совпадают. Событие представлено и как имеющее место в ближайшем будущем, и как повторяющееся в описанных условиях, т.е. на грани настоящего и будущего. Актуализатором временного дейксиса является форма презенса и выступающая вместе с ней адвербиалия *in drei Minuten* (через три минуты), обуславливающая восприятие презенса как футуристического. В следующем высказывании происходит то же самое: с помощью комплексной абвербиалии времени – придаточное времени, введенное союзом *wenn* – презенс осуществляет указание на предстоящее действие, которое совершится, однако, не после момента речи, а после события, представленного в придаточном. Оба коммуниканта находятся *здесь* и *сейчас*, то есть в плоскости сиюминутной речи, и соответственно дискурс осуществляется в режиме настоящего времени.

Und zu Anfang werden drei Minuten gepfiffen, das bedeutet, in drei Minuten beginnt das Spiel.

Und wenn die drei Minuten um sind, läuft die erste Mannschaft ein, und sie steckt sozusagen ihre Köpfe zusammen, und denn wird ein ((Pause)), wie soll ich sagen, ein ((Pause)) Ruf getan, wenn ich mich mal so ausdrücken darf[mhmh]...

Избыточность языковых средств в устном дискурсе объясняется и универсальным характером построения устно-разговорной речи как таковой. Устная речь строится линейно, т.е. высказывания формируются как бы циклами, а не в один этап. Это свойство устной формы общения было отмечено, в частности, О.А. Лаптевой на материале русской разговорной речи. Она писала, что говорящий в силу свойств оперативной памяти и закона глубины высказывания должен доносить свое сообщение по частям, разворачивая речь в физическом времени и поэтому разделяя ее на отдельные порции-сегменты [6; с. 82]. Говорящий произвольно выстраивает эти сегменты речи, при этом их подвижность способствует изменению структурной формулы высказывания в любой момент. При этом велика роль ассоциативного мышления, что позволяет в процессе говорения добавлять новые сегменты, которые, видимо, являются результатом автоконтроля и учета принципа обратной связи с адресатом, т.е. самоконтролем за поступлением актуальной информации, что и приводит к избыточности языковых средств.

Названные нами принципы формирования устного синтаксиса предопределяют особенности построения высказываний в устном дискурсе:

1. Стереотипный конвенциональный (заранее установленный и принятый участниками коммуникации) дискурс – развертывается в условиях, когда коммуникативная

деятельность непосредственно обусловлена социальными ролями участников, например, в банке, поликлинике, на официальной встрече и т.д. При этом можно дифференцировать жестко и не жестко регламентированные стереотипные дискурсы. Их характеристиками являются, прежде всего, стереотипные правила и нормы речевого и неречевого поведения. При этом стереотипность предполагает употребление клише и фразеологизмов, устойчивых синтаксических конструкций, что позволяет экономно в плане выбора языковых средств осуществлять общение в однотипных ситуациях. Таким образом, клишированные конвенциональные фрагменты устного дискурса хранятся в нашей памяти в готовом виде [8; с. 25-29]. К числу таких стереотипизированных конструкций следует отнести приветствие, прощание, представление друг другу, запрос информации и т.д. В немецком языке такими конвенциональными клише являются структуры, типа: *es freut mich, Sie wiederzusehen; was wünschen Sie?; kann ich Ihnen helfen?; ich hätte eine Frage* и т.д.

С позиций актуализации временных отношений в подобных конвенциональных фрагментах дискурса можно отметить закрепленность за каждым определенным речевым актом определенной системы отсчета времени. Как правило, в подобных речевых актах точка отсчета представляет собой совпадение момента речи и момента события, т.е. на временной оси высказывание характеризуется семантикой симультанности, или синхронностью.

В грамматической форме клишированных высказываний находит отражение система временных отношений, в том числе и во временных формах глагола. Например, при совпадении момента события и момента речи, что является наиболее распространенным сочетанием в конвенциональном дискурсе, употребляются формы индикатива презенса или вежливого конъюнктива, который также выражает совпадение моментов события и речи (***Kann ich ihnen helfen? Ich hätte eine Frage an Sie. Würden Sie meine Bitte weiterreichen***). В русской разговорной речи отмечается та же тенденция. Таким образом, симультанность можно признать отличительной чертой временной характеристики конвенционального дискурса.

2. Неконвенциональный дискурс – не связан с заданной ситуацией, полностью определяется моментом коммуникации. При недостатке времени на обдумывание в развертывании такого дискурса возможны нечеткость, расплывчатость высказывания, самоперебивы, деформации структуры высказывания.

Неконвенциональный дискурс может характеризоваться снижением роли формально-структурной организации устного высказывания и – как результат – превалированием его семантического аспекта над формальным аспектом, которое благоприятствует возникновению языковой компрессии, асимметричных структур, различных структурных деформаций при сохранении существующей информации высказывания. Нерасчлененное представление содержательного аспекта высказывания способствует появлению построений с нулевыми синтаксическими скрепами (иначе: бессоюзие, которое в концепции Е.Ф. Кирова заменяется сложными предложениями с нулевыми союзами [7]). Там, где имеет место экономия языковых средств, можно говорить о наличии нулевых актуализаторов временного дейксиса, о чем уже говорилось выше.

Разговорная специфика устного дискурса особенно ярко проявляется в речи адресанта, если он пребывает в эмоциональном, возбужденном состоянии. Его речь при этом сопровождается проявлениями сиюминутных настроений, что находит выражение в отборе как вербальных, так и невербальных средств, результатом чего является устный поликодовый (креализованный) текст.

В отношении неконвенционального дискурса складывается менее четкая картина актуализации временных отношений. Слишком много факторов влилингвистического свойства вступают в игру и обуславливают специфику грамматического оформления

высказываний. Здесь уместно говорить о преимущественной сукцессивности в семантике монологического дискурса, когда событие, о котором может идти речь, разворачивается последовательно на оси времени и точки соотнесения и момента речи и реально-го события не совпадают.

Библиографический список

1. Борисова Е.Г. Средства экспликации связи предложений (бессоюзные предложения, частицы, союзы) // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Выпуск 1. Материалы научной конференции. М.: Русский учебный центр, 2000. С.52-56.
2. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 256 с.
3. Йотов Ц.Д. Некоторые структурно-функциональные характеристики диалога: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1977. 25 с.
4. Киров Е.Ф. Языковые нули // Русистика и компаративистика: Сб. науч. статей. Вильнюс-Москва: ВПУ и МГПУ, 2007. С. 215-225.
5. Колшанский Г. В. Паралингвистика. М.:УРСС, 2008. 96 с.
6. Лаптева О.А. Дискретность в устном монологическом тексте // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 77-105.
7. Носенко Э.Л. Исследование речи в состоянии эмоционального стресса как средство выражения некоторых тенденций в области строевого и актуального синтаксиса разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1978. Ч. 2. С. 70-75.
8. Салмина Л.М. Коммуникация. Язык. Мышление. Казань: Изд-во «ДАС»1, 2001. 169 с.

References

1. Borisova E.G. Communication means explication proposals (asyndetic proposals particles unions) // Complex sentence: the traditional theory and describe new aspects of his study. Issue 1. Proceedings of the conference. M.: Russian training center, 2000. P.52-56.
2. Devkin V.D. German spoken language: syntax and vocabulary. M.: International Relations, 1979. 256 p.
3. Jotov T.D. Some structural and functional characteristics of dialogue: Author. dis. ... Cand. Philology. Sciences: 10.02.01. M., 1977. 25 p.
4. Kirov E.F. Language zeros // Russian Studies and Comparative: Sat scientific. articles. Vilnius-M.: Moscow State Pedagogical University and the CPG, 2007. P. 215-225.
5. Kolshansky G.V. Paralinguistics. M.: URSS, 2008. 96 p.
6. Laptev O.A. Readability oral monologue text // Russian language. Text as a whole, and text components. M., 1982. P. 77-105.
7. Nosenko E.L. The study of speech in a state of emotional stress as a means of expressing some of the trends and current combatant syntax colloquially // Theory and practice of linguistic description of colloquial speech. Gorky, 1978. Part 2. P. 70-75.
8. Salmina L.M. Communication. Language. Thinking. Kazan: in the «DAS» 1, 2001. 169 p.

УДК 811.111.81'373

*Южный федеральный университет
Ст. преп. кафедры теории и практики ан-
глийского языка*

Волкова Е.А.

*Россия, г. Ростов-на-Дону, тел. 8951-497-14-
23;*

e-mail: volkovahelen@yandex.ru

Южный федеральный университет

Студент

Серикова К.В.

Россия, г. Шахты, тел. 8961-294-91-87;

e-mail: sericowa.krist@yandex.ru

Southern Federal University

*The chair of Theory and practice of the
English Language,*

Senior teacher

Volkova E.A.

*Russia, Rostov-on-Don, tel. 8951-497-14-
23;*

e-mail: volkovahelen@yandex.ru

Southern Federal University

Student

Serikova K.V.

Russia, Shakhty, tel8961-294-91-87;

e-mail: sericowa.krist@yandex.ru

Е.А. Волкова, К.В. Серикова

ПРОДУКТИВНОЕ КОНВЕРСИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РАЗГОВОРНОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается проблема определения конверсии, три подхода к описанию сущности данного способа словообразования в лингвистике, продуктивные модели образования слов различных частей речи способом конверсии, структура и семантика производящих основ.

Ключевые слова: конверсия, основа, словообразовательная модель.

E.A. Volkova, K.V. Serikova

PRODUCTIVE CONVERSIVE WORD-FORMATION IN MODERN SPOKEN ENGLISH

The article deals with the problem of the definition of conversion, three approaches to this word-formation means essence description in linguistics, productive word-formation patterns of different parts of speech by means of conversion, structure and semantics of derivational stems.

Keywords: conversion, stem, word-formation pattern.

Несмотря на то, что термин «конверсия» был впервые употреблен еще в конце 19 века Генри Свитом [7; с. 38], его трактовка до сих пор не находит единства среди лингвистов. На современном этапе развития лингвистики выделяют три подхода к определению сущности конверсии: морфологический, синтаксический и морфолого-синтаксический. С точки зрения большинства сторонников морфологического подхода, конверсия не ограничена определенными хронологическими рамками в истории английского языка, она существовала и в древнеанглийский период. Кроме того, она не является специфическим приемом английского языка, а действует и в других, но обладает особенностями, обусловленными морфологическим строем этих языков. По А.И. Смирницкому, конверсия – есть вид производства, при котором словообразовательным средством служит только парадигма слова без каких-либо специально-

словообразовательных средств, словообразованием без аффиксации посредством изменения парадигмы [8; с. 71].

Другой распространенной точкой зрения является то, что конверсия – способ словообразования при помощи нулевой морфемы. Впервые о нулевой морфеме заговорил Л. Блумфилд. Он указал на возможность образования глагола от существительного и прилагательного с помощью нулевого элемента и отмечает, что в некоторых случаях семантические отношения не выражены грамматически. Например, такие слова, как *to tan*, *to dog*, *to nose* и т.д. Данные производные Л. Блумфилд называет «secondary root-words» (второстепенные корневые слова) [2; с. 10]. Г. Марчанд считает нулевую морфему словообразовательным средством конверсии и относит ее к морфологическому типу словообразования [6; с. 35].

Сторонники синтаксического подхода [1; с. 22; 5; с. 167-168] рассматривают конверсию как функциональное изменение. А. Кеннеди определяет конверсию, как сдвиг одной части речи в другую, полагая, что в понятие конверсии можно включить «переходы» в пределах одной и той же части речи. В.М. Жирмунский называет конверсию переходом одной части речи в другую, обусловленным наличием в языке одинаковых исходных (абсолютных) форм слова существительного и глагола, лишенных формальных признаков, с которыми может совпадать и неизменяемое по своей форме прилагательное (инаречие) [3; с. 21].

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является морфолого-синтаксический подход к определению словообразовательной сущности конверсии, предложенный В.Н. Ярцевой [9; с. 80]. А.Я. Загоруйко также рассматривает конверсию как морфолого-синтаксический способ словообразования с помощью сочетаемости и парадигмы. Он считает, что парадигма не может быть единственным словообразовательным средством при конверсии, т.к. существуют неизменяемые слова. Большую роль, по его мнению, играет сочетаемость. Под сочетаемостью понимается среда, т.е. определенные контекстуальные условия, в которых функционируют элементы системы. Также А.Я. Загоруйко говорит о том, что в процессе конверсии могут участвовать практически все части речи [4; с. 60]. Мы разделяем точку зрения отечественных лингвистов в определении процесса конверсии.

Конверсия как способ словообразования обладает высокой продуктивностью в современном разговорном английском языке. В силу того, что части речи в английском языке характеризуются почти полным отсутствием морфологических показателей, т.е. корень, основа и грамматическая форма слова могут совпадать по форме, звучанию и написанию, конверсия является одним из основных способов пополнения словарного состава английского языка. Тем не менее, при создании производного слова путем конверсии от исходной основы происходят некоторые изменения. Производное слово получает новое лексико-грамматическое значение, а также приобретает другую синтаксическую функцию в предложении.

При исследовании 315 лексических единиц словаря «*Longman Exam Dictionary*» нами было выявлено 69 конверсных пар, что составляет 21,9%. В результате словообразовательного анализа конверсных пар, были выявлены следующие словообразовательные модели: $V > N$ (28, т.е. 40,5% от общего количества производных слов по конверсии), $N > V$ (26, т.е. 37,7%), $Adj > V$ (8, т.е. 11,6%), $Adj > N$ (7, т.е. 10%). Мы пришли к выводу, что конверсия более часто используется для образования глаголов (34, т.е. 10,8% от общего количества производных слов) и существительных (35, т.е. 11%). Среди основ наибольшей степенью активности обладают именные основы (37,7% от количества основ, участвующих в образовании слов по конверсии) и глагольные основы (40,6%), менее активны адъективные основы (21,7%).

Так как аффиксальное словообразование не является продуктивным способом образования английских глаголов, конверсия является основным способом образования глаголов в современном английском языке. Проанализировав глаголы, образованные по модели $N>V$, были выявлены классы существительных, способные вступать в конверсивные отношения с другими словами. Основы существительных в исследуемых словах принадлежат к следующим классам:

1) конкретные существительные (38,5 % от количества существительных, участвующих в образовании глаголов по конверсии). Эти существительные принадлежат к разным семантическим группам:

- обозначают предмет или орудие труда. В данном случае производный глагол имеет значение «действовать при помощи того, что обозначено основой». Например, глагол *to dress* образован от существительного *a dress* по модели $N>V$. Рассмотрим его в предложении: *I have to dress smartly for work. Я должна элегантно одеваться ради работы.* Налицо связь производного слова с производящей основой *dress* (платье, т.е. предмет одежды).

- обозначает часть тела. Тогда производный глагол имеет значение, исходящее из значения производящей основы. Например: *He would sooner die than face them. Он скорее умрет, чем встретиться с ним лицом к лицу.* Глагол *to face* имеет значение «столкнуться, встретиться». Очень часто, чтобы передать значение производного слова, приходится трактовать его с помощью производящего.

Также можно отметить тенденцию к более частому использованию производных слов в разговорном английском языке. Например, в словаре “*Longman Exam Dictionary*” глагол *to book* имеет отметку *spoken 2 (2000)*, в то время, как существительное *a book* имеет отметку *spoken 1 (1000)*.

2) абстрактные существительные (61,5% от количества именных основ). В данном случае словообразовательная модель $N>V$ тождественна семантической модели «явление духовной, эмоциональной или физиологической сфер – действие, приводящее к реализации этих явлений». Например, *benefit (выгода, преимущество) – to benefit (помогать)*.

Глаголы также могут быть образованы от адъективных основ по модели $Adj>V$. Адъективные основы уступают в активности именованным основам, но, тем не менее, заслуживают внимания. Группа глаголов, образованных по модели $Adj>V$, немногочисленна, и данная модель не является продуктивной в современном английском языке. Производящие адъективные основы можно условно объединить в одну семантическую группу со значением «быть, стать или сделать таким, как то, что выражено производящей основой». Например, глагол *to dry*, образованный от основы прилагательного *dry* (сухой), в предложении *I'll wash, Sara, you dry* переводится *Я буду мыть, Сара, а ты вытирать*, т.е. глагол *to dry* передает значение «сделать таким, как предполагает значение основы».

Теперь остановимся подробно на производных по конверсии существительных, образованных по моделям $V>N$, $Adj>N$. Словообразовательная модель $V>N$ имеет в своем составе глагольную основу, которая имеет широкие семантические возможности. Глаголы, участвующие в образовании существительных по данной модели, можно разделить на следующие группы:

- глаголы, обозначающие действие, движение, *eg. to drive (везти, ехать) – a drive (катание, езда), to cover (накрывать) – a cover (покрывало), to cut (резать) – a cut (разрез, рана, порез)*. Таким образом, производные существительные имеют разные значения: результат действия, орудие действия и т.д. Рассмотрим производные существительные в конкретных предложениях. Например: *I parked in the drive. Я припарковался*

на подъездной аллее (место). *Put a bandage on that cut. Наложите повязку на рану (результат действия).*

- глаголы психической деятельности, речи, *eg. to feel (чувствовать, ощущать) – feel (ощущение), to dream (мечтать) – a dream (мечта)*. В данном случае производные существительные имеют абстрактное значение. Например: *Is that shirt silk? Ooh, let me have a feel. Эта рубашка шелковая? О-о, дай мне пощупать.*

При помощи конверсии существительные могут образовываться от адъективных основ. В современном разговорном английском языке словообразовательная модель *Adj->N* распространена довольно широко. Проанализировав слова, образованные по данной модели, мы выделели следующие семантические группы прилагательных, служащих основой для образования существительных по конверсии:

- прилагательные, обозначающие цвет. Например, существительное *a black* образовано от прилагательного *black* (черный). Словообразовательное гнездо прилагательного *black* не отличается многообразием, в то время как существительное *black* имеет много значений (*черный цвет, чернота, чернокожий, черное пятно* и другие). Например: *If you see a black on my nose, tell me so. Если увидите у меня на носу черное пятно, скажите.*

- прилагательные, обозначающие физическое состояние человека или состояние окружающей среды. Например, прилагательное *cold* (холодный) может образовать по конверсии существительное *a cold*. Например: *But such a cold weather doesn't last long. Но такой холод не длится долго.*

- прилагательные, передающие признаки пространства и места, *eg. bottom (нижний) – bottom (низ)*.

Таким образом, проанализировав исследуемые конверсные пары, можно сделать вывод, что конверсия представляет собой один из самых продуктивных и несложных способов словообразования в современном разговорном английском языке. Высокопродуктивными словообразовательными моделями являются *N>V, V>N, Adj>V, Adj>N*, причем наиболее активны именные основы. При анализе именных основ нами было установлено, что большинство из них относится к классу абстрактных существительных. Адъективные основы относятся, главным образом, к классу относительных прилагательных, а глагольные основы представляют собой глаголы движения, психической деятельности и речи.

Библиографический список

1. Бауер Л. Словообразование английского языка. Кембридж, 1996. 239 с.
2. Блумфилд Л. Язык. Нью-Йорк, 1965. 239 с.
3. Жирмунский В.М. О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963. С. 6-33.
4. Загоруйко А.Я. К вопросу о конверсии в современном английском языке // Ученые записки кафедр английского, немецкого и французского языков Ростовского государственного института. В.1. Ростов-на-Дону: РГПИ, 1957. С. 3-18.
5. Кеннеди А. Современный английский язык // Хрестоматия по современной лексикологии. Л.: Просвещение, 1975. С. 167-171.
6. Марчанд Г. Категории и типы в словообразовании английского языка. Синхронно-диахронический подход. 1969. 547 с.
7. Свит Г. Новая английская грамматика. Логическая и историческая. Оксфорд, 1955. 500 с.
8. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1975. 256 с.

9. Ярцева В.Н. О внутренних законах развития языка. М., 1952. С.68-98.

References

1. Bauer L. English word-formation. Cambridge, 1996. 239 p.
2. Bloomfield L. Language. New York, 1965. 239 p.
3. Zhirmunsky V.M. About word borders // Morphological word structure in different languages. М., 1963. P. 6-33.
4. Zagoruiko A.Y. To the question of conversion in modern English // Scientific notes of English, German and French languages of Rostov State Pedagogical Institute. I.1. Rostov-on-Don: RSPI. 1957. P. 3-18
5. Kennedy A.G. Current English // Readings in Modern English Lexicology. L.: Prosveschenie, 1975. P. 167-171.
6. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach. München, 1969. 547 p.
7. Sweet H. A New English Grammar. Logical and Historical. Oxford, 1955. 500 p.
8. Smirnitsky A.I. English language lexicology. М., 1975. 256 p.
9. Yartseva V.N. About inner laws of language development. М., 1952. P. 68-98.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 801.3=82(045/046):26

Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет

Канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-
cultural communication, PhD, associate
professor

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;

e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

О СПЕЦИФИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА «РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО» В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

В данной статье рассматриваются способы экспликации концепта «Рождество Христово», лексемы, используемые автором анализируемого произведения для вербализации исследуемого концепта, а также проводится анализ когнитивных признаков, актуализированных в данном произведении, выявляются индивидуально-авторские когнитивные признаки концепта.

Ключевые слова: концепт, когнитивные признаки, праздник, вербализация, лексическая объективация.

N.B. Bugakova

ON THE SPECIFIC OF USING LEXICAL RECOURSES FOR EXPLICATION OF THE CONCEPT «CHRISTMAS» IN I.S. SHMELYOVV'S NOVEL «SUMMER OF THE LORD»

This article discusses on the explication of concept «Christmas», lexemes used by the author of analyzed text, as well it analyses the cognitive features, actualized in this work, identifies the author's individual cognitive features of the concept.

Keywords: concept, cognitive symptoms, holiday, verbalization, lexical objectification.

Известно, что церковные праздники – это дни, посвященные торжественному церковному прославлению самых значительных с точки зрения Православия событий или чествованию святых. Богослужение каждого дня, как правило, имеет несколько празднований, поскольку число церковных праздников значительно превышает количество дней в году.

Вообще в христианской и, соответственно, в православной традиции «праздники – дни отдыха (этимологические словари приводят следующее толкование появления лексемы праздник: «Ввиду наличия *-ра-* заимствовано из церковнославянского, вместо

исконно русского *порожний*», т.е. можно говорить о том, что праздник – это день порожний, пустой, свободный от всяких видов работ) [11; т. 3, с. 353]) и особого прославления Бога, связанные с периодическим (ежегодным или еженедельным) воспоминанием событий (и лиц) Священной истории» [4; с. 365].

Принято считать, что богослужбное чествование этих событий предполагает некое мистическое воспроизведение их в настоящий момент времени, позволяющее верующим полнее приобщиться к их спасительному смыслу [6; с. 224].

Основой для так называемой новозаветной, христианской и, в частности, православной, традиции празднования явилась Ветхозаветная традиция празднований. В частности, это касается празднования Пасхи как средоточия всего года и празднования одного из дней недели как ее кульминации, «малой Пасхи» и дня воспоминания сотворения мира [1; с. 429].

В Ветхом Завете таким днем недели являлась суббота. Место субботы, которая знаменовала завершение первого творения, у христиан заняло воскресенье – первый день недели (после субботы, которая, согласно ветхозаветному исчислению, была последним, 7-м днем), возвещающий о новом творении, начавшемся Воскресением Христа из мертвых. Для более торжественного и основательного воспоминания о спасительных Страданиях Господа ежегодно уделялся особый день – Пасха христианская.

Кроме Пасхи и чествований мучеников на местах, в древней Церкви почти не было других праздников.

После прекращения гонений и обретения христианством статуса государственной религии число церковных праздников начинает увеличиваться. С IV в. входит в обычай отдельное празднование Рождества Христова и Крещения (Богоявления), которые до этого чествовались вместе, Благовещения (от Рождества отсчитали девять месяцев), а также связанных с Пасхой Пятидесятницы и Вознесения. С V – VI вв. к ним прибавляются празднования различных событий земной жизни Иисуса Христа, Богородицы, а чествования святых, став общецерковными, начинают распределяться по дням года. Зачастую дата праздника была обусловлена днем освящения храма, посвященного данному событию или святому, либо заменой какого-либо языческого праздника христианским. После IX в. к этим празднованиям прибавляются воспоминания чудесных событий из жизни Церкви – как общих, так и имеющих отношение исключительно к данной епархии или городу (например, построение или обновление храмов) [7; с. 172].

Существует несколько аспектов классификации церковных праздников:

1) по содержанию (объекту прославления) они делятся на:

- праздники в честь Господа, Богородицы, святых;
- годовщины важных событий церковной и гражданской истории [2; с.107].

2) по степени важности и торжественности праздники принято делить на:

- великие. Среди великих праздников существует следующее разделение: Пасха, двенадцатые и Великие (как общие для всей Церкви, так и местного значения) праздники. Пасха является Праздником праздников и выделяется особо [1; с. 429]. Вторыми по значительности являются двенадцатые праздники. Замыкают череду главных праздников те, которые, хоть и не входят в число двенадцатых, но отмечаются Церковью с не меньшей торжественностью; их называют Великими. Общецерковных Великих праздников насчитывается пять [13; с. 76]. Отдельно следует упомянуть о престольных,

или храмовых, праздниках. К ним относятся праздники, посвященные церковному событию или святому, в честь которого освящен храм или один из его приделов. Они празднуются столь же торжественно, как и двенадцатые.

- средние;
- малые.

3) по времени проведения существует деление на:

- подвижные (или переходящие: они перемещаются по календарю в зависимости от дня Пасхи);
- неподвижные (или непереходящие, т. е. имеющие постоянную календарную дату). Началом неподвижного годового круга богослужения является 1 [14 по н. ст.] сентября, Церковное новолетие, «Новый Год» (в богослужении этого дня именуется «Индиктом») [4; с. 365-367].

В данной статье проанализированы способы лексической объективации концепта «Рождество Христово» в индивидуально-авторской картине мира И.С. Шмелева. Выбор данного концепта обусловлен тем, что автор рассматриваемого произведения уделяет этому празднику наибольшее внимание в силу его особой значимости для православного человека.

В русском языке выделяется следующее значение лексемы *Рождество*: праздник в честь рождения Иисуса Христа [8; т. 12, с. 549].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль приводит значение лексемы *Рождество* только как праздника: «Годовщина рождения, память // день памяти Рождества Христова, 25 декабря» [3; т. 3, с. 452].

Современная русская лексикография отмечает следующие значения лексемы *Рождество*: «Рождество – один из главных христианских церковных праздников, установленный согласно церковному вероучению – в честь рождения Иисуса Христа (отмечающийся православными верующими 25 декабря по старому стилю или 7 января – по новому, а остальными верующими – 25 декабря); Само рождение Иисуса Христа. ♦ Рождество Богородицы – один из двенадцати основных православных праздников в память рождения девы Марии – матери Иисуса Христа (8/21 сентября). *Прил.* рождественский, -ая, -ое (к 1 знач.)» [10; с. 911; с. 682; 9, с. 705].

Рассмотрим лексику *Рождество* и проанализируем ее употребление для объективации концепта *Рождество Христово* в индивидуально-авторской картине мира И.С. Шмелева.

Лексема *Рождество* имеет церковнославянское происхождение. «Ср. др.-русс. рожество, ст.-слав. рожество. Связано с *родить*» [11; т. 3, с. 493]. В древнерусском (у восточных славян) данная лексема означала «рождение». На Руси это церковнославянское слово как название праздника представляет собой более позднее явление.

Рождество Христово является одним из праздников, который отмечается христианами 25 декабря (католиками по юлианскому календарю) и 7 января по н. ст. православными (по григорианскому календарю), в день зимнего солнцеворота – великий христианский праздник в память о рождении Иисуса Христа [4; с. 407].

К достойному празднованию Рождества Христова верующие готовят сорокадневным постом (Рождественским, или Филипповым). Канун, или навечерие праздника, проводится в особо строгом посте и называется сочельником, или сочевни-

ком, так как по уставу церковному в этот день полагается употреблять в пищу сочиво, т.е. сушеные хлебные зерна, размоченные водой. По обычаю православных христиан, пост этого дня длится до вечерней звезды [14; с. 442].

Рассмотрим когнитивные признаки концепта *Рождество Христово*, актуализируемого лексемой *Рождество* и ее синонимами в произведении И.С. Шмелева.

«Завтра заговины перед Филиповками. Так Рождественский пост зовется, от апостола Филиппа: в заговины, 14 числа ноября месяца, как раз почитание его. А там и Введение, а там и Николин день, а там... Нет, долго еще до *Рождества*» [12; с. 228]; актуализируется когнитивный признак «православный праздник, завершающий Рождественский пост».

«Наше *Рождество* подходит издалека, тихо. Глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженных свиной подвозят, – скоро и *Рождество*. Шесть недель постились, ели рыбу. ... Зато на *Рождество* – свинину, все. ... А мороз такой, что воздух мерзнет. Инеем стоит; туманно, дымно. И тянутся обозы – к Рождеству» [12; с. 106]; актуализируется когнитивный признак «праздник, в который положено употреблять в пищу свинину».

«В зале обои розовые – от солнца, оно заходит. В комнатах пунцовые лампадки, пасхальные: в *Рождество* были голубые» [12; с. 68]; актуализируется когнитивный признак «связан с традициями украшения дома».

«Заговины у нас парадные. ... Суп с гусиными потрохами и пирог с ливером. Батюшке кладут гусиную лапку, тоже и протодьякону. Мне никогда не достается, только две лапки у гуся, а сегодня как раз мой черед на лапку: недавно досталось Коле, прошедшее воскресенье Маничке, – до *Рождества* теперь ждать придется» [12; с. 229]; актуализируется когнитивный признак «связан с традициями приема пищи».

Для объективации концепта *Рождество Христово* И.С. Шмелевым используются также следующие синонимы лексемы *Рождество*: *Праздник*, *ФС Рождество Христово*, *ФС Христов Праздник*:

- *Праздник*:

«... двери наши – моют их теперь к *Празднику*, – и медные их ручки, чистят их мятой бузиной, а потом обматывают тряпочками, чтобы не захватили до Рождества: в Сочельник развяжут их, они и засияют, радостные, для *Праздника*» [12; с. 237]; актуализируется когнитивный признак «праздник, требующий особой подготовки жилья».

«Зеркально блестят паркетные полы, пахнущие мастикой с медовым воском, – запахом *Праздника*. В гостиной стелют «рождественский» ковер ...» [12; с. 237]; актуализируется когнитивный признак «праздник, требующий особой подготовки жилья».

«Там и наши большие сани с Антипушкой, для провизии, – целый рынок закупили нынче. Мороз взялся такой – только поплясывай. И все довольны, веселые, ... поглатывают – жгутся горячий сбитень. Только и слышишь – перекликаются:

- Много ль поросят-то закупаешь?

- Много – не много, а штук пяток надо бы, для *Праздника*» [12; с. 238]; актуализируется когнитивный признак «праздник, в который положено употреблять в пищу свинину».

- *ФС Рождество Христово*:

«Входит отец, нарядный, пахнет от него духами. На пальце бриллиантовое кольцо. Совсем молодой, веселый. Все поднимаются.

- С праздником *Рождества Христова*, милые гости, – говорит он приветливо, – прошу откусать, будьте как дома» [12; с. 122]; актуализируется когнитивный признак «православный праздник в честь рождения Иисуса Христа».

«Подбитый барин придет еще, такой смешной. Ему дадут стаканчик водки. Будет махать бумажкой, так смешно. С длинными усами, в красном картузе, а под глазами «фонари». И будет говорить стихи. Я помню:

И пусть ничто-с за этот Праздник

Не омрачает торжества!

Поднес почтительно-с проказник

В сей день *Христова Рождества!*» [12; с. 109];

актуализируется когнитивный признак «православный праздник в честь рождения Иисуса Христа».

«Приглашают за стол и барина. Он садится под образа, к монаху. Ему наливают из бутылки, он потирает руки, выпивает, крикает по-утиному и начинает читать бумажку:

- Слушайте мое сочинение – стихи на праздник *Рождества Христова!*

Вот настало Рождество,

Наступило торжество!

Извещают нас волхвы

От востока до Москвы!» [12; с. 117];

актуализируется когнитивный признак «православный праздник в честь рождения Иисуса Христа».

• ФС *Христов Праздник*:

«Монах приглядывается к Насте, стучит посохом и кричит:

- Репка, не люби крепка! Смой грехи, смой грехи!...

Всем делается страшно. Настя всплескивает руками, как будто на икону.

- Да что ты, батюшка... да какие же я грехи?..

- У всех грехи... У кого ку-рочки, а у тебя пе-ту-хи-и!..

Кормилица бледнеет. Кухарка вскрикивает: «Ах, батюшки!» – и падает головою в фартук. Все шепчутся. Антипушка строго качает головой.

- Для *Христова Праздника* – всем прощенье! – благословляет монах всю кухню» [12; с. 116]; актуализируется когнитивный признак «положено всех прощать».

Для объективации концепта *Рождество Христово* И.С. Шмелевым используются так же дериват лексемы *Рождество* прилагательное *рождественский*:

«Зеркально блестят паркетные полы, пахнущие мастикой с медовым воском, – запахом Праздника. В гостиной стелют «рождественский» ковер ...» [12; с. 237]; актуализируется когнитивный признак «праздник, требующий особой подготовки жилья».

«Когда мы шли домой, то опять на рынке остановились, у бассейны, и стали смотреть на звезды и как поднимается дым над крышами и снег сверкает, от главной звезды, – «*Рождественская*» называется [12; с. 242]; актуализируется когнитивный признак «имеет символ».

«Накрывают в холодной комнате, где в парадные дни устраиваются официанты. Постилают голубую, рождественскую скатерть и посуду тоже ставят парадную, с го-

лубыми каемочками» [12; с. 119]; актуализируется когнитивный признак «для него приготовленный».

Итак, в русской национальной концептосфере по материалам словарей выделяется следующий когнитивный признак концепта *Рождество Христово*: праздник в честь рождения Иисуса Христа.

В анализируемом произведении концепт *Рождество Христово* актуализирует следующие когнитивные признаки: «православный праздник, завершающий Рождественский пост», «связан с традициями украшения дома», «связан с традициями приема пищи», «православный праздник в честь рождения Иисуса Христа», «праздник, требующий особой подготовки жилья», «праздник, в который положено употреблять в пищу свинину», «положено всех прощать», «праздник, требующий особой подготовки жилья», «имеет символ», «для него приготовленный».

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта *Рождество Христово* в языковой картине мира И.С. Шмелева являются следующие: «связан с традициями украшения дома», «связан с традициями приема пищи», «праздник, требующий особой подготовки жилья», «праздник, в который положено употреблять в пищу свинину», «положено всех прощать», «праздник, требующий особой подготовки жилья», «имеет символ», «для него приготовленный».

Для объективации данных когнитивных признаков автором используются лексемы *Рождество*, *Праздник*, *рождественский*, а также ФС *Рождество Христово*, ФС *Христов Праздник*.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. К вопросу об особенностях вербализации концепта «Пасха» в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы междунар. науч. конф., Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 429.
2. Бугакова Н.Б. К вопросу об индивидуально-авторской специфике лексической объективации религиозных концептов в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2013. №11. С. 107.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
4. Малый православный толковый словарь / Н.С. Мовлева. М.: Рус. яз. Медиа, 2005. 527 с.
5. Кузнецов И.Н. Предания русского народа. М.: Вече, 2008. 352 с.
6. Подвигина Н.Б. Специфика языковой картины мира И.С. Шмелева // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2011. С. 224.
7. Подвигина Н.Б. Некоторые способы лексической объективации концепта «Покров» в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне» // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной международной научной конференции, Екатеринбург, 2010. Ч. II. С. 172.

8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Гл. ред. В.М. Чернышев. М.: Л.: АН СССР, 1950-1965.
9. Современный толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2007. 959 с.
10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта – Принт», 2007. 1239 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Астрель: АСТ, 2007.
12. Шмелев И.С. Лето Господне. Человек из ресторана. М.: Дрофа, 2003. 544 с.
13. Шмеман А.Д. Литургия и жизнь: христианское образование через литературный опыт. М., 2002. 159 с.
14. Энциклопедический православный словарь / Сост. В.М. Воскобойников. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 544 с.

References

1. Bugakova N.B. On the verbalization of the concept features «Easter» in the novel I.S. Shmelyov's «Summer of the Lord» // Communicative aspects of modern linguistics and linguistics: Proceedings of International. scientific. conf., Volgograd Univ VolSU 2013. P. 429.
2. Bugakova N.B. On the specifics of the individual author lexical objectification of religious concepts in the novel I.S. Shmelyov's «Summer of the Lord» // Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Construction series «Linguistics and Intercultural Communication», 2013. № 11. P. 107.
3. Dal V.I. Explanatory Dictionary of Russian language: 4 volumes. M.: Olma-Press, 2006.
4. Small Orthodox Dictionary / N.S. Movleva. M. Eng. lang. Media, 2005. 527 p.
5. Kuznetsov I.N. Traditions of the Russian people. M.: Veche, 2008. 352 p.
6. Podvigina N.B. Specificity of the linguistic picture of the world IS Shmelyov // Modern Philology in the context of the interaction of languages and cultures: the Collection of the international scientific-practical conference. Sterlitamak, 2011. P. 224.
7. Podvigina N.B. Some ways lexical concept of objectification «Cover» in the I.S. Shmelyov's «Summer of the Lord» // Current Issues in Germanic, Romance Studies, and Russian Studies. Proceedings of the annual international scientific conference, Ekaterinburg, 2010. Part II. P. 172.
8. Dictionary of modern Russian literary language. In 17 V. / Ch. Ed. V.M. Chernyshev. M., L.: USSR Academy of Sciences, 1950-1965.
9. Modern Dictionary of Russian / Comp. and Ch. Ed. S.A. Kuznetsov. SPb. «Norint» 2007. 959 p.
10. Ushakov D.N. Great Dictionary of Modern Russian. M.: «Alta-Print», 2007. 1239 p.
11. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 V. / Trans. and add. O.N. Trubacheva. M.: Astrel: AST, 2007.
12. Shmelyov I.S. Summer of the Lord. Man of the restaurant. M. Drofa, 2003. 544 p.
13. Schmemann A.D. Liturgy and Life: Christian education through literary experience. M., 2002. 159 p.
14. Collegiate Orthodox Dictionary / Comp. V.M. Voskoboynikov. M.: Publishing house Penguin Books, 2005. 544 p.

Правила оформления статей в Научном Вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном Вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без

точки в конце. После таблицы - пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54-67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. *Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см.* **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуются не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21th c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «*the first snow*» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Keywords: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренный» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у

разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал,*

Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николукин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабочен-*

ный, растерянный). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> *Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обуславливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстурными семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функцио-

нировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первоизданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега*

первого белее. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что об-

раз первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №13, 2014 г.

Научный журнал

Подписано в печать 22.09.2014. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 20. Тираж 500 экз. Заказ № 375

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной и учебно-методической литературы Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84